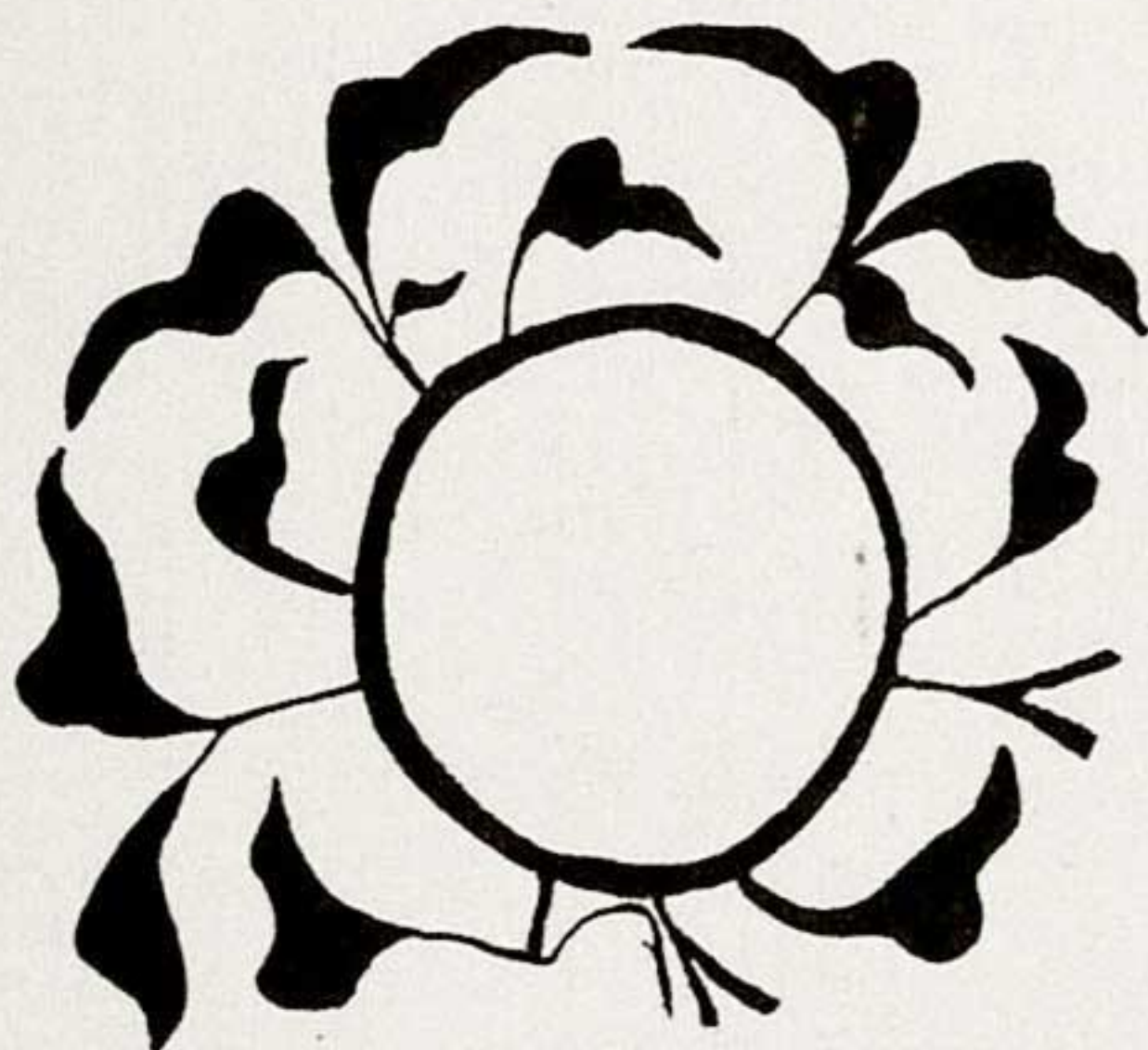

МАТЕРИАЛЫ ТОХАРИСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

**Выпуск 4
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ШУРОБКУРГАНА**

Елец — 2004

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. А. БУНИНА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ВОСТОКА

ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

МАТЕРИАЛЫ ТОХАРИСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск 4

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ШУРОБКУРГАНА**

УДК 94"04/14
ББК 63/3(03)
М 34

Печатается по решению редакционно-издательского
совета Елецкого государственного университета
имени И. А. Бунина от 21. 05. 2004 г., протокол № 3

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, академик Э.В. Ртвеладзе,
доктор исторических наук, профессор В.С. Соловьев

Рецензенты:

заведующий сектором Средней Азии ОИМК и ДИ Государственного
Музея Востока, доктор искусствоведения Т.К. Мкртычев;
кандидат исторических наук, профессор Н.А. Тропин

М 34 Материалы Тохаристанской экспедиции. Выпуск 4. Археологические
исследования Шуробкурмана. - Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2004. -
118 с.
ISBN 5-94809-088-4

В сборник включены материалы раскопок поселения Шуробкур-
ман, расположенного на юге Узбекистана.

Сборник будет интересен археологам, историкам, краеведам,
студентам.

УДК 94"04/14
ББК 63/3(03)

ISBN 5-94809-088-4

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2004
© Авторы, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник отражает результаты археологических исследований на городище Шуробкурбан Международной Тохаристанской Археологической Экспедиции (МТАЭ), созданной в 1999 г. на базе отдела Истории искусств НИИ Искусствознания Академии Художеств Республики Узбекистан и Узбекистанской Искусствоведческой Экспедиции (УзИскЭ) того же института. Несмотря на то, что основные работы этой экспедиции сконцентрированы на расположенном рядом к западу от Шуробкурбана городище Кампыртепа, в круг ее научных интересов входит весь юго-западный треугольник Сурхандарьинской области Узбекистана, с одной - южной стороны, ограниченной долиной Амударьи, отделяющей Узбекистан от Афганистана, а с другой - северо-западной - горным массивом Кугитанг, разделяющим Узбекистан и Туркменистан. Этот регион представляет собой значительный научный интерес в историко-культурном плане, являя собой в древности зону бактрийско-парфяно-маргианских культурных контактов и взаимодействий. Именно на этой территории, вероятно, во II тыс. до н. э. возникает первое оседло-земледельческое поселение в Северной Бактрии - Сапаллитепа, а к северо-востоку от него впоследствии вырастает огромное по площади протогородское поселение Джар-Кутан.

Как сейчас выясняется, один из маршрутов переселения в Северную Бактрию оседло-земледельческих племен из Маргианы шел не только через Южную Бактрию и переправы на Оксе, но и по маршруту Маргиана - переправа в районе Керки - долина Кугитанг-дарьи и через горный проход - в Пашхурдскую долину. На это указывает открытое в 1989 г. Э.В. Ртвеладзе поселение эпохи бронзы в долине Кугитангдарьи и недавняя находка сосуда сапаллинского этапа в районе городища Дабил-Курбан в к. Пашхурд.

В этом же районе расположены такие ключевые памятники эпохи раннего железа, как Кучуктепа и Талашкан I. На участке Амударьи, отделяющей здесь Северную Бактрию от Южной, находятся важнейшие в древности переправы - Шуроб и Чушка-Гузар, через которые проходили войска Александра Македонского в Трансоксиану. Здесь же, на месте Кампыртепа, в конце IV в. до н.э. возникает крепость (не исключено, что это Александрия Оксианская), в эллинистическое и особенно в кушанское время перерастающая в довольно значительный город, впервые зафиксированной для древней эпохи оригинальной террасной застройкой основной части и цитадели. Есть все основания для локализации на этом месте так называемой «греческой» переправы - Пандахейон автора XV в. Хафиз-и Аbru. Эта крепость, в частности, контролировала важнейший участок торгового

пути, шедшего из Индии по долине Окса в Маргиану, а затем в Парфиену и далее в Закавказье. Этим же путем, как теперь выясняется, шло, вероятно, проникновение буддизма из его крупнейшего центра - древней Тармиты в Маргиану.

Имеются и другие факты, свидетельствующие о важнейшем историко-культурном значении этого региона в истории Бактрии - Тохаристана.

Результаты археологических исследований на городище Кампыртепа уже нашли отражение в многочисленных статьях и трех выпусках «Материалов Тохаристанской археологической экспедиции». В значительно меньшем объеме опубликованы материалы исследований Шуробкурмана, расположенного всего в 500 м к востоку от Кампыртепа. Они изданы частично в статьях Г.А. Пугаченковой, Э.В. Ртвеладзе, С.Б. Болелова, П. Гендельмана, В. Луневой.

Учитывая это обстоятельство, было решено посвятить Шуробкурману отдельный сборник, в котором нашли отражение основные итоги полевых археологических исследований, проведенных на этом городище в разные годы. Эти работы, также как и на Кампыртепа, как мы отметили выше, проводились вначале в рамках УзИскЭ, а с 1999 г. Тохаристанской Археологической Экспедицией НИИ Искусствознания Республики Узбекистан. В 2001 г. был заключен официальный договор о совместных работах на этих городищах между Институтом Истории Академии Наук, НИИ Искусствознания Академии Художеств Республики Узбекистан и Государственным Музеем Востока в г. Москве, а в 2003 г. такой же договор был заключен с Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина Российской Федерации. Была создана Международная Узбекско-Российская Тохаристанская Археологическая экспедиция (МУРТАЭ), в работах которой эпизодически принимают участие также ученые Франции, США и Южной Кореи, вносящая посильный вклад в изучение древней и средневековой культуры Узбекистана.

Э.В. Ртвеладзе, В.С. Соловьев

ГОРОДИЩЕ ШУРОБКУРГАН

Место расположения и топографическая ситуация.

Согласно современному административному делению, городище Шуробкурбан находится в Музрабадском районе Сурхандарьинской области Республики Узбекистан, в 30 км к западу от г. Термеза, на правом берегу Амударьи у кишлака Шуроб.

Шуробкурбан входит в систему разновременных городищ, занимающих большой участок правой надпойменной лессовой террасы, круто обрывающейся в пойму Амударьи. Этот участок террасы с востока ограничен рекой Карасу, впадающей в Амударью, а с западной - широкой долиной древней реки, по дну которой и сейчас протекает небольшой ручеек Солянка. Протяженность всего участка с востока на запад более 2 км. На этом участке террасы расположены три последовательно сменявшие друг друга городища: Шортепа - крайнее западное, основной период обживания - V-IV вв. до н.э., частичное обживание - I-II вв. н.э., занято мусульманским кладбищем XIX-XX вв.; Кампыртепа - центральное (III в. до н.э. - II в. н.э.); Шуробкурбан - крайнее восточное. У русла Карасу - начало обживания III - IV вв. н.э., последний период на цитадели Шуробкурбана - XIX - нач. XX в. н.э. (Ртвеладзе, 2001, с. 3-12, рис. 3). У этого городища находилась постоянно действовавшая, вплоть до XX в., переправа через Амударью по дороге Балх - Шуроб.

История изучения.

Городище Шуробкурбан нанесено на план, составленный штабс-капитаном А. Быковым во время рекогносцировки долины Амударьи в 1878 г. (Быков, 1879, с. 3, 7, 19, план). Он же и полковник Н. Маев, (Маев, 1879, с. 164), также совершивший первую рекогносцировку дорог в Восточной Бухаре в том же году, описали переправу Шуроб и другие переправы, проходящие через Амударью. Однако никаких сведений о городище Шуробкурбан они не приводят.

Впервые с археологической целью Шуробкурбан был обследован автором данной статьи, посетившем его в неимоверно жаркий день 1972 г. при разведочном изучении долины Амударьи от Термеза до Кара - Камара и Келифа по линии маршрутного отряда Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. При этом был снят глазомерный план, собран подъемный материал, определены размеры и топография городища, а также хронологические рамки обживания

(Ртвеладзе, 1974, с. 74). На основании этих исследований, Э.В. Ртвеладзе отождествил известную по данным Хафиз-и Абру «греческую» переправу Бурдагуй-Пардагви-Пандахейон и находящийся при ней населенный пункт с переправой Шуроб и комплексом городищ Шуробкурбан и Кампыртепа (Ртвеладзе, 1977, с. 182-186), вопреки мнению В.Ф. Минорского, локализовавший ее к востоку от Термеза. (Minorsky, 1967, p. 45-53).

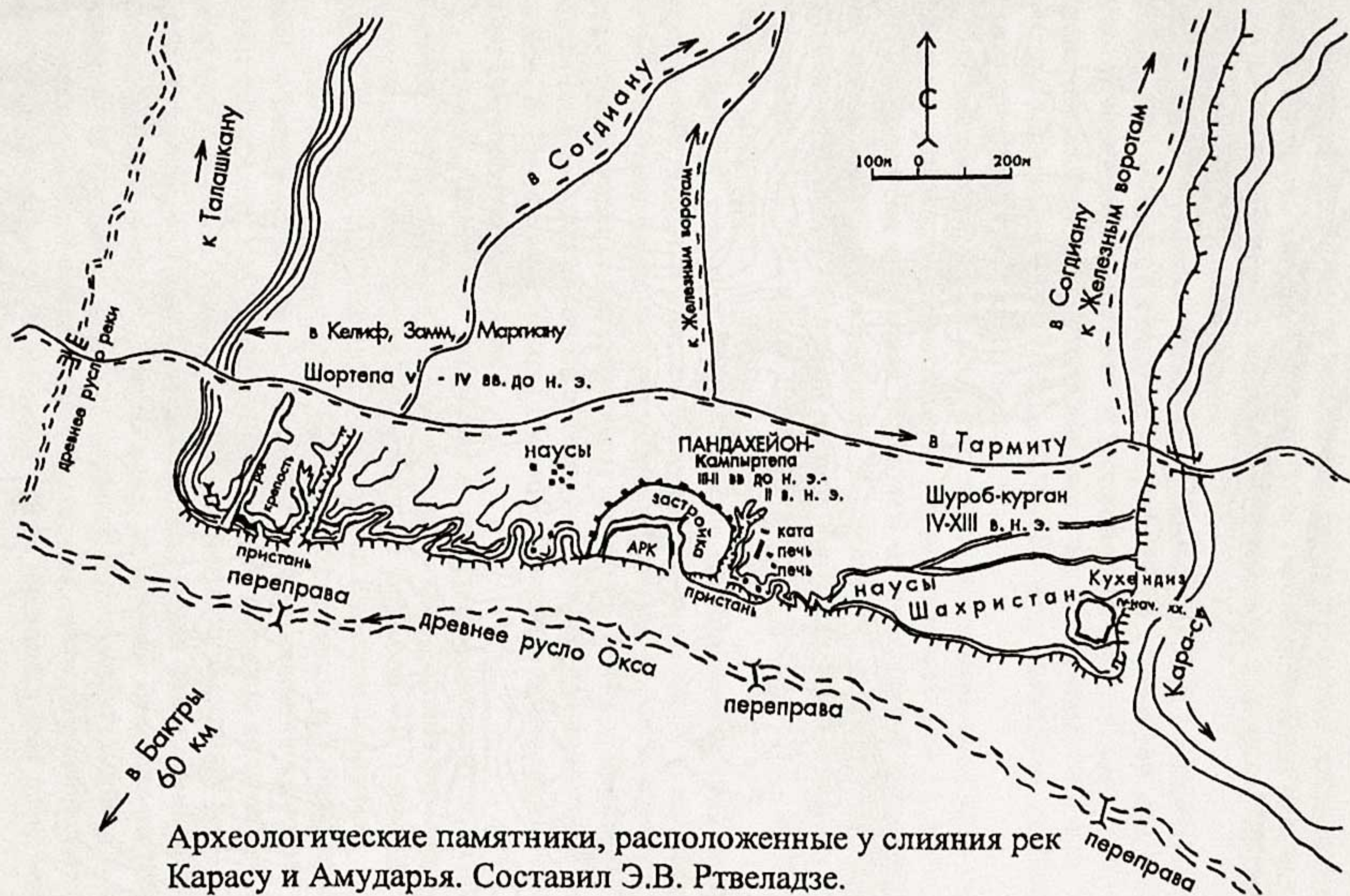
В 1982 г. отдельный отряд УзИскЭ под руководством автора данной статьи начал широкие археологические исследования на городище Кампыртепа, где в 1979 г. были изучены только отдельные наусы. Наряду с ним изучался и Шуробкурбан, где археолог С.Б. Болелов из государственного музея Востока (г. Москва) на отдельном холме раскопал раннесредневековую усадьбу VII - первой половины VIII в. (Болелов, 1987, с. 31-33). Тогда же археолог М.Х. Исхаков заложил два шурфа к северу от цитадели на пониженном участке у р. Карасу, где, по-видимому, располагалось ремесленное производство.

В 1984 г. на западной оконечности городища совхозом «Правда» планировалось строительство большого животноводческого комплекса, однако, после вмешательства нашей экспедиции оно было приостановлено. Тем не менее, здесь была вырыта большая траншея, в которой археолог С. А. Савчук раскопал восемь овальных погребальных ям с захоронениями костяков на правом боку, головой на северо-запад, при полном отсутствии погребального инвентаря.

К западу от этого кладбища, датировка которого неясна, на самом краю городища перед рвом находится цепочка из нескольких овальных в плане холмов размером 10x15 м, 15x20 м, высотой до 3-4 м, которые были определены как наусы. Один из них, самый северный, тогда же был раскопан С.А. Савчуком, а сведения о нем были опубликованы в статье Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1989, с. 60). Раскопки наусов были продолжены в конце 80-х годов археологом Д. Абдулаевым из Ленинградского отделения Института Археологии, отряд которого совместно с УзИскЭ работал на городищах Кампыртепа и Шуробкурбан. Д. Абдуллаев раскопал еще несколько наусов, однако эти данные не были опубликованы.

В 1990 г. Э.В. Ртвеладзе вскрыл еще один наус, сведения о нем публикуются в данном сборнике.

В те же годы П. Гендельман из Музея Истории им. Айбека в г. Ташкенте по нашему поручению осуществил закладку нескольких шурфов и небольших раскопов на цитадели Шуробкурбана, что отражено в его опубликованной статье (Гендельман, 2001, с. 91-108). Тогда же архитектор И. Лунькова сняла подробный топографический план городища.

Археологические памятники, расположенные у слияния рек Карасу и Амударья. Составил Э.В. Ртвеладзе.

0 50 м

Шуробкуртан. План поселения.

Раскопки Шуробкурмана были продолжены в 2002 - 2004 г. В. С. Соловьевым из Государственного Университета им. И.А. Бунина (г. Елец) по линии Тохаристанской экспедиции. Результаты этих исследований публикуются в данном сборнике.

Кроме того, Г.А. Пугаченкова опубликовала уникальную чашу XI в. с изображением сидящего человека, случайно найденную на городище Шуробкурман (Пугаченкова, 1991, с. 32-34), Э.В. Ртвеладзе дал описание нескольких монет из раскопок С.Б. Болелова, в том числе подражаний монетам Пероза, танскую монету VII в. и фельс Насра б. Саййяра (Ртвеладзе, 1985, с. 38-43), а С.Б. Болелов опубликовал комплекс из раскопок усадьбы (Болелов, 2001, с. 64-68).

Топография городища и хронология его обживания.

Городище Шуробкурман занимает крайнюю западную часть надпойменной террасы, в пространстве между р. Карасу, ограничивающая его с восточной стороны и поймой Амударьи с южной стороны. С севера и востока основная часть городища ограничена рвом-каналом, выведенном из Карасу и доведенном до поймы Амударьи. Общая протяженность городища, вытянутого с длинной стороны с востока на запад на высокой речной террасе - более 600 м, с севера на юг - несколько более 400 м. При этом следует учесть, что с южной стороны городище частично разрушено из-за естественных обвалов берега лессовой террасы, выходящей к пойме Амударьи, русло которой в древности непосредственно омывало городище с этой стороны.

Городище состоит из двух основных частей: цитадели и собственно «города», территория которого в свою очередь делится на несколько участков, что обусловлено разновременностью их обживания.

Цитадель расположена в юго-восточном углу городища. Квадратная в плане (170x170 м), площадь около 3 га возвышается над отдельной частью на высоту около 10 м. Ее восточная сторона обращена к Карасу, а южная - к пойме Амударьи. С северной и западной стороны цитадель отделена от остальной части городища широким рвом.

Собственно «город», расположенный к западу и северу от цитадели, состоит из трех участков, разделенных рвами, которые, по видимому, помимо своих оборонительных функций, выполняли роль каналов, снабжавших город водой. Эти рвы, выведенные из Карасу, проходили через все поселение и выходили к пойме Амударьи. В настоящее время, на их месте образовались овраги, шириной 6 - 12 м, глубиной 2 - 5 м.

Первый и второй, т.е. южный и средний, участки, разделенные первым рвом-каналом по своей конфигурации одинаковы - это вытянутые параллельно друг другу, не очень широкие, но возвышенные блоки жилой застройки, в основном, эпохи развитого средневековья. Вместе с тем, по западному краю этих участков тянется цепочка округлых и продолговатых холмов, которые, как оказалось, представляют собой погребальные наусы.

Иной планировки третий - северный участок - отделенный от предыдущих с южной стороны вторым рвом, с западной стороны от него - пониженная свободная от застройки площадь. С севера участок ограничивает еще один ров, с востока - лессовой обрыв Карасу. Этот участок подквадратный в плане (150x130 м) с несколько скошенной северо-западной гранью.

В настоящее время весь этот участок засыпан метровым слоем грунта вынутого при строительстве ирригационного канала, вдоль которого проложена грунтовая с щебнем автомобильная дорога, ведущая на современное кладбище. С северной стороны от дороги В.С. Соловьевым был заложен раскоп, в котором выявлены несколько помещений VII - VIII в. н.э. (описание их см. в статье В.С. Соловьева в данном сборнике).

Вместе с тем, при наших первых обследованиях 1972 г., было установлено, что этот участок обжился только до IX в. н.э. Здесь, в частности, были найдены фрагменты керамики IV - V в. н.э., три терракотовые плитки с изображением стоящего воина с копьем в «кушанской» позе, относящиеся к тому же времени (их анализ см. в статье Дж. Я. Ильясова в данном сборнике), а также бронзовая монета из числа подражаний Васудеве I.

Между северным участком и цитаделью находится отдельно стоящий бугор, высотой до 8 м, который, как показали раскопки С.Б. Болелова, был занят раннесредневековой усадьбой VII - первой половины VIII в. н.э. (см. статью С.Б. Болелова в данном сборнике).

Следы былой застройки были зафиксированы в пойме Карасу за рвом, к северу от цитадели, причем с этой стороны по краю рва проходил невысокий вал. Здесь было найдено большое количество керамических шлаков и брака, а также отдельные железные шлаки. Это говорит о том, что данный участок был занят ремесленниками различных специальностей. Кроме того, по словам местных жителей, к северу от цитадели за железнодорожным мостом через Карасу, в обрыве берега реки они неоднократно находили кости, керамические сосуды и другие предметы, возможно, здесь находится еще один могильник.

Проведенные исследования позволяют в определенной степени восстановить историческую топографию Шуробкурмана и хронологию его обживания.

Раннесредневековое поселение (V-VIII вв. н.э.) располагалось вдоль правого берега Карасу, с юга на север. Оно состояло из двух частей: цитадели, укрепленной стенами с башнями и обводным рвом и неукрепленного поселения (150x130 м) к северу от него. Между этими двумя частями находилась большая усадьба, а в пониженной части поймы Карасу - ремесленное производство. К юго-западу от поселения находился большой некрополь, состоящий из наземных наусов, еще один некрополь, вероятно, находился к северу от поселения.

В X-XII вв. стали обживаться дотоле незаселенные участки один и два, тогда как участок три был заброшен.

В последующие века, вплоть до начала XX в., интенсивно обживалась только цитадель, тогда как участки один и два обживались менее интенсивно.

Список литературы

1. Болелов С.Б. Раннесредневековая усадьба в Шуробкурране // АСУ. 1987. № 6.
2. Болелов С.Б. Комплекс керамики VII - VIII веков из Северного Тохаристана // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001. С. 64-68.
3. Быков А. Очерк переправ через реку Аму-дарью. Ташкент, 1879. С. 3, 7, 19, план.
4. Гендельман П. Результаты археологических исследований на цитадели Шуробкуррана // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001. С. 91 - 108.
5. Маев Н.А. Очерки бухарского ханства. // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. V. СПб, 1879. С. 164.
6. Пугаченкова Г.А. Уникальная чаша из Шуробкуррана // ОНУ. № 5. С. 32-34; Древности Южного Узбекистана. Токио, 1991. № 3.
7. Ртвеладзе Э.В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л., 1974. С. 74.
8. Ртвеладзе. К локализации греческой переправы на Оксе // ВДИ. 1977. № 4. С. 182-186.
9. Ртвеладзе Э.В. К истории денежного обращения в Саганиане и Термезе в VIII - XII вв. // ЭВ. 1985. № 23.
10. Ртвеладзе Э.В. Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане. // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989. С. 60.
11. Ртвеладзе Э.В. К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 году // Материалы Тохаристанской экспедиции. Археологические исследования Кампыртепа. Вып. 2. Ташкент, 2001. С. 3 - 12, рис. 3.
12. V.F. Minorsky. A Greek Crossing on the Oxus. //BSOAS. № 30, London, 1967, p. 45-53.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ГОРОДИЩЕ ШУРОБКУРГАН В 1982 ГОДУ
(К ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ТОХАРИСТАНА
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ).**

Раскопочные работы на территории Шуробкургана были начаты в 1982 г., они велись на естественном, овальном в плане холме (120x50 м) высотой чуть более 15 м, находящемся приблизительно в 100 м. к северо-западу от цитадели городища¹. На территории шахристана были заложены и доведены до материка два стратиграфических шурфа.

Холм, на котором был заложен основной раскоп, получивший порядковый номер Ш-К Р-1, внешне напоминал так называемую «вышку с двором» - возвышенная часть расположена в южной его трети, поэтому первоначально он был квалифицирован как остатки раннесредневекового замка. Дальнейшие работы показали, что наши предположения были ошибочны.

Раскопки были начаты в южной части холма, условно названной «вышкой». По внешнему краю возвышения еще до раскопок частично прослеживалась пахсовая ограда толщиной от 0,4 до 0,6 м. В северо-западной части «вышки» - невысокое округлое в плане возвышение диаметром около 20 м, где и был заложен раскоп площадью 25 кв.м.

Каких-либо архитектурных остатков в этой части холма не обнаружено. Максимальная мощность культурного слоя - 0,7 м отмечена на северо-западном участке «вышки». Непосредственно на уровне материка зафиксирован слой плотной комковатой пахсы толщиной 50-60 см, в котором попадаются обломки обожженных плиток толщиной - 4-9 см. Аналогичный слой, но меньшей мощности отмечен на всей площади «вышки». Непосредственно на слое пахсы лежит зольный слой с кусочками обугленного дерева и соломы - надо полагать, остатки сгоревшего легкого навеса.

В результате зачисток вдоль пахсовой ограды по всему ее периметру, на глубине 5-10 см от современной дневной поверхности, удалось зафиксировать отдельные участки древнего уровня двора, соответствующего уровню материковой поверхности, на которой также лежит слой золы небольшой мощности. На этом же уровне отмечены пятна обожженной земли, а в южной части двора, на расстоянии 1,8 м от ограды зафиксировано очажное пятно диаметром 40 см.

К этому периоду обживания холма относится небольшое количество маловыразительных фрагментов керамики, среди которых

можно отметить несколько черепков покрытых «грязной» голубой глазурью, а также фрагмент чаши, покрытой изнутри марганцевой поливой бледно-лилового цвета. По-видимому, к этому же периоду относится тонкая медная монета, диаметром 9 мм, которая была найдена здесь еще до начала раскопок. Комплекс керамики, полученный в результате зачисток на «вышке», можно датировать эпохой позднего средневековья, не ранее XV в. Соответственно к этому же времени относятся и остатки каких-то легких временных построек. Надо полагать, это был крытый соломой навес и огороженный двор рядом с ним.

В дальнейшем работы были сосредоточены в северной, пониженной части холма, где было полностью раскопано раннесредневековое здание, и выявлено, по крайней мере, два основных периода его существования, во время которых менялся не только его архитектурный облик, но и функциональное назначение.

Первый период.

К начальному этапу обживания северной части холма относятся помещения: I, V, двор между ними (ном. II), кирпичная кладка или платформа к западу от помещения V и большое помещение, возможно айванного типа, к востоку от помещения I (пом. VI и VII) (рис. 1). Все стены этого периода сложены в перевязку из прямоугольного сырцового кирпича: 55 x 29 x 9 см; 52 x 30 x 9 см; 50 x 30 x 9 см; 50 x 26 x 9 см; 48 x 29 x 9 см. Они возведены непосредственно на материковом грунте, который представляет собой плотную слоистую глину красно-коричневого цвета. Восточный склон холма при строительстве здания был немного подрублен, в результате чего образовалась ступенька высотой 50 см и шириной чуть более 1 м. На этом уступе была построена часть западной стены I помещения (рис. 2,1). Надо полагать, это было сделано для того, чтобы увеличить ширину основания западной стены здания и, одновременно, укрепить склон холма. Вполне возможно, что в верхней части западная стена здания была несколько уже, а кирпичная кладка на уступе была использована в качестве цоколя.

Помещение I занимало северо-западную часть здания. Оно было прямоугольным в плане - 7,4 x 5,25 м. Проход шириной 1,5 м. обнаружен в южной стене. Вдоль северной и восточной стен помещения была устроена суфа высотой 50 см. Она сложена из прямоугольного сырцового кирпича: 50x30x9см; 50x27x 9см; 50x26x см. Ширина суфы у северной стены - 1,2 м; у восточной - 1 м. Уровень пола первого периода в виде обмазки темно-серого цвета толщиной 3 см зафиксирован на уровне 1,7 от реперной точки² и на глубине 0,95 м от уровня современной дневной поверхности. Непосредственно на уровне пола

отмечен слой рыхлой супеси с высоким содержанием золы и органики, толщиной 5-6 см, который перекрывается плотным слоем органики зеленого цвета мощностью 10-15 см. Выше идет слой рыхлой земли с большим количеством кусков сырцовых кирпичей и обожженной глины толщиной 20-25 см, который в свою очередь перекрывается обмазкой пола II периода. Таким образом, мощность культурного слоя соответствующего первому периоду жизни здания составляет 40-45 см (рис. 2, 1).

Небольшая сохранность стен не позволяет однозначно ответить на вопрос о перекрытии помещения. Надо думать, оно было плоским. Вряд ли возможно предполагать в обычном жилом доме сводовое перекрытие пролета в более чем пять метров. Косвенным подтверждением этого предположения является находка в слоях заполнения помещения части слегка обтесанного деревянного бруса толщиной 15 см, сохранившаяся длина - 60 см. Возможно, это часть поперечной балки плоского перекрытия.

В кирпичной кладке западной стены помещения была найдена медная монета плохой сохранности, предварительно отнесенная к кушано-сасанидскому чекану³.

Еще одна монета - Д-30 мм - была найдена в культурном слое над уровнем нижнего пола. Сохранность неудовлетворительная.

Л.с.: бюст правителя в короне вправо, по краю монетного кружка угадываются симметрично расположенные четыре точки. По краю лицевой стороны надчеканы, изображение в них разобрать не удалось.

О. с.: в центре алтарь огня, по обеим сторонам которого стоят человеческие фигуры.

Помещение II (двор) расположено к югу от первого помещения. Двор, по всей видимости, был прямоугольным в плане (9,5x7 м), вытянутым по оси С-Ю. Проход в северной стене двора, как уже упоминалось выше, вел в помещение I. Еще один проход, шириной 1,2 м, обнаружен в юго-восточном углу двора. Он вел в небольшой коридор, который соединял двор, и помещения восточной части здания. Надо полагать, двор был открытым, во всяком случае, никаких следов стоек или столбов, которые могли бы поддерживать перекрытие, здесь не обнаружено (рис. 1).

Незначительные по площади участки уровня пола двора в виде тонкой глиняной обмазки темно-серого цвета расчищены на отметках -1,70-1,75 от реперной точки и на глубине 50-60 см от уровня современной дневной поверхности. О том, что это помещение является хозяйственным двором, свидетельствует, прежде всего, характер наслоений в этой части здания. Непосредственно на уровне пола лежит сравнительно плотный, утоптаный слой органики зеленовато-

коричневого цвета с большим количеством керамики и костей животных. Мощность этого слоя на отдельных участках достигает 30-40 см.

С юга двор был ограничен внушительной по размерам, прямоугольной в плане кирпичной платформой, собственно, северная грань этой платформы является южной стеной двора. Она сложена из прямоугольного кирпича обычного для здания формата. Западная часть этого сооружения полностью смыта, поэтому достоверно удалось установить только его ширину - 4,60 м. Следует заметить, что кладка была сплошной, во всяком случае, каких-либо различий или швов в ней, позволяющих интерпретировать ее как забутовку помещения обнаружить не удалось. Почти в центре, перед выходом из двора на восток, северная грань платформы делает небольшой поворот на юг. В результате чего ширина ее сокращается на 60 см (рис. 1). Это вызвано, по всей видимости, тем, что строители здания при возведении платформы учитывали или предполагали существования прохода, ведущего из двора на восток. Если бы эта грань была прямой ширина прохода и соответственно коридора была бы не более 60 см, что явно не устраивало жителей здания. Прямо напротив этого поворота, но уже на южной грани платформы удалось расчистить небольшой трапециевидный в плане пилеастр, который составляет с кладкой единое целое (рис. 1).

Интерпретировать это сооружение весьма затруднительно. Это связано, прежде всего, с его незначительной сохранностью - не более 30 см от уровня материка. Вполне вероятно, что это платформа или цоколь под помещением, которое по каким-то, неясным в настоящее время причинам возвышалось над остальными постройками. Нельзя исключать и того, что это остатки пандуса или лестницы ведущих на крышу здания, тем более что примеров использования в различных целях крыши зданий в эпоху раннего средневековья достаточно (см., например: Ртвеладзе, 1983, с. 464).

Помещение V расположено в юго-восточном углу здания. Примечательно то, что оно было построено одновременно с кирпичной платформой; западная стена помещения является восточной ее гранью. При этом никаких швов между стенами помещения и кирпичной кладкой платформы не обнаружено. Помещение было трапециевидным в плане. Оно имело один проход, ширину которого достоверно установить не удалось. Можно предполагать, что она была не менее 0,7-0,8 м. Проход выводил в коридор, связывающий восточную и западную части здания. Длина коридора по всей его протяженности - 5,5 м; ширина - 1,2 м (рис. 1).

Уровень пола V помещения в виде глиняной обмазки темно-серого цвета частично зафиксирован на отметках - 1,65-1,70 от реперной точки и, соответственно, на глубине 0,5 м от уровня современной дневной поверхности.

В северо-западном углу помещения *in situ* обнаружены два хума, нижняя часть которых была вкопана в материковый грунт. Сосуды сформованы из глины с обильными примесями шамота и гипса, черепок в изломе черного цвета. С внешней стороны они были покрыты густым ангобом бурого цвета. Максимальный диаметр тулова - 60 см, диаметр устья не менее 35-40 см. Высоту сосуда точно установить не удалось, но можно предполагать, что она была не менее 1 м. Хумы имели невысокую, но четко выделенную горловину, и высокий профилированный венчик в виде скругленного манжета. Стенки сосуда в придонной части, в месте их перехода к уплощенному сферическому дну были украшены пальцевыми вдавлениями. Хумы были доверху заполнены золой и кусками обожженной глины.

V помещение полностью было заполнено золой с кусками обожженной глины и большим количеством керамики. Здесь было найдено несколько целых сосудов. Среди них следует отметить два небольших кувшина со сравнительно широкой горловиной. Один из них был сформован от руки, под венчиком расположен сравнительно крупный налп в виде косоо креста (рис. 8, 3). Здесь же найден небольшой горшок с шаровидным туловом и сравнительно высокой и узкой горловиной, также изготовленный вручную и подправленный на вращающейся подставке. Кроме того, в этом же помещении обнаружены две крупные миски. Одна из них - лепная, имела волнистый верхний край.

Надо полагать, в первый период жизни здания это помещение выполняло хозяйственные функции, о чем свидетельствуют два крупных хума, стационарно установленные в углу помещения. Во второй период, оно используется для свалки мусора. Из этого следует, что весь материал из заполнения V помещения относится ко второму периоду обживания памятника.

Восточный двор - айван (помещения VI и VII) занимает почти всю восточную часть здания. Это было большое прямоугольное помещение длиной 17 м с юга на север. Ширину его достоверно определить не удалось, можно лишь предполагать, что она была не менее 5 м. Следует заметить, что эта часть здания сохранилась очень плохо, особенно это касается южной и северной стен помещения, наличие которых установлено по остаткам нижнего ряда кирпичей на поверхности материка. Капитальной восточной стены этого помещения обнаружить не удалось, вполне возможно ее и не было вовсе. Собственно это обстоятельство и послужило основанием для гипотезы о том, что восточной части здания был большой двор айванного типа (рис. 1).

Однако нельзя исключать и того, что восточная стена этого помещения была просто смыта. В этом случае можно предполагать, что

здесь был большой зал с капитальными стенами и, возможно, разделенный легкими перегородками. В связи с последним предположением обращает на себя внимание небольшой выступ на западной стене почти по центру помещения, условно разделяющий его на две почти равные части (рис. 1). Следы тонкой кирпичной перегородки (ширина стенки 55 см - 1 кирпич) выявлены в центральной части помещения. С уверенностью можно говорить, что она относится не к самому раннему этапу 1 периода, - стенка была поставлена на обмазку пола помещения (рис. 2, 1). Ее удалось проследить на расстояние не более пяти метров. Направление перегородки не соответствует капитальным стенам помещения. Она делает два поворота, таким образом, что образуется втягивающий проход из северной части помещения в южную (рис. 1). Можно предполагать, что это часть невысокой барьерной стенки, которая шла по краю холма и, возможно, повторяла его очертания. С остальными помещениями эта часть здания, по всей видимости, сообщалась через проход в юго-восточном углу, ведущий в южный коридор (рис. 1).

Весьма заманчиво предположить, что с северо-востока был подъем в здание от подножья холма. Если это предположение, верно, то входящий попадал сначала в северную часть айвана, которая являлась своеобразным вестибюлем, затем через втягивающий проход входил в южную часть айвана, с востока ограниченную барьерной стенкой, и через южный коридор проходил в западную часть здания (рис. 1).

Нижний пол помещения или двора в виде глиняной обмазки светло-коричневого цвета зафиксирован в северной его части на отметке - 1,70 от реперной точки. Непосредственно на полу зафиксирован тонкий слой плотной утоптанной земли с высоким содержанием золы и органики. Выше идет слой комковатой земли серо-коричневого цвета с кусками прямоугольных сырцовых кирпичей и обожженных плиток (32x5 см) (рис. 2, 1). Мощность этого слоя - 25 - 30 см. В этом слое, у западной стены помещения была найдена тонкая серебряная монета диаметром 32 мм. Изображение на обеих сторонах неразборчиво. Впоследствии на слой комковатой земли были положены глиняные обмазки соответствующие второму периоду обживания территории холма.

Территория к югу от жилого здания в первый период не обживается. По всей видимости, эта часть холма используется в это время в хозяйственных целях, возможно как загон для скота. Косвенным подтверждением этому предположению является наличие здесь мощных слоев органики - чуть менее полуметра.

Таким образом, сохранившиеся остатки построек первого периода можно охарактеризовать как небольшой жилой дом, состоящих из одного, безусловно, жилого помещения - I, хозяйственного поме-

щения, возможно, кухни - V, большого двора в центре и айвана в северо-восточной части дома, откуда, со стороны реки (Карасу), осуществлялся подъем в здание. Следует заметить, что территория между берегом реки и холмом, на котором стоит здание, в эпоху раннего средневековья интенсивно обживалась. В 1989 году здесь были раскопаны керамические обжигательные горны, которые по сопутствующему материалу датируются тем же временем, что и первый период обживания холма (Гендельман, 2001, с. 103-105).

Второй период.

Надо полагать, что между первым и вторым периодами обживания холма прошел некоторый период времени, но не очень продолжительный. Однако, как мы увидим ниже, за это время совершенно изменилось функциональное назначение здания - из небольшого жилого дома оно превращается в специализированный производственный комплекс.

В южной части холма, на расстоянии 2,2 от южного края кирпичной платформы строится небольшое двухкомнатное здание (рис. 1). Стены его сложены также из прямоугольного сырцового кирпича - 50x25x26x 9 м. Надо сказать, что сохранность стен в этой части холма очень плохая - кладка сохранилась на высоту не более 10-15 см. Тем не менее, нам удалось выявить контуры здания. Одно помещение раскопано полностью, второе частично, так как его восточная часть почти полностью смыта.

Помещение IV. Надо полагать, это помещение, занимавшее восточную половину здания, было построено в первую очередь. Большая часть этого помещения смыта, поэтому форму и размеры его удалось установить лишь приблизительно. По всей видимости, в плане оно напоминало неправильную трапецию, вытянутую по линии В-3, при этом восточная часть была значительно уже западной. Достоверно установлена лишь ширина помещения в западной части - 3 м. Длина его по линии В-3 была не менее 5,1 м. В западной стене помещения, на расстоянии 90 см от юго-западного угла, была вырублена неглубокая прямоугольная ниша - 40x10 см. Ее стенки обожжены до красного цвета. Рядом с западной стеной и в углу помещения, непосредственно на уровне пола, который зафиксирован на глубине 0,4 м от уровня современной дневной поверхности, отмечено скопление золы. По всей видимости, это небольшой стеновой очаг, который использовался для обогрева помещения.

Заполнение помещения состоит в основном из рыхлой земли темно-серого цвета с высоким содержанием золы и большим количеством керамики. В центральной части отмечен сравнительно плотный

завал из прямоугольного сырцового кирпича, в котором встречаются почти квадратные кирпичи - 42х30х9 см, не известные ранее.

Помещение III раскопано полностью. Оно было трапециевидным; ширина в восточной части - 4,7 м, в западной - 3,7 м, расстояние между восточной и западной стенами - 4 м. По всей видимости, это помещение было пристроено с запада к помещению IV; северная и южная стены приставлены к внешней стороне западной стены восточного помещения. В месте стыка зафиксирован шов шириной 3 см (рис. 1).

В юго-западном углу помещения расчищена неглубокая прямоугольная ниша - 15х80 см, восточная стенка которой оформлена небольшим, прямоугольным выступом пилястром - 90х20-40 см. Стенки этой ниши, в отличие от помещения III не обожжены и зольников здесь не обнаружено.

Уровень пола этого помещения в виде тонкой глиняной обмазки серо-зеленого цвета был зафиксирован на глубине 0,4 м от уровня современной дневной поверхности. Непосредственно на этом уровне отмечен слой рыхлой земли темно-серого цвета с керамикой и небольшим количеством органики. В этом слое была найдена небольшая поделка из бронзы, отдаленно напоминающая стоящего козла с большими загнутыми назад рогами. Высота фигурки - 2,3 см.

С целью выяснения характера культурных слоев, подстилающих здание второго периода в юго-восточном углу помещения III, был сделан небольшой зондаж, доведенный до материка. В результате этого удалось выяснить, что стены здания стоят непосредственно на слоях мусора первого периода. Никаких подсыпок или подбутовок, которые можно было бы квалифицировать как цоколь, здесь не зафиксировано. Мощность слоя мусора, который лежит непосредственно на поверхности материка, как уже отмечалось, - чуть менее полуметра. В этом слое найдено большое количество обломков ганча. Среди них обращает на себя внимание довольно крупный фрагмент с резьбой - высота 9 см, ширина - 6,5 см, который очень напоминает деталь архитектурного декора в виде листа аканта.

Во второй период обживания холма раннее здание полностью забрасывается и используется исключительно в производственных целях.

В I помещении глиняные обмазки пола, соответствующие второму периоду обживания памятника зафиксированы на глубине 0,6 м от уровня современной дневной поверхности. Этот пол перекрывает суфу и культурные слои первого периода. В данной ситуации слой комковатой земли с кусками сырцовых кирпичей перекрывающий слой органики и золы на нижнем полу можно расценивать как нивелировочную подсыпку.

На уровне второго пола, у восточной стены помещения, на расстоянии 3 м от северо-восточного угла помещения обнаружен тандыр, установленный в обкладке из сырцовых кирпичей на растворе, размером 1,1x1,1 м (рис. 1; рис. 2, I). Тандыр представлял собой хум без нижней части, поставленный вверх дном. Максимальный диаметр тулова – 60 см, диаметр устья – 30-32 см, максимально сохранившаяся высота тандыра – 50 см.

Заполнение помещения состояло из не очень плотного завала прямоугольных сырцовых кирпичей, на некоторых из них отмечены знаки в виде буквы С, прочерченные по сырой глине. На уровне второго пола и чуть выше, около тандыра и у восточной стены помещения зафиксированы скопления золы. Тандыр целиком был заполнен золой и угольками.

В слоях второго периода найдено две серебряных монеты. Одна – на глубине 0,3 м, а вторая – на глубине 0,5 м от уровня современной дневной поверхности. Диаметр первой монеты – 29 мм. Она сильно окислена и затерта, изображение на обеих ее сторонах разобрать не удалось.

Диаметр второй – 30 мм.

Л.с. Бюст правителя в короне вправо в круге. Тип короны не определяется. По краю лицевой стороны надчеканы. Надписи в них не определяются.

Об.с. В центре алтарь огня, по обеим сторонах которого изображены фигуры жрецов.

II помещение во второй период продолжает функционировать как хозяйственный двор. Почти в центре двора, на расстоянии 2,65 м от северной стены и 4,4 м от северной грани кирпичной кладки строится прямоугольная в плане суфа (2,2x5,9 м), сохранившаяся высота не более 30-35 см. Она сложена из такого же прямоугольного кирпича, что и все здание. С северной стороны вплотную к ней был приставлен тандыр – хум без нижней части перевернутый вверх дном. В отличие от тандыра в I помещении обкладки сырцовыми кирпичами здесь не зафиксировано. Рядом с тандыром, к востоку от него удалось расчистить небольшую прямоугольную нишу (0,4x0,3 м) – куски сырцового кирпича, приставленные к кладке суфы (рис. 1). Эта конструкция напоминает пристенный очаг, однако следов горения здесь не обнаружено, поэтому она квалифицирована как ниша.

Еще два тандыра расчищены у восточной стены двора; один – в северо-восточном углу, второй – по центру стены, напротив суфы. Конструкция их, в общем, одинакова – кладка стены немного подрубалась, и в образовавшуюся нишу устанавливался вверх дном хум без нижней части. Максимальный диаметр тулова сосудов – 60 см. Рядом со вторым тандыром, в кладке стены была вырублена квадратная в

плане ниша - 0,4x0,4 м (рис. 1). Еще один аналогичный тандыр был обнаружен в южной части двора у северного фаса кирпичной платформы первого периода (рис. 1). Еще два тандыра, но меньшего диаметра — 50 см, расчищены в южной части двора на расстоянии 2,3 м от южной грани суфы. В отличие от всех предыдущих они расположены не у стены - хумы были установлены в небольших углублениях, соответствующих диаметру верхней части сосуда (рис. 1).

Обмазок пола второго периода во дворе не зафиксировано, этому этапу обживания холма соответствует хорошо утоптаный уровень. Культурный слой этого времени представляет собой рыхлую землю с высоким содержанием золы и, в меньшей степени, органики с большим количеством керамики и костей животных. В этом слое найдены две монеты. Одна из них серебряная, диаметром 30 мм. Она сильно окислена, и изображение разобрать не удалось. Вторая монета медная с квадратным отверстием в середине кружка. Диаметр — 24 мм.

Л.с. Четыре иероглифа, расположенные по четырем сторонам квадратного отверстия заключенного в рамку. Удалось разобрать один из них, находящийся под отверстием - п с горизонтальной черточкой над ним. Обратная сторона гладкая.

Это монета относится к немногочисленной, но встречающейся повсеместно, особенно на территории Согда, серии псевдотанских монет типа «Кай-юань тун бао» - «расходная монета (периода) Кай-юань (Смирнова, 1981, с. 35).

Помещение V во второй период используется исключительно для свалки мусора, о чем красноречиво свидетельствует его заполнение, о котором говорилось выше.

Во второй период южная часть восточного айвана отгораживается капитальными стенами и здесь образуется еще одно прямоугольное помещение (6,6x3,1-3,3 м) ориентированное по оси С-Ю. Проход в это помещение шириной 0,8м был в северо-восточном углу.

Пол, относящийся ко второму периоду, в виде тонкой глиняной обмазки зафиксирован в этом помещении на отметках - 1,40 - 1,30 от реперной точки. Выше этого уровня отмечен слой рыхлой земли темно-коричневого цвета с высоким содержанием золы (рис. 2,1).

К северу от этого помещения никаких изменений в планировке не зафиксировано (рис. 1). Барьерная стенка перекрывается уровнем пола второго периода (рис. 2, 1), который отмечен на том же уровне, что и в южном помещении. Культурный слой второго периода здесь перекрывает плотный завал из сырцового кирпича, по всей видимости, это часть упавшей северной стены. В завале попадались обломки обожженных плиток. Непосредственно на уровне пола найдено не-

сколько обломков и два целых каменных жернова. Диаметр одного из них - 37 см, с центральным отверстием — 6 см; диаметр второго - 45 см, с центральным отверстием — 4 см. На расстоянии 19 см от центрального отверстия на втором жернове имеется углубление для ручки.

Археологические данные ко второму периоду обживания холма дают основания полагать, что его территория не была занята жилой застройкой. Вряд ли две не связанные друг с другом постройки этого времени - помещения III и IV, а также отдельное помещение в южной части айвана - были жилыми. По всей видимости, в этот период большая часть застроенной ранее территории используется в хозяйственных целях. Судя по всему, для выпечки хлеба, о чем красноречиво свидетельствуют находки жерновов и большое количество тандыров, обнаруженных здесь.

В последующий период, который можно охарактеризовать как период запустения и частичного обживания холма, помещения второго периода в южной части были забутованы прямоугольным сырцовым кирпичом - 48x24x9 см; 50x24x8 см; 45x24x9 см., который положен непосредственно на культурный слой второго периода. На поверхности кладки был найден медный фельс времени Омейядов, выпущенный от имени амира Насра ибн Саййера, бывшего наместником в Хорасане в 738-748 гг. (Ртвеладзе, 1985, с. 39).

Кроме того, следы частичного обживания холма зафиксированы в северной части помещения I. Здесь на расстоянии 1 м от северной стены, практически на уровне дневной поверхности, была обнаружена прямоугольная в плане вымостка (2x1,8 м) с прямоугольной (0,7x0,5 м) очажной нишей в южной части. Она сложена из прямоугольного сырцового кирпича — 48x23x8 см; 49x24x9 см. Сохранившаяся высота кладки 20-25 см - два кирпича. Стенки ниши обожжены до красного цвета. С этой кладкой связан утопанный уровень, который частично зафиксирован в северной части помещения на отметках - 0,95 - 1,10 от реперной точки (рис. 1).

Функциональное назначение этой вымостки в настоящее время определить затруднительно. Можно предполагать, что она каким - то образом связана с забутовкой помещений в южной части холма; в обоих случаях использовался кирпич одного формата.

Здесь же, в слое надувного лесса была найдена медная монета плохой сохранности диаметром 17 мм, изображение на которой разобрать не удалось.

Как уже отмечалось выше, в первый период своего существования здание жилым с четким разделением на функциональные зоны: жилую и хозяйственную, располагавшиеся по обеим сторонам двора. Следует заметить, что предполагаемое хозяйственное помещение

смещено по отношению к продольной оси помещения I. Прямо напротив входа в жилое помещение (I) расположен стилобат, который мог служить основанием пандуса или платформой для еще одного помещения, которое не сохранилось. Подобная планировочная схема, в определенной степени, схожа с некоторыми загородными домами, которые наиболее полно изучены в пригороде древнего Пенджикента. Они разделялись не двором, а центральным коридором на две, различные по своему функциональному назначению части (дома № 4 и № 9) (Воронина, 1958, с. 204, рис. 9; Хмельницкий, 2000, с. 150-151). Еще одной сходной чертой между загородными домами Пенджикента и зданием на Шуробкургане является наличие лоджии-айвана, причем на Шуробкургане это действительно лоджия, так как дом был построен на естественном холме, значительно возвышавшемся, над остальной территорией городища. Все, или почти все загородные дома Пенджикента, были двухэтажными. Наличие второго этажа в шуробкурганском доме можно лишь предполагать, если считать кирпичный массив в южной части здания основанием пандуса, ведущего наверх.

Обращает на себя внимание, определенное сходство загородных домов Пенджикента с жилищами рядовых горожан в пределах оборонительных стен (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 43-47). Аналогичная планировка - сочетание прямоугольных, параллельно расположенных комнат объединенных поперечным вестибюлем или коридором, зафиксирована и в других городах и поселениях раннесредневекового Согда (см., например, Нильсен, 1966, с. 173-179; Семенов, Мирзаахмедов и др., 2003, рис. 20, 21).

Планировочные схемы раскопанных в пригороде Пенджикента домов весьма разнообразны и не поддаются классификации (Воронина, 1958, с. 203-209; Маршак, Распопова, 2002, с. 42-66). По мнению исследователей строители не следовали здесь какому-то традиционному образцу, канону, но исходили из требований удобства и функциональности (Хмельницкий, 2000, с. 150). Это в полной мере относится и к зданию, раскопанному на Шуробкургане.

Общая площадь постройки, включая двор и восточный айван, составляет приблизительно 275 кв. м, при этом, безусловно, жилым можно считать только одно помещение - первое, площадь которого была около 38 кв.м. Нельзя исключать и того, что в зимнее время в качестве жилого могло использоваться помещение V, площадью около 7 кв.м. Таким образом, общая жилая площадь здания по самым максимальным оценкам составляла приблизительно 45 кв.м., или чуть более 16% от общей площади, включая стены. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эта цифра приближается к размерам жилой площади некоторых, не самых богатых жилых домов раннесредневекового Пенджикента, а также пригородных домов-усадб, раскопанных в его округе (Распопова, 1990, с. 175-179). Площадь жилых

двух-трех комнатных домов на раннесредневековых поселениях горного Согда колеблется от 30 до 42 кв. м, включая хозяйственные помещения и кухни (Якубов, 1988, с. 70-88).

Немногим больше были размеры жилых помещений первого этажа двухэтажного отдельно стоящего жилого дома, раскопанного на городище Мингтепа, в 30 км к северо-востоку от Самарканда. Их площадь составляла 54 кв.м. или 41,2 % от общей площади первого этажа. Следует заметить, что планировочная схема дома на Мингтепа принципиально отличается от здания раскопанного на Шуробкургане. Здесь отсутствует двор и, как предполагает исследователь памятника, хозяйственная деятельность жителей была сосредоточена в помещениях второго этажа. Если это действительно так, то помещения для жилья - два коридорообразных помещения первого этажа - занимали 20,7 % от общей площади здания (Иваницкий, 1990, с. 126-133).

Несколько больше была жилая площадь в домах III группы средневекового Кават-калинского поселения в правобережном Хорезме, которые по общей площади - от 200 до 300 кв. м близки зданию, раскопанному на Шуробкургане. Здесь, в одном из домов (№ 41) она достигала 75 кв.м. Вместе с тем, на этом же поселении были раскопаны дома и меньшей площади (II группа - от 100 до 200 кв. м), где жилая площадь была не более 30 кв. м (Неразик, 1976, с. 233). Следует заметить, что почти такие же размеры жилой площади (25-27 кв. м) зафиксированы у самых небольших загородных домов Пенджикента (Большаков, Негматов, 1958, с. 168-173; Воронина, 1958, с. 204; Нильсен, 1966, с. 83).

Все упомянутые выше памятники считаются жилищами малых парных семей, где проживало 5-7, а в некоторых случаях (дома III группы в Кават-калинском поселении) 10-12 человек (Неразик, 1976, с. 234; Распопова, 1990, с. 176). Если учитывать, что на одну брачную пару приходилось одно жилое помещение (Неразик, 1981, с. 140), то раннее здание, раскопанное на Шуробкургане, также следует считать жилищем парной семьи.

Этот объект является первым, полностью раскопанным на территории северного Тохаристана зданием эпохи раннего средневековья, которое можно отнести к типу загородных жилых домов по классификации Нильсена (Нильсен, 1966, с. 130-170).

До настоящего времени основными объектами археологического изучения на этой территории были укрепленные усадьбы, замки и цитадели крупных городищ (Альбаум, 1960, с. 7- 60; Аннаев, 1988, с. 3-5; Литвинский, Соловьев, 1985, с. 3-6). Значительно меньше данных о характере застройки шахристанов городов.

Жилые дома, являвшиеся частью плотной городской застройки внутри оборонительных стен раскопаны на городищах Кафыркала и Калаи-Кафирниган.

На Кафыркале почти полностью раскопан жилой дом, принадлежавший, по мнению исследователя памятника, зажиточному ремесленнику. Здание включало в себя семь помещений, соединенных Г-образным коридором, среди которых явно доминирует квадратный зал, являвшийся, видимо домашним святилищем (Соловьев, 1997, с. 74-75). В этой схеме можно усмотреть элементы планировки, о которой говорилось выше - параллельно сгруппированные помещения по обе стороны центрального коридора. В данном случае это помещения, которые соединялись проходами с длинным отрезком Г образного коридора (Соловьев, 1997, рис. 22).

На Калаи-Кафирниган вскрыта часть крупного аристократического дома, центром которого был квадратный четырех колонный зал, что сближает это здание с жилищами зажиточных горожан древнего Пенджикента (Литвинский, 1979, с. 186)⁴. К северу от этого здания раскопан участок городской застройки, на котором выявлена группа жилищ разительно отличающихся от упомянутого выше. Здесь вскрыто три небольших дома, построенных вплотную друг к другу. Самый крупный из них - южный состоит из четырех помещений, соединенных между собой коридором, в восточном торце которого был входной проем. Два других дома располагались к северу от первого, включали в себя по два помещения и не сообщались друг с другом (Литвинский, 1980, с. 120-146). Следует отметить, что наличие в планировочной схеме южного здания коридора, как основной связующей доминанты, возможно, свидетельствует о том, что при строительстве здания частично использовалась все та же, упоминавшаяся выше схема, но помещения располагались лишь с одной стороны коридора.

Участок плотной жилой застройки периода раннего средневековья вскрыт на цитадели Дальверзинтепа, являвшейся в это время небольшим укрепленным поселением. Здесь было раскопано несколько небольших 3-5 комнатных домов, располагавшихся по обе стороны узкого переуллка. В планировочной схеме этих зданий отсутствует связующая доминанта - центральный коридор или парадный зал. Не зафиксирована здесь и анфиладная композиция. Все помещения последовательно связаны друг с другом проходами и какая-либо система в планировке, кажется, не усматривается (Tanade, Yatauchi, 2000, с. 94).

Имеющиеся в настоящее время данные о городской жилой архитектуре северного Тохаристана эпохи раннего средневековья не позволяют провести их более или менее объективную классификацию. Можно лишь высказать некоторые соображения по этому поводу. На основании опубликованного материала выделяются три типа жилых построек.

Крупные домовладения - «дом ремесленника» на Кафыркале и жилое здание (объект № 1) на Калаи-Кафирниган. Эти здания отличаются, прежде всего, размерами и количеством помещений. В планировочной схеме отчетливо прослеживается связующая доминанта - центральный осевой коридор (Кафыр-кала) и квадратный зал (Калаи-Кафирниган).

Мелкие домовладения - три здания на Калаи-Кафирниган (объект № 3), участок жилой застройки на Дальверзинтепа, жилой дом на Кафыркале (Соловьев, 1997, рис. 23). Эти здания включали в себя 2-5 помещений; обычно одно или два из них совмещали в себе функции жилого и хозяйственного. Характерной особенностью этих зданий является наличие небольшого помещения вестибюля (Кафыр-кала, Дальверзин-тепе) и отсутствие связующей доминанты. Исключение составляет южный дом на Калаи-Кафирниган, где в северной части здания был коридор, связанный проходами со всеми помещениями.

Видимо эту планировочную схему следует рассматривать как переходную от планировки с центральным коридором к планировкам без связующей доминанты.

Загородные дома (отдельно стоящие жилые здания) - Шуробкурбан. Здания располагались вне плотной городской застройки или в пригородной зоне или на отдельных, свободных от застройки участках внутри городища. По размерам они соизмеримы с домами второго типа. Характерной их особенностью является, по всей видимости, наличие двора или айвана.

Помимо основного раскопа в юго-восточной части раннесредневекового шахристана Шуробкурбана, с целью выяснения его стратиграфии были заложены два шурфа.

Шурф 1 площадью 3х3 м располагался на южном склоне ложбины, разделявшей холм (Р-1) и основную территорию шахристана, в 250-300 м к северо-западу от основного раскопа. До начала раскопок здесь было отмечено скопление кусков оплавленного лесса и обожженных кирпичей. Это дало основание предполагать здесь наличие керамических обжигательных горнов и гончарных мастерских.

Шурф доведен до материка. Мощность культурного слоя оказалась здесь сравнительно небольшой - чуть более метра.

В площадь шурфа попал угол помещения, кирпичные стены которого, сложенные из прямоугольного кирпича размером - 50х27х9 см; 52х 29х9 см; 50х30х9 см, были возведены непосредственно на материковой поверхности. Уровень материка зафиксирован на глубине 1,1 - 1,15 от современной дневной поверхности.

Непосредственно на материковой поверхности, внутри помещения лежит слой плотной земли темно-серого цвета с небольшим коли-

чеством керамики, мощность которого колеблется от 40 до 60 см. По всей видимости, это нивелировочная подсыпка под обмазки пола помещения, который зафиксирован по всей площади шурфа на глубине 80 см от уровня современной дневной поверхности в виде обмазки темно-коричневого цвета толщиной 5-6 см (рис. 2, III).

На полу отмечен плотный слой органики толщиной 4-5 см. Выше идет слой плотной земли серого цвета с небольшим количеством керамики. Мощность его колеблется от 60 см в западной части шурфа до 20 см в юго-восточном углу. В северной части шурфа этот слой, в свою очередь, перекрывается рыхлым слоем органики серо-зеленого цвета с большим количеством керамики и костей животных. Толщина его увеличивается от 6-1 см в западной части шурфа до 20-25 см около восточной бровки.

Выше слоя органики по всей площади шурфа залегает слой рыхлой земли с большим количеством обожженных кирпичей кусков оплавленного лесса и оплавленных фрагментов бракованной керамики, который начинается сразу же от современной дневной поверхности. Этот слой можно квалифицировать как отвал гончарного производства, относящийся к последнему периоду обживания этой части шахристана. Мощность этого слоя достигает 30 см. Наибольшее скопление обломков обожженных кирпичей и кусков оплавленного лесса отмечено в центральной восточной частях шурфа (рис. 2, Ш).

Шурф II был заложен приблизительно в 50 м к северо-востоку от первого шурфа, на южном склоне ложбины, в 100 м к северо-западу от основного раскопа (Р-1). Размеры шурфа: в верхней части - 3х3 м; в нижней - 3х4,1 м. Шурф доведен до материка. Мощность культурных слоев на этом участке шахристана достигает 2,1-2,2 м. Следует отметить, что этот участок городища заметно ниже всей остальной территории городища. За репер был принят уровень современной дневной поверхности у северной бровки шурфа. По стратиграфическим данным выявлено два периода обживания этой части городища.

Непосредственно на уровне материка залегает слой рыхлой земли коричневого цвета мощностью 60-80 см, включающий в себя «линзы» органики зеленого цвета сравнительно большой толщины - 10-20 см, а в восточной части шурфа мощность слоя органики достигает 30-35 см (рис. 2, II). Следует заметить, что в западной части шурфа, на склоне холма, этот слой сходит практически на нет. Создается впечатление, что нижние культурные слои здесь были уничтожены еще в древности. В этой же части шурфа, поверх слоя рыхлой земли отмечено несколько зольников небольшой мощности (рис. 2, II).

Выше нижнего слоя, на глубине 1,3-1,35 от уровня современной дневной поверхности зафиксирован четко выраженный уровень пола в виде глиняной обмазки серо-желтого цвета толщиной не более 2-3

см. Выше идет слой плотной комковатой земли светло-коричневого цвета мощностью 15-20 см, которая, по всей видимости, являлась подсыпкой под верхний уровень пола, который зафиксирован на глубине 1,17-1,2 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 2, II).

В центральной части шурфа, непосредственно на уровне второго пола отмечен слой рыхлой земли с высоким содержанием золы и большим количеством костей животных толщиной не более 10 см. Он в свою очередь перекрывается слоем плотной комковатой земли темно-серого цвета мощностью 10-17 см.

Все описанные выше культурные слои, также как и уровни полов относятся к первому, наиболее раннему периоду обживания этой части городища.

Слой плотной земли, залегающий на верхнем уровне пола и перекрывающий ранние культурные напластования, послужил основанием для кирпичной стены, относящейся ко второму периоду обживания. Стена сложена из прямоугольного сырцового кирпича размером 50-52х25-27х7-8 см. Нам удалось расчистить фасад этой стены, сохранившейся на высоту чуть более 1 м, в северной бровке шурфа. С юга к ней примыкают мощные слои рыхлого грунта с высоким содержанием золы и органики и большим количеством костей и керамики, которые перекрывают ранние культурные слои и максимальной мощности достигают в южной части шурфа, на склоне холма. В этом же слое отмечены зольные прослойки небольшой толщины (рис. 2, II).

Как представляется в настоящее время, на основании анализа стратиграфической картины в этой части городища, здесь вскрыта часть какого-то двора, относящегося к раннему периоду обживания. О том, что это был двор, или, во всяком случае, территория свободная от построек косвенно свидетельствует характер культурных слоев относящихся к этому периоду, а также отсутствие здесь, кирпичных завалов.

Во второй период эта территория была частично сnivelирована в результате подсыпок плотным грунтом, а затем было возведено какое-то здание, расположенное к северу от шурфа - нам удалось расчистить лишь южный фасад одной из его стен. Слои примыкающие к зданию с юга можно, по всей видимости, трактовать как свалку, относящуюся к периоду жизни здания или к более позднему времени.

Керамика.

Комплекс керамики раскопа I на Шуробкургане, уже публиковался (Болелов, 2001, с. 64-81). Однако в предыдущей статье, написанной более 15 лет назад, керамика была описана не полностью. Кроме того, в статью не вошли материалы из шурфов. За это время на юге Узбекистана были раскопаны новые памятники и введены в науч-

ный оборот новые материалы, относящиеся к периоду раннего средневековья, которые дают основания несколько по-новому взглянуть на археологический комплекс, полученный более 20 лет тому назад. Эти обстоятельства дали повод еще раз вернуться к анализу керамического комплекса городища Шуробкурган.

В ходе раскопок здания на основе стратиграфических данных выявлено два относительно разновременных керамических комплекса, соответствующие двум основным периодам обживания холма.

Керамика, относящаяся к более раннему комплексу Шуробкурган - I (Ш-К-I), получена с уровня нижних полов помещений I, VI, VII и нижних уровней двора. Относительно более поздний керамический комплекс - Шуробкурган - II (Ш-К-II) включает в себя фрагменты сосудов из заполнения помещений III, IV, мусорных слоев из помещения V, а также из верхних культурных слоев в северной части здания.

В процессе обработки коллекции учитывались все профильные фрагменты, позволяющие судить о форме сосуда.

По своему функциональному назначению керамика подразделяется на три группы: тарная (хумы, хумчи), хозяйственная (крупные широкогорлые кувшины, горшки, тагора; к этой же группе отнесены кухонные котлы) и столовая (чаши, столовые миски, кружки, небольшие тонкостенные горшочки, небольшие узкогорлые и широкогорлые кувшины с одной ручкой).

Керамический комплекс Шуробкурган - I.

Этот комплекс включает в себя небольшое количество фрагментов.

Тарная посуда – 37 % от общего количества керамики в комплексе.

Керамика этой группы представлена *хумами и хумчами*. По морфологическим признакам, среди которых превалирует форма венчика, эти сосуды не отличаются друг от друга. Основным критерием для выделения этих двух форм являются их размеры: диаметр устья хумчей не превышает 25-30 см; хумы имеют диаметр 35 см и более.

По морфологическим и технологическим признакам можно выделить два типа этих сосудов.

Тип I - хумы сформованы с использованием гончарного круга из хорошо отмученной глины с незначительными примесями песка и шамота, обжиг - равномерный.

Они имеют утолщенный, не профилированный, округлый или округло-прямоугольный в сечении венчик, в большей или в меньшей степени отогнутый наружу, слабо выделенную горловину и покатые плечики (рис. 3 / 5, 9). Некоторые сосуды этого типа снаружи покры-

ты светлым ангобом-обмазкой. Среди хумов 1 типа выделяется сосуд, венчик которого слабо профилирован двумя не глубокими желобками, а нижняя его часть украшена пальцевыми вдавлениями (рис. 3 / 7).

Тип 2 - хумы сформованы от руки с последующей подправкой на гончарном круге и глины с большим количеством примесей дресвы и шамота, в некоторых случаях в составе примесей отмечена известь, обжиг неравномерный. Сосуды имеют сравнительно высокий «манжетовидный» или подтреугольный в сечении венчик. В отдельных случаях нижний край «манжета» заострен и оттянут вниз, тогда венчик приобретает вид «клювовидного». Характерной особенностью этой формы сосудов является более или менее четко выраженный желобок во внутренней стороне верхней закраины устья. Хумы 2 типа также имели покатые плечики и слабо выделенную горловину (рис. 3 / 1-4). С внешней стороны практически все сосуды имеют потеки темно-коричневого или бурого ангоба. Нижняя часть, при переходе стенок к слегка округлому днищу, украшалась пальцевыми защипами.

Хозяйственная посуда – 33 % от общего количества керамики в комплексе. Как уже отмечалось выше, в этой группе выделяется немногочисленная, но весьма характерная подгруппа кухонной керамики, которая представлена в основном котлами. Все они изготовлены из жаростойкой глиняной массы с обильными примесями крупнотолченого шамота и дресвы. В комплексе Ш-К- I можно выделить два типа этих сосудов.

Тип 1 - представлен несколькими фрагментами. Все котлы изготовлены на гончарном круге. Как можно предполагать они имели шаровидное тулово, во всяком случае, шейка у сосудов не выделена. Котлы имели массивный утолщенный венчик в виде валика. Верхняя его часть уплощена и немного скошена наружу, по ней проходит более или менее четко выраженный желобок, который можно трактовать как уступ для крышки (рис. 4 / 3).

Тип 2 - значительно более многочисленный. Все котлы сформованы от руки. Как можно заключить по сохранившимся фрагментам сосуды этого типа имели уплощенное сферическое тулово. Характерной особенностью их является резко выраженный уступ в нижней части, при переходе стенок к округлому дну, при этом толщина донной части почти в два раза тоньше стенок. Таким образом, по всей видимости, выделялась та часть сосуда, которая ставилась на огонь. Все котлы этого типа имели в большей или меньшей степени выраженную невысокую шейку и утолщенный венчик в виде валика (рис. 4 / 1).

Единственным экземпляром представлены кухонные котлы с прямым, немного наклоненным внутрь верхним краем. Форма тулова этих сосудов неизвестна (рис. 4 / 2).

Среди хозяйственной посуды в количественном отношении незначительно преобладают тагора. Все они изготовлены из хорошо отмученной глины с незначительными примесями. Большинство из них не ангобировано, в отдельных случаях отмечены потеки темно-красного или бурого ангоба по внутренней поверхности.

Это крупные толстостенные сосуды (диаметр устья - 30-40 см) со слегка утолщенным, подтреугольным в сечении и немного скругленным верхним краем, по нижней части которого проходил сравнительно глубокий желобок (рис. 3 / 10-12).

Крупные горшки представлены в комплексе лишь несколькими фрагментами. Сосуды сформованы на гончарном круге из хорошо промешанной глины и покрыты снаружи светлым или светло-коричневым ангобом. Все они имели в большей или меньшей степени выделенную горловину и покатые плечики. Диаметр устья колеблется от 18 до 25 см. У большинства сосудов был утолщенный в большей или в меньшей степени профилированный венчик (рис. 4 / 5, 6). В отдельных случаях по внутреннему его краю отмечен четко выраженный уступ для крышки (рис. 4 / 5). Кроме того, встречаются горшки с округлым не профилированным венчиком в виде валика, сравнительно высокой горловиной и, по всей видимости, шаровидным туловом (рис. 4 / 5). Среди прочих обращают на себя внимание представленные несколькими фрагментами крупные горшковидные сосуды, которые имели слегка утолщенный, прямоугольный в сечении, отогнутый наружу венчик и массивный валик под ним, в верхней части горловины (рис. 4 / 4).

Кувшины также найдены в небольшом количестве. Эта форма представлена фрагментарно, поэтому мы не можем судить о конфигурации тулова сосуда. Все кувшины сформованы на гончарном круге из хорошо промешанной глины. У большинства из них с внешней стороны имеются потеки красного или красно-коричневого ангоба (рис. 5 / 7). Форма сечения венчика у этих сосудов довольно разнообразна, почти все они в большей или меньшей степени профилированы, верхний край или округлый или немного заостренный (рис. 5 / 7-10). У некоторых сосудов под венчиком, по верхней части горловины проходил четко выраженный опоясывающий валик (рис. 5 / 11). В комплексе представлено несколько фрагментов кувшинов с ручками, которые верхним концом крепились к верхней части горловины, чуть ниже устья. Все ручки овальные в сечении и профилированы несколькими продольными желобками (рис. 5 / 12).

Столовая посуда составляет 29,2 % в комплексе. В этой группе керамики, безусловно, преобладают открытые формы.

Наиболее многочисленны сравнительно крупные тонкостенные *столовые миски* с плавным перегибом стенок в верхней части. Они

сформованы из хорошо промешанной глины без видимых примесей и покрыты двухсторонним плотным красным ангобом. Верхний край прямой, не утолщенный, в некоторых случаях немного заострен (рис. 5 / 4, 5). В единственном экземпляре представлены сравнительно крупные столовые миски с прямыми стенками, верхний край которых с внешней и внутренней стороны был профилирован одним или несколькими желобками (рис. 5 / 3).

Меньшим количеством фрагментов представлены небольшие *столовые чаши*, у которых также отмечен перегиб стенок в верхней части тулова (рис. 5 / 1, 2). Эти сосуды изготовлены из глины хорошего качества, без видимых примесей; изнутри, а большинство и снаружи, они покрыты плотным красным или красно-коричневым ангобом. На одном из фрагментов отмечен красный «пачкающий» ангоб. Среди столовых чаш выделяется один фрагмент, у которого верхний край немного отогнут наружу, а перегиб стенок имел округлые очертания, и подчеркнут несколькими неглубокими желобками (рис. 5 / 1).

Закрытые формы в группе столовой посуды в комплексе Ш-К- I представлены в основном фрагментами стенок и небольших кувшинчиков или кружек покрытых плотным красным или светло-коричневым ангобом.

Несколькими фрагментами представлены небольшие горшочки, которые по качеству изготовления и небольшим размерам также можно отнести к группе столовой посуды. Эти сосуды сформованы из хорошо отмученной глины без видимых примесей. С внешней стороны они были покрыты плотным красным или красно-коричневым ангобом. Они имели небольшой, слегка утолщенный, округлый в сечении и отогнутый наружу венчик (рис. 5 / 6).

Комплекс Шуробкуртан II.

Этот комплекс, безусловно, более представительный и многочисленный чем описанный выше. Треть (31,2 %) всего количества керамики составляет посуда, изготовленная от руки с использованием вращающейся подставки или однодискового гончарного круга.

Тарная керамика составляет 24,8 % от общего количества посуды в комплексе.

В поздний период существования памятника продолжают бытовать два типа хумов выделенные ранее (рис. 6). Кроме того, появляются сосуды несколько другого типа, неизвестные в раннем комплексе. По технологическим признакам они близки хумам второго типа - также изготовлены вручную с использованием круга медленного вращения из глины с обильными примесями шамота и извести. Однако хумы и хумчи этого типа имеют совершенно другой вид венчика,

который в сечении напоминает форму перевернутой трапеции. Верхняя горизонтальная поверхность уплощена или скошена внутрь. Снаружи и изнутри венчик имеет округлые очертания. У всех сосудов этого типа изнутри, чуть ниже устья имеется четко выраженный желобок, что несколько сближает их с хумами второго типа (рис. 6 / 13, 14). Надо полагать, что эта характерная черта появлялась в процессе формовки, когда еще не подсушенный сосуд подправляли на вращающейся подставке или однодисковом круге в результате нажима инструмента при моделировании венчика с внутренней стороны образовывался наплыв глины (Бобринский, 1978, с. 42-53).

Хозяйственная керамика - 32,6 % от общего количества посуды в комплексе.

Так же как и в раннем комплексе здесь выделяется немногочисленная, но весьма характерная подгруппа кухонной посуды. Обращает на себя внимание тот факт, что в комплексе Ш-К- II не представлены кухонные котлы характерные для раннего комплекса. В то же время здесь также можно выделить два типа *котлов*.

Тип 1 небольшие сосуды (диаметр устья - 13-16 см), по всей видимости, с шаровидным туловом. Они были сформованы на гончарном круге из глины с обильными примесями извести, дресвы и крупнозернистого песка. Внешняя поверхность заглажена при помощи тряпки или пучка травы. Шейка у сосудов не выделена. Все котлы имели утолщенный, под прямоугольный в сечении венчик, сильно наклоненный внутрь сосуда (рис. 8 / 7, 8).

Тип 2 - также небольшие сосуды, которые по форме напоминают традиционный горшок. Котлы этого типа были сформованы от руки из глины с обильными примесями шамота и толченого гипса. Сосуды имели прямой не утолщенный верхний край, в некоторых случаях слегка отогнутый наружу, слабо выделенную шейку и относительно покатые плечики. Все без исключения найденные фрагменты котлов 2 типа были снабжены пластинчатыми, подковообразными ручками, расположенными на плечиках сосудов (рис. 8 / 9, 17).

У некоторых сосудов этого типа на плечиках были небольшие конусовидные налепы, которые, в общем, не имели функционального назначения (рис. 8 / 14). Появление подобных налепов исключительно на кухонной керамике Кампыртепа отмечено еще в кушанское время (Болелов, 2002, с. 42). Надо полагать, что традиция помещения таких налепов только на сосуды, изготовленные вручную, уходит корнями в значительно более ранний период. Налепами-«шишечками» украшался ритуальный сосуд для огня - *ukha*, изготовление которого детально описано в ведических текстах (Rau, 1972, с. 46). В данном случае, как это следует из текстов, они символизировали соски священной коровы, отождествляемой с тремя мирами (Кузьмина, 1986, с. 176; Лит-

винский, 1991, с. 70-71). Следует заметить, что традиция украшения налепами лепных сосудов, каким то образом связанных с хранением и приготовлением молочных продуктов сохранялась на керамике Ягноба вплоть до середины XX века. Примечательно, что здесь они назывались *чича* - женская грудь (Пещерева, 1959, с. 84).

Как уже отмечалось выше, характерной особенностью комплекса Ш-К-II в целом можно считать значительно большее количество лепной посуды, по сравнению с ранним комплексом. Во второй период обживания здания появляются несколько форм сосудов не известных ранее. Все они включены в группу хозяйственной посуды.

Лепные горшки широко представлены в комплексе. Это сравнительно небольшие сосуды (диаметр устья 11-14 см) с относительно высокой не широкой шейкой, округлыми плечиками и шаровидным туловом. Они изготовлены из глины с обильными примесями шамота, крупнозернистого песка и толченого гипса. Черепок в изломе темно-серого или черного цвета, что свидетельствует об обжиге сосуда в восстановительной среде, причем не обязательно в горне. Такой обжиг мог производиться просто в костре на специальной площадке (Пещерева, 1959, с. 40-43) или в двухкамерных печах с горизонтальной боковой тягой. Две таких печи были раскопаны к востоку от цитадели городища (Гендельман, 2001, с. 103-105). Внешняя поверхность большинства горшков бурого, кирпичного или оранжевого цвета, по верхней части потеки бурого или темно коричневого ангоба (рис. 8 / 1, 2, 4-6). У некоторых сосудов на тулове отмечены широкие полосы светло-серого или кремового ангоба (рис. 8 / 4-6). Все горшки имели прямой не утолщенный, в некоторых случаях немного отогнутый наружу, горизонтально уплощенный верхний край. Венчик не выделен. У многих из них по внутренней закраине, чуть ниже устья проходил неглубокий желобок (рис. 8 / 2): У отдельных сосудов внешняя закраина была немного оттянута наружу и заострена (рис. 8 / 1). Все эти особенности, также как и в случае с хумами третьего типа в комплексе Ш-К-П, проявляются в процессе вторичной обработки верхней части сосуда при помощи инструмента на вращающейся подставке.

Несколько особняком стоит лепной сосуд с одной ручкой, который по форме близок кувшинам с широкой и не высокой горловиной. В отличие от описанных выше горшков он не подвергался вторичной обработке. На плечиках сосуда, на противоположной от ручки стороне, был сравнительно крупный налест в виде креста (две округлых в сечении глиняные полосы, наложенные друг на друга под прямым углом). Судя по уступу в нижней части тулова, он формировался в подставке (рис. 8 / 3).

Открытые формы посуды, изготовленные от руки, найдены в небольшом количестве в основном это фрагменты крупных толстостенных тагора с прямыми плавно расходящимися от дна стенками (рис. 7 / 4), крупных мисок с волнистым краем и небольшие плоскодонные миски или жаровни (рис. 10 / 16).

Среди керамики изготовленной на двухдисковом гончарном круге в группе хозяйственной посуды преобладают *тагора*.

Также как и в раннем комплексе - это крупные толстостенные сосуды (диаметр устья - 35-45 см) с прямыми расширяющимися стенками и утолщенным в большей или меньшей степени профилированным венчиком. Все они изготовлены из хорошо отмученной глины с незначительными примесями толченого гипса и песка. Черепок плотный, в изломе светло-коричневого или оранжевого цвета. Почти все тагора, за некоторым исключением покрыты двухсторонним светлым кремовым или желто-зеленым ангобом. По виду венчика можно выделить несколько вариантов этих сосудов.

Вариант 1 - венчик массивный подтреугольный в сечении. В большинстве случаев по внешней вертикальной плоскости он профилирован одним или несколькими желобками различной глубины, иногда очень незначительной (рис. 7 / 3). Единичными экземплярами представлены тагора с гладкой внешней вертикальной плоскостью венчика (рис. 7 / 9). Нижний край его в немного заострен и оттянут в сторону и вниз, в этом случае он напоминает «клювовидный». У одного из сосудов этого варианта отмечены следы ручек, прикреплявшихся чуть ниже венчика (рис. 7 / 3).

Вариант 2 - верхний край венчика прямой не утолщенный, в большинстве случаев скругленный, однако, встречаются и горизонтально уплощенные (рис. 7 / 5). Чуть ниже устья с внешней стороны у сосудов этого варианта был массивный валик украшенный пальцевыми защипами или вдавлениями (рис. 7 / 1, 5-7).

Не менее широко в комплексе Ш-К-П представлены кувшины с одной ручкой. Как представляется, эти сосуды использовались для ношения и хранения воды, что подтверждается этнографическими данными (Пещерева, 1959, с. 48-51; 233; Якубов, 1988, с. 178). Они изготовлены из глины хорошего качества без видимых примесей. Черепок - плотный, в изломе светло-коричневого или красного цвета. Снаружи все они покрыты светлым ангобом-обмазкой, поверх которого у многих сосудов отмечены потеки более густого ангоба темно-красного или коричневого цвета. К сожалению, ни одного целого сосуда не было найдено, и можно только догадываться о форме сосуда. Все кувшины имели относительно невысокую и широкую горловину (диаметр устья 9-13 см), покатые плечики и, как можно себе представить по нескольким наиболее хорошо сохранившимся фрагментам,

раздутое яйцевидное или шаровидное тулово. Г-образная ручка верхним концом крепилась к венчику кувшина, а нижним к его плечикам. Все найденные ручки хозяйственных кувшинов были овальными в сечении и имели продольные желобки (рис. 9 / 4, 9, 11). По виду сечения венчика выделяются несколько вариантов этих сосудов.

Вариант 1 - наиболее многочисленный в комплексе. Эти кувшины имели массивный, овальный, реже под прямоугольный в сечении венчик, который по наружной горизонтальной плоскости был профилирован несколькими желобками (рис. 9 / 8, 10-13, 17, 18, 20, 21). В небольшом количестве найдены кувшины с подпрямоугольным не профилированным венчиком, которые, вероятно, можно рассматривать как разновидность 1 варианта (рис. 9 / 19). У отдельных сосудов утолщение в виде округлого валика было в нижней части венчика, а верхний его край был прямым или отогнутым наружу, но не утолщенным (рис. 9 / 23, 24).

Вариант 2. Кувшины этого варианта имели подтреугольный в сечении не профилированный венчик с округлым верхним краем (рис. 9 / 22).

Вариант 3. К этому варианту отнесены немногочисленные сосуды с венчиком в виде округлого валика и четко выраженным желобком под ним. Следует заметить, что если у кувшинов первых двух вариантов горловина имела форму невысокого цилиндра, то у кувшинов 3 варианта она немного «раздута» в верхней части и, как можно предполагать, имела форму раструба (рис. 9 / 9).

Вариант 4. Кувшины этого варианта также не многочисленны и представлены небольшими фрагментами. Венчик этих сосудов с внешней стороны имеет вид массивного не профилированного округлого валика. Характерной особенностью является четко выраженный уступ для крышки с внутренней стороны (рис. 9 / 12). Следует заметить, что кувшины 4 варианта, в отличие от всех остальных снаружи были покрыты плотным красным или коричневым ангобом.

Горшки представлены в комплексе фрагментарно и в небольшом количестве. Все они сформованы из глины хорошего качества, в которой присутствуют незначительные примеси мелкотолченого шамота и гипса. Большинство сосудов снаружи покрыто светлым ангобом, в тоже время встречены и не ангобированные сосуды. Форму тулова горшков, ввиду их фрагментарности установить невозможно. Определенно можно говорить, что все они имели четко выраженную шейку и относительно покатые плечики. Диаметр устья колеблется от 15 до 22 см.

По форме сечения венчика можно выделить несколько вариантов этих сосудов.

Вариант 1 - наиболее многочисленный в комплексе. Эти кувшины имели массивный, овальный, реже под прямоугольный в сечении венчик, который по наружной горизонтальной плоскости был профилирован несколькими желобками (рис. 9 / 8, 10-13, 17, 18, 20, 21). В небольшом количестве найдены кувшины с подпрямоугольным не профилированным венчиком, которые, вероятно, можно рассматривать как разновидность 1 варианта (рис. 9 / 19). У отдельных сосудов утолщение в виде округлого валика было в нижней части венчика, а верхний его край был прямым или отогнутым наружу, но не утолщенным (рис. 9 / 23, 24).

Вариант 2. Кувшины этого варианта имели подтреугольный в сечении не профилированный венчик с округлым верхним краем (рис. 9 / 22).

Вариант 3. К этому варианту отнесены немногочисленные сосуды с венчиком в виде округлого валика и четко выраженным желобком под ним. Следует заметить, что если у кувшинов первых двух вариантов горловина имела форму невысокого цилиндра, то у кувшинов 3 варианта она немного «раздута» в верхней части и, как можно предполагать, имела форму раструба (рис. 9 / 9).

Вариант 4. Кувшины этого варианта также не многочисленны и представлены небольшими фрагментами. Венчик этих сосудов с внешней стороны имеет вид массивного не профилированного округлого валика. Характерной особенностью является четко выраженный уступ для крышки с внутренней стороны (рис. 9 / 12). Следует заметить, что кувшины 4 варианта, в отличие от всех остальных снаружи были покрыты плотным красным или коричневым ангобом.

Горшки представлены в комплексе фрагментарно и в небольшом количестве. Все они сформованы из глины хорошего качества, в которой присутствуют незначительные примеси мелко толченого шамота и гипса. Большинство сосудов снаружи покрыто светлым ангобом, в то же время встречены и не ангобированные сосуды. Форму тулова горшков, ввиду их фрагментарности установить невозможно. Определенно можно говорить, что все они имели четко выраженную шейку и относительно покатые плечики. Диаметр устья колеблется от 15 до 22 см.

По форме сечения венчика можно выделить несколько вариантов этих сосудов.

Вариант 1 — сравнительно толстостенные горшки с массивным утолщенным, в значительной степени отогнутым наружу венчиком в виде округлого валика (рис. 8 / 16).

Вариант 2 - горшки со слегка утолщенным, отогнутым наружу, подтреугольным в сечении и заостренным в верхней части венчиком (рис. 8 / 13).

Вариант 3 - горшки этого варианта представлены в комплексе единичными экземплярами. Они имели утолщенный, отогнутый наружу округлый в верхней части венчик, нижний край которого был слегка заострен, и оттянут вниз, в результате чего венчик приобретал вид клювовидного, но с округлой верхней частью (рис. 8 / 12).

Столовая посуда составляет 42,6 % от общего количества керамики в комплексе Ш-К-П.

В этой группе в количественном отношении, безусловно, преобладают открытые формы, среди которых наиболее широко представлены *столовые миски*.

По морфологическим признакам в комплексе можно выделить несколько типов этих сосудов.

Тип 1 - наиболее многочисленный в комплексе. Все миски сформованы из хорошо отмученной глины без видимых примесей. Сосуды покрыты плотным двухсторонним красным ангобом, в редких случаях ангоб покрывал только внутреннюю поверхность.

Это сравнительно тонкостенные, довольно крупные (диаметр устья - 20-23 см) полусферические миски с перегибом стенок в верхней части. Венчик не выделен. Верхний край - прямой, не утолщенный, округлый или немного заостренный. Место перегиба чаще всего подчеркнуто желобком или немного выступающим ребром (рис. 10 / 5-9). Надо полагать, по параметрическим и морфологическим признакам к этому же типу следует отнести плоскодонную миску, которая была найдена целой и значительно отличается от всех остальных по своим размерам - диаметр устья - 31 см соотношение диаметра устья и высоты сосуда - 3:1. Характерной особенностью этого сосуда является немного утолщенный верхний край и округлый валик в верхней части, над четко выраженным перегибом стенок (рис. 10 / 10). По всей видимости, как один из вариантов этого типа следует рассматривать небольшие, также полусферические миски округлым дном. Диаметр устья у этих сосудов - 14-16 см (рис. 10 / 3).

Тип 2 - также весьма широко представлен в комплексе. Это сравнительно небольшие (диаметр устья 13-18 см) миски с округлым полусферическим резервуаром, плавным перегибом стенок в верхней части и резко отогнутым наружу, иногда слегка утолщенным верхним краем, который в некоторых случаях подчеркнут желобком (рис. 10 / 11, 12). Они также изготовлены из глины хорошего качества, но в отличие от мисок 1 типа большинство из них не ангобировано, в отдельных случаях по верхнему краю с внутренней стороны была полоса красного ангоба.

Тип 3 - сосуды этого типа представлены единичными экземплярами. Это сравнительно толстостенные, крупные миски - диаметр устья - 26 см. Они, по всей видимости, также имели полусферический резервуар и плавный перегиб стенок в центральной или верхней части профиля сосуда. Верхний край - прямой немного утолщенный (рис. 10 / 18).

Несколько особняком стоит фрагмент сравнительно крупной миски (диаметр устья - 24-26 см), которая, в отличие от всех остальных, имеет утолщенный манжетовидный венчик (рис. 10 / 17).

Кроме того, обращает на себя внимание фрагмент открытого сосуда с массивным под четырехугольным в сечении венчиком, по внешней стороне профилированным валиками (рис. 10 / 14). Этот вид венчика практически идентичен венчикам некоторых тагора (см. выше). Однако сравнительно небольшие размеры этой миски (диаметр устья 19 см) не позволяют относить ее к хозяйственным тагора.

В группе столовой керамики представлено небольшое количество сосудов, которые по параметрическим признакам (определяющим, в данном случае, является соотношение диаметра устья к высоте сосуда - 2:1) можно считать *чашами*.

Они были сформованы из глины хорошего качества без видимых примесей и покрыты светлым ангобом. Эти сосуды имели цилиндрикониический резервуар, с четко выраженным перегибом стенок в центральной части, подчеркнутым ребром или валиком, плоское дно и немного заостренный, отогнутый наружу верхний край (рис. 10 / 1,2).

Надо полагать, также к открытым формам относится фрагмент нижней части небольшого сосуда с четко выраженным подкосом стенок при переходе к относительно узкому дну, подчеркнутым острым ребром (рис. 10 / 4). Вполне вероятно, что это нижняя часть небольшого бокала.

Закрытые формы в группе столовой посуды в комплексе Ш-К-П представлены *кувшинами*. По параметрическим и морфологическим признакам можно выделить два типа столовых кувшинов. Они, также как и вся остальная столовая керамика сформованы из хорошо отмученной глины без видимых примесей. Черепок плотный в изломе светло-коричневого или желтого цвета.

Тип 1. Полностью восстановить форму этих сосудов не представляется возможным, так как ни одного целого кувшина этого типа не найдено. Мы можем лишь предполагать, что у них было невысокое узкое горло (диаметр устья - 5-6 см) и сравнительно широкое тулово. Г-образная, овальная в сечении ручка верхним концом крепилась к горловине сосуда, а нижним к его плечикам. Венчик не был выделен. Верхний край горловины у всех кувшинов - прямой, не утолщенный,

округлый в верхней части. У некоторых сосудов он был немного отогнут наружу. Можно предполагать, что в последнем случае горловина кувшинов имела форму небольшого раструба (рис. 9 / 1, 3).

Тип 2. Об этом типе сосудов можно сказать значительно больше, так как найдено несколько целых кувшинов этого типа. Это сравнительно небольшие (максимальна высота - 18-20 см) сосуды с покатыми плечиками и относительно широкой горловиной (диаметр устья у большинства сосудов равен диаметру дна). Они также имели одну С-образную ручку, которая крепилась на плечиках и центральной части тулова сосуда. Большинство ручек были овальными в сечении. У некоторых сосудов на ручке с внешней стороны был слабо выраженный продольный валик. Кувшины 2 типа имели прямой, утолщенный, овальный в сечении, иногда немного заостренный в верхней части венчик (рис. 9 / 5-7). У отдельных сосудов он имеет форму небольшого округло валика, немного отогнутого наружу.

Обращает на себя внимание тот факт, что эти кувшины по своим размерам и некоторым морфологическим особенностям (положение ручки, покатые плечики ширина горловины) занимают как бы промежуточное положение в ряду закрытых форм, между собственно водоносными кувшинами и кружками, которых, между прочим, при раскопках здания на Шуробкургане найдено не было. Это вызывает удивление, учитывая, что различные типы кружек являются одной из наиболее широко распространенных форм столовой керамики на территории Северного Тохаристана эпохи раннего средневековья (Аннаев, 1988, табл. XIII; Соловьев, 1996, с. 54-56). О функциональном назначении шуробкурганских кувшинчиков можно судить по некоторым этнографическим параллелям. Так, например в Каратаге еще в первой половине XX в. в качестве сосудов для зачерпывания воды из реки и питья воды во время полевых работ употреблялись кувшинчики с высоким узким горлом, округлым туловом и плоским дном, сантиметров 20-25 высотой, носящие название - кугача. В Самарканде небольшие неполивные кувшинчики с одной ручкой, также носящие название кугача употреблялись для питья во время полевых работ и в городе, но не в домах, а в лавках и мастерских (Пещерева, 1959, с. 231, 238). В связи с этим, любопытно отметить, что, как уже отмечалось выше, во второй период своего существования, к которому относятся эти кувшинчики, здание на Шуробкургане не было жилым, а являлось, по всей видимости, небольшой пекарней.

Кроме уже перечисленных выше, необходимо отметить на ходку фрагмента узкогорлого кувшина с отдельно прикрепленным «желобчатым» сливом. Сохранилась только верхняя часть горловины, которая видимо, была невысокой и имела «припухлость» в верхней части.

В комплексе Ш-К-II представлено несколько фрагментов сосудов на высокой конической ножке с небольшим полусферическим резервуаром (рис. 10 / 15). Опираясь на многочисленные аналогии (Аннаев, 1988, табл. XVI, б; Соловьев, 1996, с. 62, рис. 24), эти сосуды следует интерпретировать не иначе как курильницы. Многочисленные находки курильниц этого типа, в хорошо датированных раннесредневековых слоях на территории Северного Тохаристана, не позволяют согласиться с Г.А. Пугаченковой, которая склонна ограничивать время их бытования периодом поздней античности и, вследствие этого предлагает датировать курильницы Балалыктепа и Хайрабадтепа не позднее IV в. н. э. (Пугаченкова, 1991, с. 106-108).

Комплекс керамики, полученный в шурфах по составу форм и типов сосудов полностью идентичен комплексу Ш-К-II (рис. 11). В шурфах почти в полном объеме представлены формы описанные выше. Помимо них обращает на себя внимание нижняя часть, по всей видимости столовой миски на кольцевом поддоне (рис. 11 / 33), а также полусферическая миска с утолщенным, округлым профилированным венчиком (рис. 11 / 13)

На территории Северного Тохаристана раскопано достаточно памятников, где выявлены археологические комплексы предарабского времени, синхронные описанному выше (см.: Соловьев, 1996, с. 12-29; Восковский, 1997, с. 40-42; его же: 1997, с. 10-14; Болелов, 2001, с. 68-74). На основании полученных данных, в основном в результате детального анализа керамического материала, была разработана периодизация раннесредневековых памятников северо-западных районов Тохаристана (Аннаев, 1988, с. 36-48). Археологический комплекс, полученный при раскопках городища Шуробкурган, занимает в этом ряду памятников определенное место.

В первую очередь следует подчеркнуть, что он происходит из поселения городского типа, причем не из раскопок цитадели или какого-то монументального сооружения, а из небольшого жилого дома, впоследствии ставшего производственным комплексом. Благодаря стратифицированным монетным находкам, у нас есть возможность определять абсолютные даты керамических комплексов Шуробкургана без привлечения многочисленных аналогий.

Постройку здания следует датировать не ранее конца IV - начала V вв. Этот рубеж определяется находкой в кладке западной стены I помещения кушано-сасанидской монеты, к сожалению очень плохой сохранности. Безусловно, эта монета была переотложена и попала в кладку вместе с глиной для кирпича.

Первый период существования здания, когда это был жилой дом, датируется тремя монетами. Одна из них - подражание Перозу с надчеканами найдена в культурном слое над полом в I помещении.

Две монеты плохой сохранности найдены в завале, перекрытым полами второго периода.

Второй период жизни здания, когда здесь был уже производственный комплекс, датируется четырьмя монетами. Две найдены во дворе, в золистом культурном слое второго периода. Одна из них плохой сохранности. Вторая - псевдотанская «Кай-юань тун бао» обычного типа, оборотная сторона гладкая. В культурном слое над уровнем второго пола в I помещении, связанном с тандыром и перекрывающем раннюю суфу, найдены еще две монеты. Одна из них предположительно относится к подражаниям Перозу с надчеканами. Верхняя граница жизни здания датируется находкой раннего фельса времени Омейядов выпущенного от имени Насра ибн Саййара, бывшего наместником Хорасана в 738-748 гг., который был найден в слоях запустения в южной части здания.

Подражания Перозу обращались на территории в Термез-Ширабадском районе с конца V и по VII в. включительно (Вайнберг, 1972, с. 141-143; Ртвеладзе, 1987, с. 125; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 134), что подтверждается находкой одной из этих монет в одном слое с псевдотанской монетой. Обращает на себя внимание тот факт, что в слое второго периода, судя по четырем точкам по краю монетного кружка на лицевой стороне и наличию надчеканов, найдена монета, относящаяся к ранним эмиссиям подражаний Перозу - 287 или 287A по Геблю (Göbl, 1967, Bd. I, с. 197). Безусловно, нельзя исключить того, что эта монета была переотложена. В то же время, можно предполагать, что ранние эмиссии этих монет продолжали обращаться в течение всего, указанного выше периода, наряду с поздними подражаниями. В этой ситуации основной датирующей является псевдотанская монета, относящаяся к самым ранним выпускам этих монет на территории Средней Азии. Эти монеты имеют четкую нижнюю границу обращения - не ранее первой четверти-середины VII в (Смирнова, 1981, с. 35).

Таким образом, по нумизматическим данным первый период жизни здания на Шуробкургане и, соответственно, керамический комплекс Ш-К-I можно датировать в пределах VI - первой половины VII вв. н. э.

Второй период функционирования памятника, на основании предложенных выше датировок и находки омейядского фельса следует датировать в пределах второй половины VII - первой половины VIII в. н. э.

Исходя из предложенных абсолютных дат, можно сравнить полученные на памятнике комплексы с синхронными, выявленными на других памятниках Северного Тохаристана.

Керамический комплекс Ш-К-I по времени соответствует финальному этапу кувекурганского археологического комплекса (первая половина VI в) и хайрабадскому археологическому комплексу - вторая половина VI - первая половина VII вв. (Аннаев, 1988, с. 48). В то же время, обращает на себя внимание отсутствие на Шуробкурране некоторых форм и декоративных приемов, характерных для кувекурганского комплекса (Кувекурган, замок Зартепа, нижние слои Кучуктепа).

В первую очередь следует отметить полное отсутствие на Шуробкурране чаш с вертикальным венчиком и лощением изнутри, бокаловидных сосудов с полосчатым лощением снаружи, мисок с резным геометрическим орнаментом и т. д., то есть тех форм, которые генетически связаны с керамической традицией кушанского и кушано-сасанидского периода (Аннаев, 1984, с. 194-196, рис. 4,5). Как уже отмечалось, выше, при раскопках здания не найдено кружек и, в том числе, с двойной вертикальной ручкой и цилиндрической горловиной, которые появляются на территории северо-восточного Тохаристана не позднее второй половины V в (керамический комплекс 2 этапа замка Зартепа) (Абдуллаев, Аннаев, 1990, с. 19, рис. 4). Следует заметить, что кружки вообще не многочисленны на Шуробкурране. Во время раскопок на цитадели городища, где были вскрыты слои синхронные Р-1, найдено всего несколько фрагментов этих сосудов и лишь одна двойная вертикальная ручка (Гендельман, 2001, рис. 3,4). Кроме того, в комплексе Ш-К-I совершенно отсутствуют кувшинчики со смятым сливом (эйнохойевидные сосуды), являющиеся одной из самых распространенных форм в керамических комплексах Тохаристана V-VI вв. и генетически связанные с керамической традицией предыдущего периода (Соловьев, 1996, с. 49-52). В то же время в комплексе Ш-К-I присутствуют типы сосудов, получившие широкое распространение в более поздние периоды (Хайрабадский археологический комплекс) и не находящие себе аналогий в керамических комплексах кушано-сасанидского периода. В первую очередь, это хумы I типа с пальцевыми вдавлениями по нижней части венчика, горшки с низкой, слабо выделенной шейкой и массивным профилированным венчиком (рис. 4/ 5-7), кухонные котлы, широкогорлые кувшины с одной ручкой, столовые миски. Все эти формы находят себе широкие аналогии не только в северном Тохаристане, но и на территории Согда. Например, пальцевые вдавления на венчике сосуда широко были распространены в горном Согде в VII-VIII вв. (Якубов, 1988, табл. П, III). Наиболее типичной формой для раннесредневекового Тохаристана являются столовые миски с перегибом стенок в верхней части. Помимо Тохаристана они встречаются на всей территории Согда в комплексах периода раннего средневековья (Бентович, 1964, с. 279, рис. 17; Сулейманов, 2000, рис. 136; Семенов, Мирзаахмедов, 2002, рис. 47 / 1-5).

Обращает на себя внимание фрагмент крупного горшковидного сосуда типа хумчи с массивным валиком в нижней части венчика (рис. 4 / 4). Подобные сосуды совершенно не характерны для ранне-средневековых комплексов северного Тохаристана, где были распространены горшковидные формы с другой конфигурацией венчика (Аннаев, 1988, табл. XVI а, XVI б). В некоторой степени оформление верхнего края этих сосудов (более или менее выраженный валик в нижней части отогнутого наружу венчика) напоминает некоторые типы согдийских гончарных котлов и крупных горшковидных сосудов конца VII - первой половины VIII вв (Бентович, 1964, с. 274, рис. 10 / 14, 15; Ахунбабаев, Соколовская, 1996, с. 11, рис. 6; Ахунбабаев, 1999, табл. XV). Весьма своеобразны широкогорлые кувшины с четко выраженным опоясывающим валиком в верхней части горловины (рис. 5 / 11) На территории Тохаристана такие кувшины не встречаются. Валик под венчиком, в верхней части горловины отмечен у отдельных кувшинов на территории Согда VII - нач. VIII вв. (Бердимуратов, Семибаев, 1999, рис. 72 / 15; рис. 74 / 1).

Приведенные выше, далеко не полные аналогии, дают некоторые основания сузить хронологические рамки существования раннего здания. Тот факт, что в комплексе отсутствуют формы связанные с кушано-сасанидской керамической традиции, надо полагать, позволяет отнести начальный этап его бытования к заключительной фазе Куевкурганского археологического комплекса - середине VI в. Учитывая данные нумизматики, а также то, что многие керамические формы близки сосудам характерным для VII - нач. VIII вв., верхнюю границу существования здания следует, видимо ограничить первой четвертью - серединой VII в.

Во второй период существования здания (комплекс Ш-К-II) продолжают существовать многие формы, характерные для раннего периода. Это, прежде всего хумы и хумчи 1 и 2 типов, тагора, широкогорлые кувшины с одной ручкой, столовые миски и т.д. Вместе с тем появляются новые формы и элементы декора неизвестные ранее. Прежде всего, следует отметить появление пальцевых зажимов и вдавлений у тагора (рис. 7), которые появляются уже в Хайрабадском археологическом комплексе (Аннаев, 1988, табл. XVI б). В группе кухонной керамики появляются котлы с шаровидным туловом и подпрямоугольным венчиком, наклоненным внутрь сосуда. Аналогичные котлы на территории Тохаристана появляются, по всей видимости не ранее середины VI в. и продолжают существовать вплоть до середины VIII в. (Аннаев, 1988, табл. XVI б; Соловьев, 1996, рис. 28). Все это время они сосуществуют с котлами 2 типа с подковообразными ручками на плечиках (Альбаум, 1963, с. 80, рис. 5; Аннаев, 1988, табл. XVI б). Среди крупных горшков обращает на себя внимание

фрагмент сосуда с массивным венчиком, по верхней горизонтальной плоскости которого проходил широкий желобок (рис. 8 / 15). Подобные сосуды не характерны для раннесредневековых комплексов Тохаристана (см. например: Соловьев, 1996, с. 58-59; Lyonnet, 1997, табл. 74-77). Ближайшие аналогии этот сосуд находит на территории центрального Согда в керамических комплексах третьей четверти VII в (Ахунбабаев, 1999, табл. IV).

Характерной формой в группе хозяйственной керамики являются горшки сформованные от руки с последующей доработкой на гончарном круге. Эти сосуды, также как и лепной сосуд с одной ручкой подробно рассматривались в предыдущей публикации. Наибольшее количество аналогий они находят в раннесредневековых керамических комплексах областей нижнего и среднего течения Сырдарьи (Болелов, 2001, с. 75-77). Следует отметить, что форма этих сосудов обычна для горшков вообще и не является хронологическим индикатором. Кроме того, у них нет ярко выраженных морфологических признаков (вид венчика, наличие ручек и т. д). В данной ситуации наиболее характерным признаком, отличающим эти горшки от всех прочих, являются потеки и широкие полосы ангобной краски бурого цвета. У большинства сосудов окрашивалась верхняя и придонная части, а в центральной части, в месте максимального расширения тулова оставалась неокрашенная полоса внешней поверхности грязно-желтого или светло-серого цвета. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что у этих горшков, также как и хумов 2 и 3 типов, четко фиксируются следы вторичной обработки сосуда на гончарном круге - более или менее выраженные желобки по внутреннему краю устья, заметные наплывы глины с внешней стороны верхнего края, образующиеся в результате наклона лезвия в процессе обтачивания (рис. 6 / 7-10, 13-14; рис: 8 / 1,2, 4, 6) (Бобринский, 1978, с. 49).

Надо полагать, территория распространения этих форм ограничивается районами северо-западного Тохаристана (долина Ширабад-дарьи). Помимо Шуробкурмана аналогичные сосуды найдены в раннесредневековых слоях городища Дабиль-Курган⁵, на Хосият-тепа (Аннаев, 1988, табл. XI). В крепости Тавка, которая датируется концом VI -VII вв. (Рахманов, 2001, рис. 57, 59, 60; с.122)⁶.

На остальной территории Тохаристана такие сосуды кажется неизвестны. Во всяком случае, никаких упоминаний о потеках или широких горизонтальных полосах на внешней поверхности хозяйственных или кухонных горшков VII - первой половины VIII вв. в археологической литературе нет (Соловьев, 1973, с. 298; Восковский, 2000, с. 13-14). Вместе с тем, отмечаются потеки ангобной краски на кухонных котлах (Соловьев, 1996, с. 57). Однако вряд ли наличие потеков на котлах следует считать декоративным приемом характерным

только для территории Тохаристана. Хозяйственные сосуды с потеками, как лепные, так и гончарные в керамических комплексах VII-VIII вв. встречаются на территории Средней Азии повсеместно (Болелов, 2001, с. 76-77) и только на территории северо-западного Тохаристана этот элемент декора сочетается не только с формой сосуда, но и со специфическими технологическими приемами.

Столовая посуда комплекса Ш-К-II находит себе широкий круг аналогий в синхронных керамических комплексах не только северного Тохаристана, но и Согда. Это относится, прежде всего, к столовым мискам (Соловьев, 1996, с. 52-53; Маршак, Распопова и др., 2003, рис. 81). Обращает на себя внимание находка нижней части открытого сосуда (чаши) на кольцевом поддоне (рис. 11 / 33), который более характерен для мисок северо-восточных владений Тохаристана - Вахш, Кобадиян, Шуман и значительно реже встречается в долинах Сурхандарьи и Ширабад-дарьи (Соловьев, 1996, с. 52-53). Среди керамики восточных областей северного Тохаристана можно найти ближайшие аналогии и крупной миске с утолщенным, профилированным венчиком и чашам с округлым дном (рис. 10 / 3, 10; Соловьев, 1996, рис. 20 / 7, 9, 20). Столовые миски 2 типа довольно широко представлены в керамических комплексах предарабского времени (Кулаглинский археологический комплекс), в частности среди керамики Хосияттепа (Аннаев, 1988, табл. XVII а). В это же время аналогичные сосуды были распространены на территории Согда (Исамитдинов, Сулейманов, 1984, с. 142, рис. 60, 7; Семенов, Мирзаахмедов и др., 2000, рис. 107; Маршак, Распопова и др., 2003, рис. 52 / 1). Столовые чаши, представленные в комплексе Ш-К-II, не столь часто встречаются на территории северного Тохаристана. Близкие по форме сосуды были найдены во время раскопок замка Кулаглитепа (Альбаум, 1963, с. 79; Аннаев, 1988, табл. XVIIa / 24). Кроме того, близкие по форме сосуды известны на территории южного и центрального Согда, где они датируются в пределах VII-VIII вв. (Кабанов, 1973, рис. 17; его же, 1977, рис. 13, 44; Бердимуратов, Семибаев, 1996, с. 100, рис. 5; Маршак, Распопова, Шкода, 1999, рис. 52 / 3, 4). Весьма существенным различием между согдийскими и тохаристанскими чашами (Ш-К-II) является то, что тохаристанские в верхней части украшены желобками и каннелюрами (рис. 10 / 1, 2). В то же время на территории бухарского Согда (Пайкенд), относительно крупные миски с четко выраженным перегибом стенок в центральной части характерны для комплексов второй половины VII - VIII вв. (Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семенов, 1988, с. 158-163; Семенов, Мирзаахмедов и др., 2003, рис. 48 / 16, 17).

В комплексе столовой посуды обращает на себя внимание фрагмент узкогорлого кувшина с прикрепленным желобчатым сливом. Такие сосуды на территории Тохаристана практически не встречаются.

Во время всего периода раннего средневековья здесь были распространены эйнохойевидные кувшины с вытянутым смятым сливом (Соловьев, 1996, с. 50-51). В то же время кувшины с длинным желобчатым сливом являются одной из наиболее широко распространенных форм столовой посуды на территории Согда, где они изготавливались, по мнению Б.Я. Маршака в подражание согдийским металлическим кувшинам рубежа VII-VIII вв. (Маршак, 1961, с. 190-191). Находки таких сосудов в других областях Средней Азии весьма немногочисленны и считаются импортом (Вишневская Н.Ю., 2001, с. 43).

Среди керамики второго периода выделяются небольшие кувшинчики с одной ручкой, относительно широкой горловиной (рис. 9/5-7). Как уже отмечалось выше, эти сосуды по форме напоминают кружки, но больше их по размерам. На территории Тохаристана близких аналогий этим сосудам не обнаружено. По форме тулова они в определенной степени напоминают небольшие широкогорлые кувшинчики, которые появляются на территории южного Согда уже в III веке (Кабанов, 1977, с. 13) и, с некоторыми изменениями, существуют в этом регионе до VII века включительно (Исаметдинов, Сулейманов, 1984, с. 142, рис. 60). Однако у южно-согдийских кувшинчиков ручка, за некоторым исключением, верхним концом всегда крепилась к устью сосуда. Надо полагать, эта форма, восходит к кружкам и небольшим кувшинчикам с покатыми плечиками широко распространенным на территории Тохаристана в IV-V вв. - кушано-сасанидский керамический комплекс (Седов, 1987, табл. XXII; Аннаев, 1988, табл. XIV а) и в отдельных районах, как показывают материалы Шуробкурмана, продолжает существовать вплоть до середины VIII. Вероятно, по своему функциональному назначению эти сосуды близки широко распространенным в Тохаристане эпохи раннего средневековья кружкам или небольшим кувшинам с двойными вертикальными ручками (Аннаев, 1988, табл. XVI а, XVII а). Возможно, что следующим этапом развития формы шуробкурманских сосудов являются небольшие кувшинчики с четко выделенной горловиной, относительно крутыми плечиками и одной ручкой, верхний абрис которой возвышается над устьем сосуда. Эта форма распространяется на территории Тохаристана в период развитого средневековья (Пидаев, 1987, с. 94). Примечательно, что такая же трансформация подобной формы наблюдается и на территории южного и бухарского Согда (см. например: Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семенов, с. 166, рис. 17; Сулейманов, 2000, рис. 137).

Приведенный выше, далеко не полный перечень аналогий отдельным керамическим формам Шуробкурмана позволяет говорить о том, что керамическое производство на этом памятнике развивалось в общем, русле эволюции гончарства северного Тохаристана эпохи

раннего средневековья. В то же время обращает на себя внимание большое количество аналогий, которые некоторые формы шуробкурганской керамики находят на территории южного и центрального Согда и областей среднего течения Сырдарьи.

В эпоху раннего средневековья северный Тохаристан был разделен на несколько в большей или меньшей степени самостоятельных владений, что, помимо указаний в письменных источниках, подтверждается нумизматическими данными (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 119 и далее; Ртвеладзе, 1987, с. 120-130; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 123-135). Шуробкурган, находящийся в южной части долины Ширабад-дарьи, располагался, надо полагать, на территории владения Гуфтан, северные границы которого простирались до «Железных ворот». Этот пункт неоднократно упоминается в рунических надписях как южная граница тюркских владений в Средней Азии. Поскольку дорога через «Железные ворота» выводила непосредственно в долину Ширабад-дарьи, то, очевидно, что расположенные здесь владения могли находиться под контролем тюрков. Этим, по-видимому, можно объяснить отсутствие здесь явных сасанидских влияний и, наоборот, общность династического знака-тамги ряда правителей Согда, Чача, Гуфтана (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 135). Надо полагать, этими обстоятельствами объясняются определенные согдийские и чачские культурные влияния, зафиксированные в материальной культуре Гуфтана. Они фиксируются, как уже упоминалось выше, не только на Шуробкургане, но и на других памятниках, расположенных неподалеку - Дабилькурган, Бабатепе (Болелов, 2001, с. 68-70). Кроме того, в погребальной обрядности раннесредневекового Тохаристана зафиксированы отдельные черты характерные для погребального обряда областей Средней Сырдарьи и Ферганской долины (Болелов, 1999, с. 49-53).

Все эти факты, как кажется, дают основания еще раз поставить вопрос о локальных вариантах материальной культуры раннесредневекового Тохаристана, которые были характерны для различных его областей. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о весьма пестрой этнической и политической картине в регионе в этот период.

Примечания

¹ В настоящее время почти вся территория северной части Тохаристана погребена под отвалами грунта, который сваливали сюда при рытье канала, проходящего к северу от городища и частично уничтожившего северную его часть.

² За репер принята самая высокая точка на «высшке» холма.

³ Пользуясь случаем, автор выражает благодарность Э.В. Ртвеладзе за определение монет и консультации.

⁴ Позднее автор раскопок Б.А. Литвинский выразил сомнение по поводу интерпритации этого комплекса как жилого. Наличие обводного коридора и обожженного постамента в центре зала, по его мнению, дает основание считать, что этот комплекс, во всяком случае, первоначально был культовым или совмещал в себе культовые и жилые функции (Литвинский, 1980, с. 121). С.Хмельницкий подверг сомнению предположение, мотивируя это тем, что вокруг зала не было сплошного обводного коридора, а изначально существовал Г-образный кулуар при приемном зале. Что касается заметных здесь признаков отправления религиозного отряда, то, по мнению исследователя, светское и культовое начала были так нерасторжимо слиты, что разделить эти функции в богатом жилище вряд ли возможно (Хмельницкий, 2000, с. 153).

⁵ Работы на памятнике проводились отрядом Тохаристанской археологической экспедиции под руководством автора статьи в 2002-2003 гг.

⁶ Учитывая присутствие в керамическом комплексе крепости Тавка, наряду с упомянутыми выше сосудами, тагора с пальчевыми защипами и вдавлениями по нижнему краю венчика (комплекс Ш-К-II), можно, как представляется, несколько расширить датировку этого памятника до середины VIII в., исключив при этом конец VI-начало VII вв.

Список литературы

1. Абдуллаев К., Аннаев Т. Раскопки на городище Зартепа в 1979-1981 гг. // ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990.

2. Альбаум Л.И. Балалык-тепа. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.

3. Альбаум Л.И. Раскопки замка Занг-тепе. // ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.

4. Аннаев Т.Д. Раскопки раннесредневековой усадьбы Куевкурбан в северном Тохаристане // СА. 1984. № 2.

5. Аннаев Т.Д. Раннесредневековые поселения северного Тохаристана. Ташкент, 1988.

6. Ахунбабаев Х.Г. Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999.

7. Ахунбабаев Х.Г., Соколовская Л. Ф. Керамические комплексы Афрасиаба конца VII-VIII вв. // ИМКУ. Вып. 27. Ташкент, 1996.

8. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

9. Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // Труды ТАЭ. Т. IV. МИА. № 124. М.-Л., 1964.

10. Бердимуратов А.Э., Семибаев М.К. Керамические комплексы из нового согдийского храма Джартепа II // ИМКУ. Вып. 27. Ташкент, 1996.

11. Бердимуратов А.Э., Семибаев М.К. Храм Джартепа. Ташкент, 1999.

12. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

13. Болелов С. Б. Погребения в пещерных склепах на юге Узбекистана // Материальная культура Востока. М., 1999.

14. Болелов С. Б. Комплекс керамики VII-VIII вв. из Северного Тохаристана // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.

15. Болелов С. Б. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа (раскопки 2000-2001 годов). // Археологические исследования Кампыртепа. Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2002.

16. Большаков О.Г., Негматов Н.Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // МИА. № 66. М., 1958.

17. Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв. (в связи с запустением Кара-тепе) // Кара-тепе. Буддийский культовый комплекс в старом Термезе. М., 1972.

18. Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента. М., 2001.

20. Воронина В.Л. Архитектура древнего Пенджикента (итоги работ 1952-1953 гг.) // МИА. № 66. М., 1958.

21. Восковский А.А. Керамика из верхнего слоя цитадели Дальверзинтепа // Материалы полевых исследований Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ). Вып. 2. Ташкент, 1997.

22. Восковский А.А. Результаты работ на шурфе ВТС - 4 К. // Материалы полевых исследований Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ). Вып. 4. Ташкент, 1997.

23. Гендельман П. И. Результаты археологических исследований на цитадели Шуробкургона // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.

24. Иваницкий И.Д. Жилой дом VIII в. в Самаркандском Согде // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.

25. Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973.

26. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья. Ташкент, 1977.

27. Кузьмина Е.Е. Гончарное производство у племен Андроновской культурной общности // Туркестан и Средняя Азии в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.

28. Курбанов С.А. Археологические исследования цитадели Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа. Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Ташкент, 2000.

29. Литвинский Б.А. Калаи-Кафирниган (раскопки 1974 г) // АРТ. Вып. XIV (1974 год). Душанбе, 1979.

30. Литвинский Б.А. Калаи-Кафирниган (раскопки 1975 г) // АРТ. Вып. XV (1975 год). Душанбе, 1980.

31. Литвинский Б.А. Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991.

32. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. Ташкент, 1988.

33. Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII вв. // Культура и искусство народов Востока. ТГЭ. Т. V. Л., 1961.

34. *Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 1998. Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. I. С-Пб., 1999.
35. *Маршак Б.И., Распопова В.И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента. Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. IV. С-Пб., 2002.
36. *Маршак Б.И., Распопова В.И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2002 году. Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. V. С-Пб., 2003.
37. *Мухамеджанов А.Р., Адынов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л.* Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.
38. *Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме (I – XIV вв.) // Труды ХАЭЭ. Т. IX. М., 1976.
39. *Неразик Е.Е.* Некоторые вопросы истории городов и истории культуры древнего Хорезма в свете раскопок городища Топрак-кала // Городище Топрак – кала. Труды ХАЭЭ. Т. XII. М., 1981.
40. *Нильсен В.А.* Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Ташкент, 1966.
41. *Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии. // Труды ИЭ АН СССР, новая серия. Т. XLII. М.-Л., 1959.
42. *Пидаев Ш.Р.* Стратиграфия городища старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987.
43. *Пугаченкова Г.А.* Культовые курьельницы северной Бактрии // ИМКУ. Вып. 25, Ташкент, 1991.
44. *Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.* Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.
45. *Распопова В.И.* Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л., 1990.
46. *Рахманов Ш.А.* Тавка. (К истории древних таможенных сооружений Узбекистана). Ташкент, 2001.
47. *Ртвеладзе Э.В.* Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л., 1974.
48. *Ртвеладзе Э.В.* Исследования на городище Будрач и в его окрестностях // АО, 1981. М., 1983.
49. *Ртвеладзе Э.В.* Кушанская крепость Кампыр-тепе // ВДИ, 1984. № 2.
50. *Ртвеладзе Э.В.* К истории денежного обращения в Саганийанс VIII - начала IX вв. // ЭВ. Вып. XXIII. Л., 1985.
51. *Ртвеладзе Э.В.* Денежное обращение в северо-западном Тохаристане в раннем средневековье // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
52. *Ртвеладзе Э.В.* Культовые и погребальные памятники кушанского времени из Кампыр-тепе // Ученые записки по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М., 1989.

53. Ртвеладзе Э.В. Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане // Античные и раннесредневековые древности южного Узбекистана. Ташкент, 1989 а.
54. Ртвеладзе Э.В. К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 году // Археологические исследования Кампыртепа. Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 2. Ташкент, 2001.
55. Седов А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987.
56. Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К. и др. Раскопки в Пайкенде в 1999 году. Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. 1. С-Пб., 2000.
57. Семенов Г. Л., Мирзаахмедов Д. К. и др. Раскопки в Пайкенде в 2001 году. Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. III. С-Пб., 2002.
58. Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К. и др. Раскопки в Пайкенде в 2002 году. Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. IV. С-Пб., 2003.
58. Смирнова О.И. Свободный Каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.
59. Соловьев В.С. Керамика Кафыр-Калы (раскопки 1969-1970 гг.). // АРТ. Вып. 10 (1970 г.). Душанбе, 1973.
60. Соловьев В. С. Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец, 1996.
61. Соловьев В. С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997.
62. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. - VII в. н.э. Самарканд-Ташкент, 2000.
63. Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Берлин-Рига, 2000.
64. Якубов Ю. Раннесредневековые поселения горного Согда. Душамбе, 1988.
65. Göbl R. Dokumente zur Geschichte der Iranische Hunnen in Baktrien und Indien. Bd I-IV, Wiesbaden, 1967.
66. Lyonnet B. Ceramique et peuplement du chalcolithique a la coguete arabe. Prospections archtologidues en Baciriane orientale (1974-1978), Volute 2, Paris 1997.
67. Rau W. Topferei und Tongeschirr im vedischen Indien. Wiesbaden, 1972.
68. Tanabe K., Yamauchi K Excavation at Dal verzih Tepa, Uzbekistan, 2000. // Bullttin of tht Ancient Orient Museum vol. XXI, Tokyo, 2000.

Шуроб-Курган Р- I

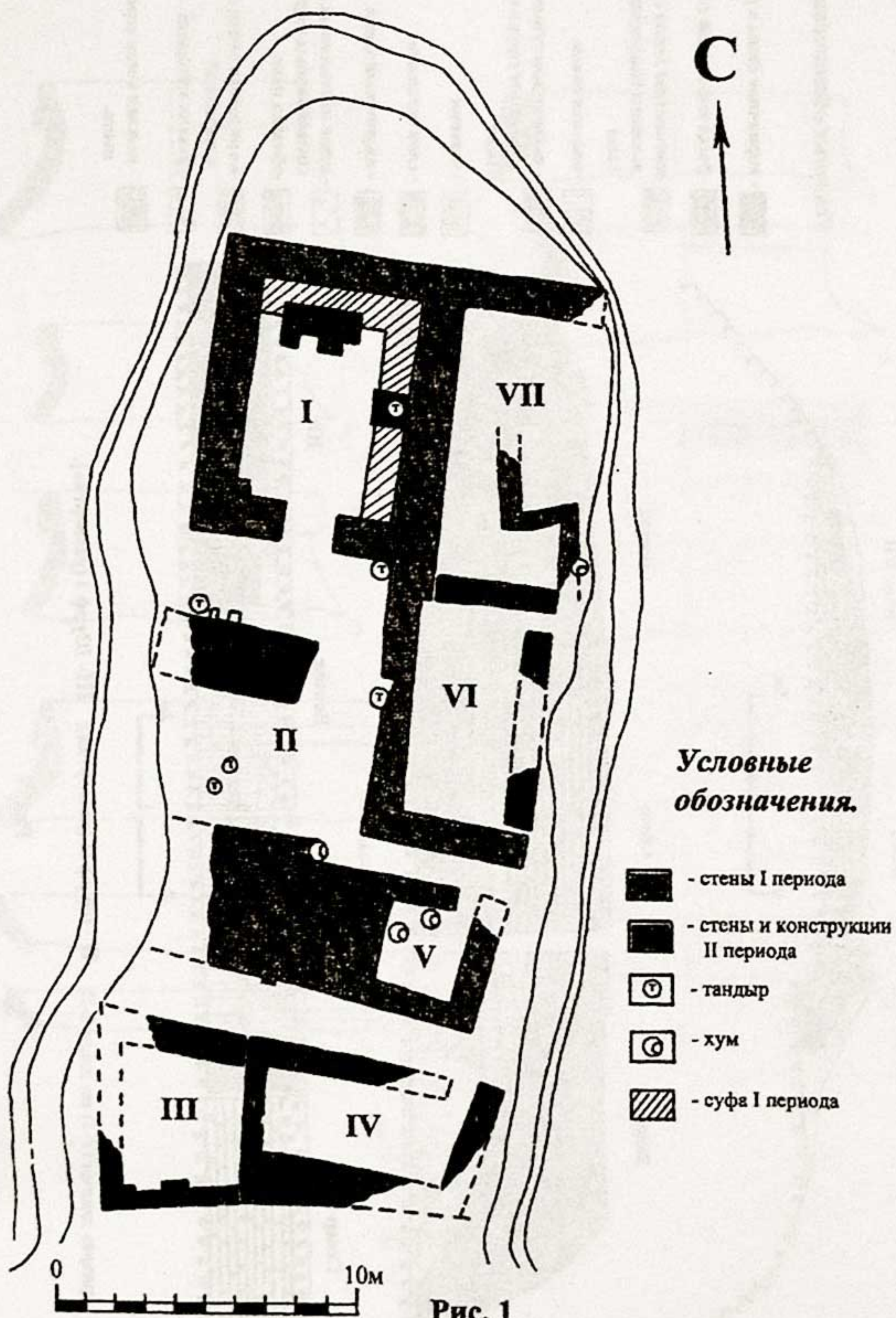

Рис. 1

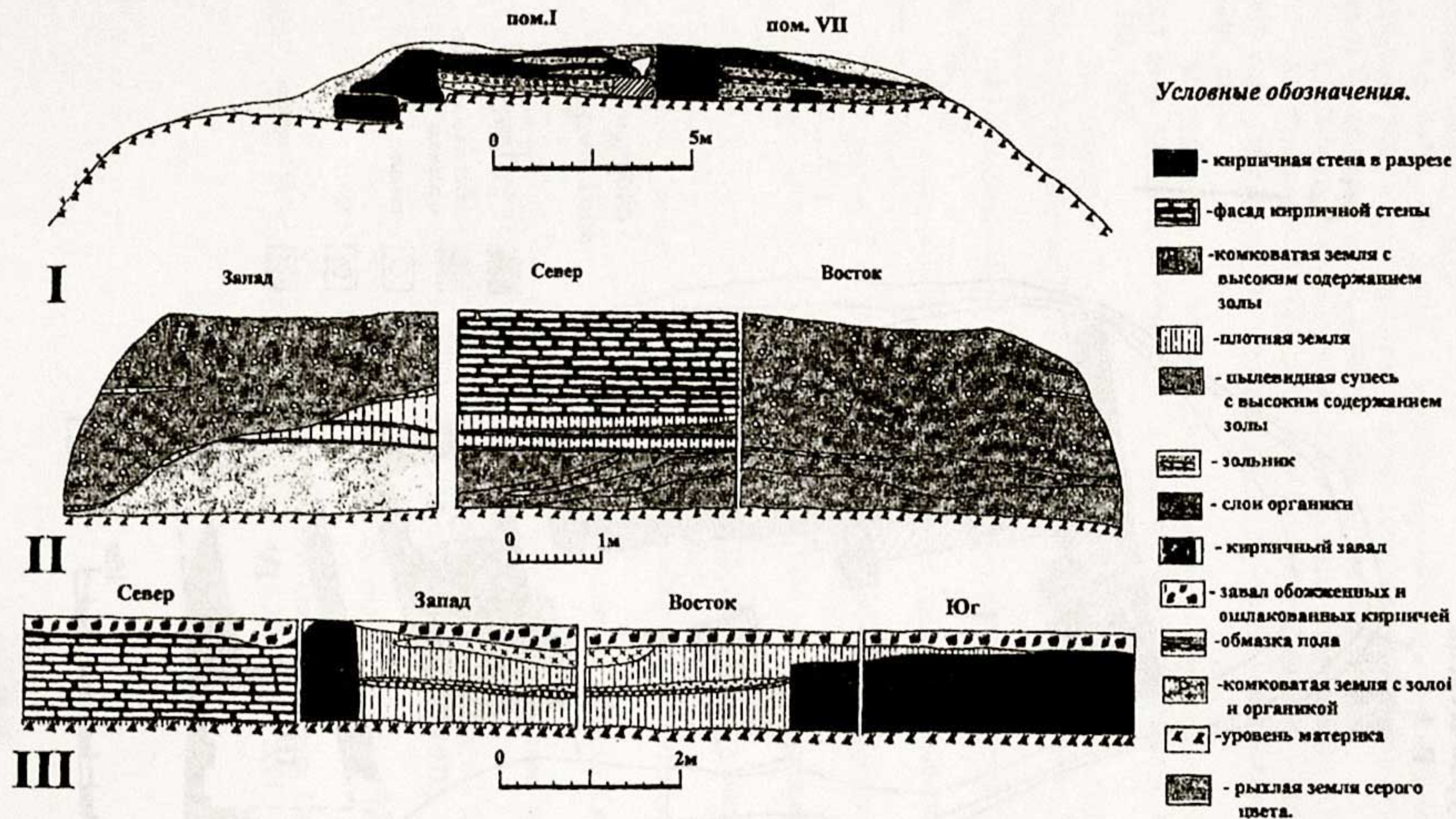

Рис. 2

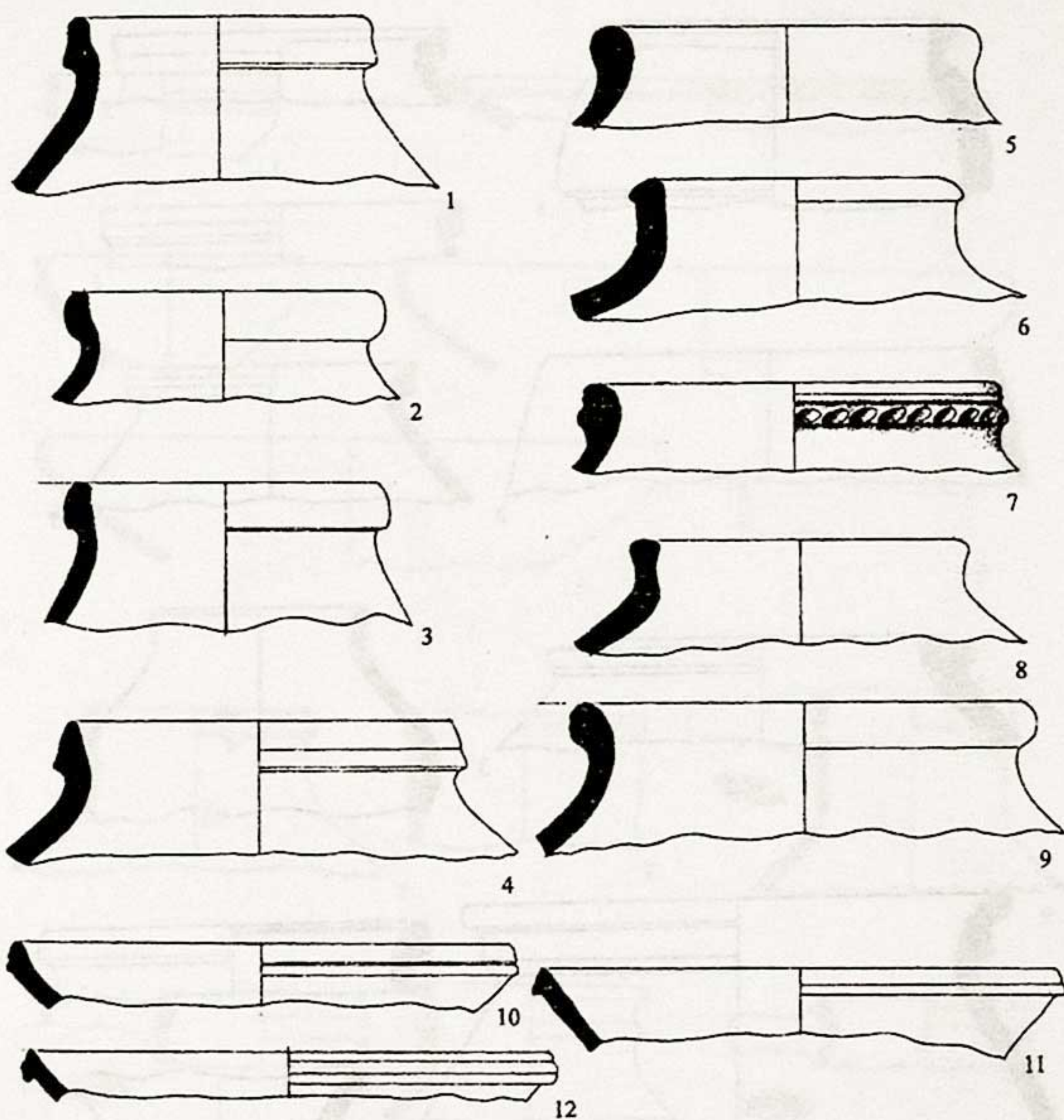

Рис. 3

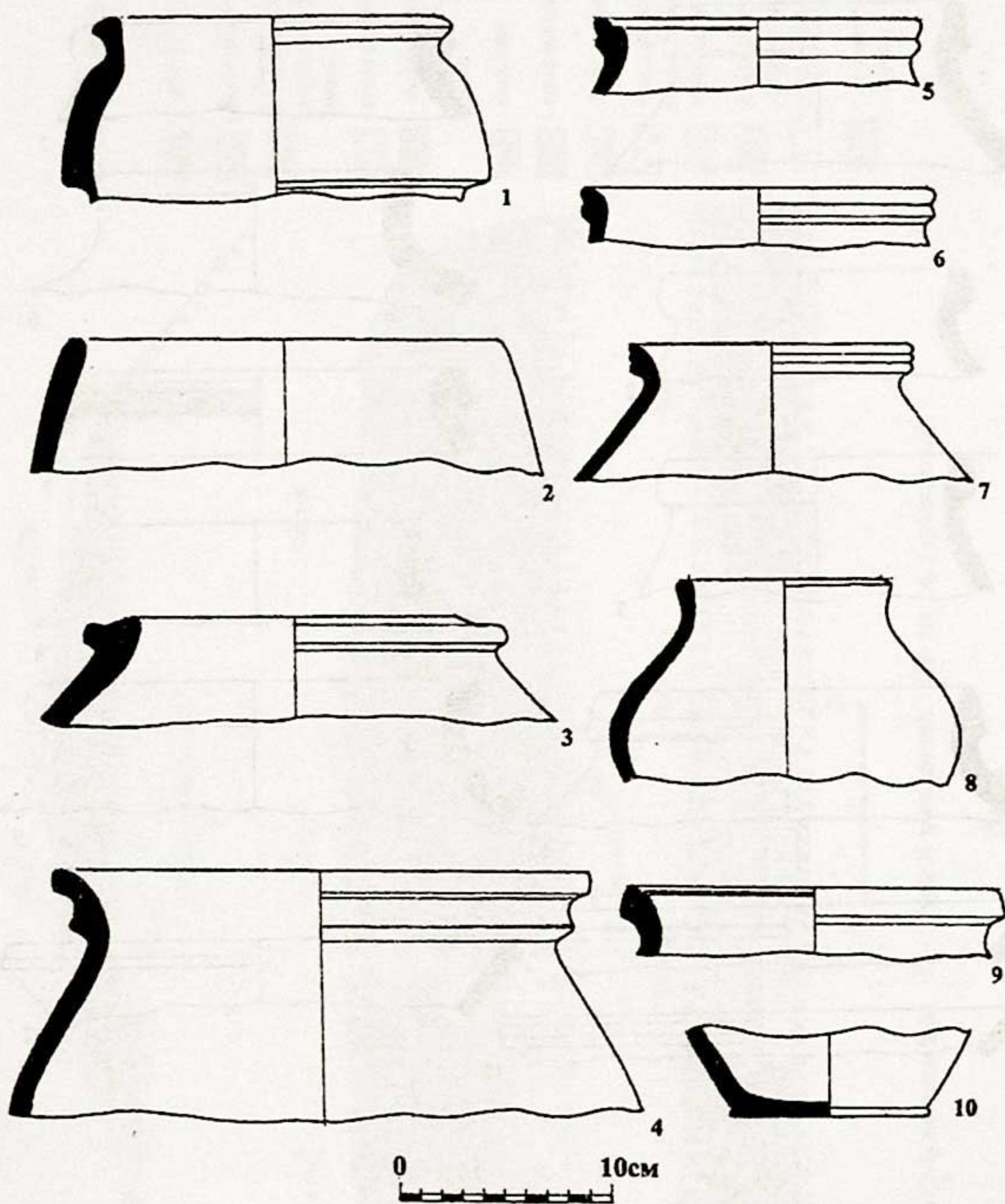

Рис. 4

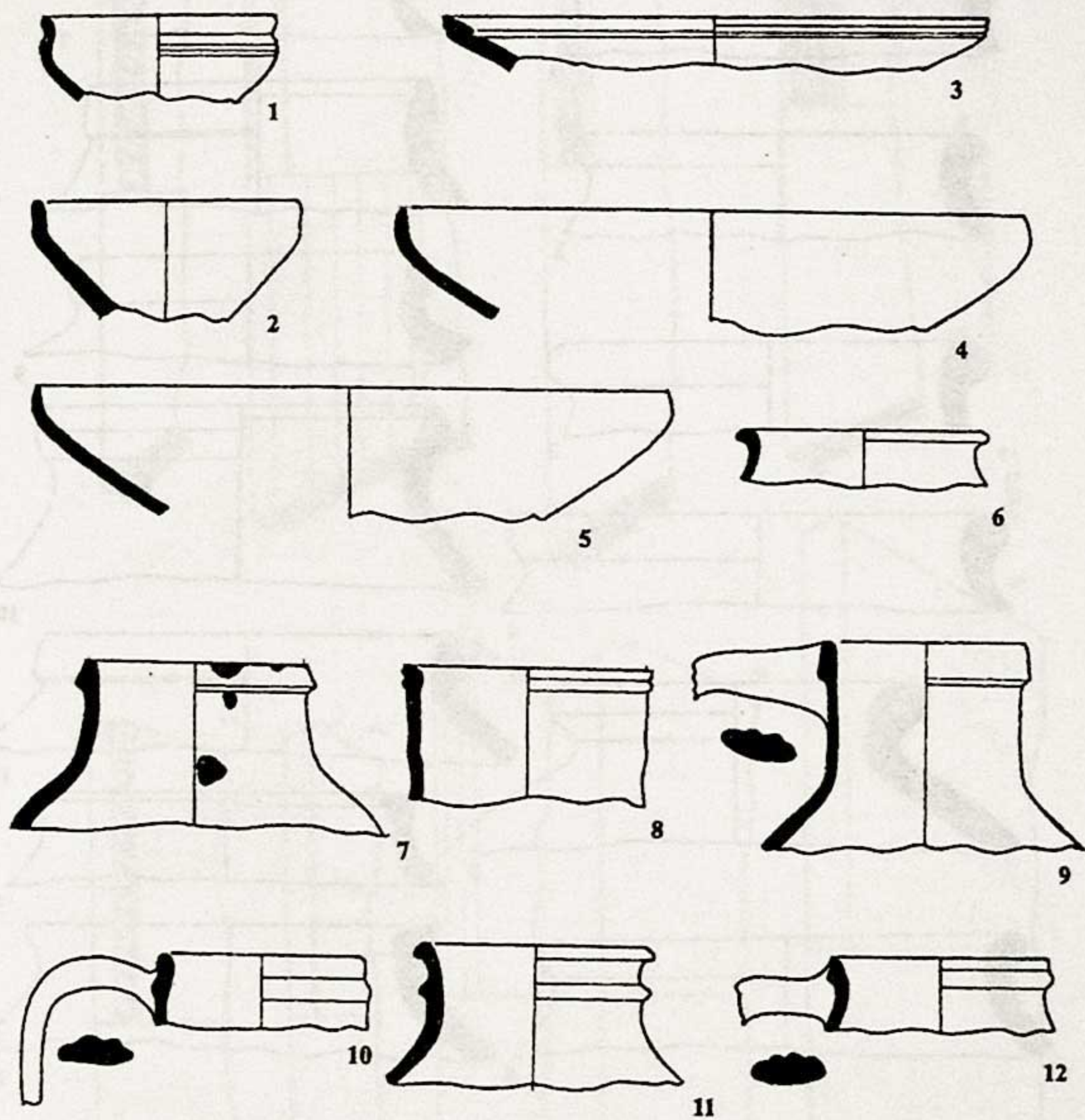
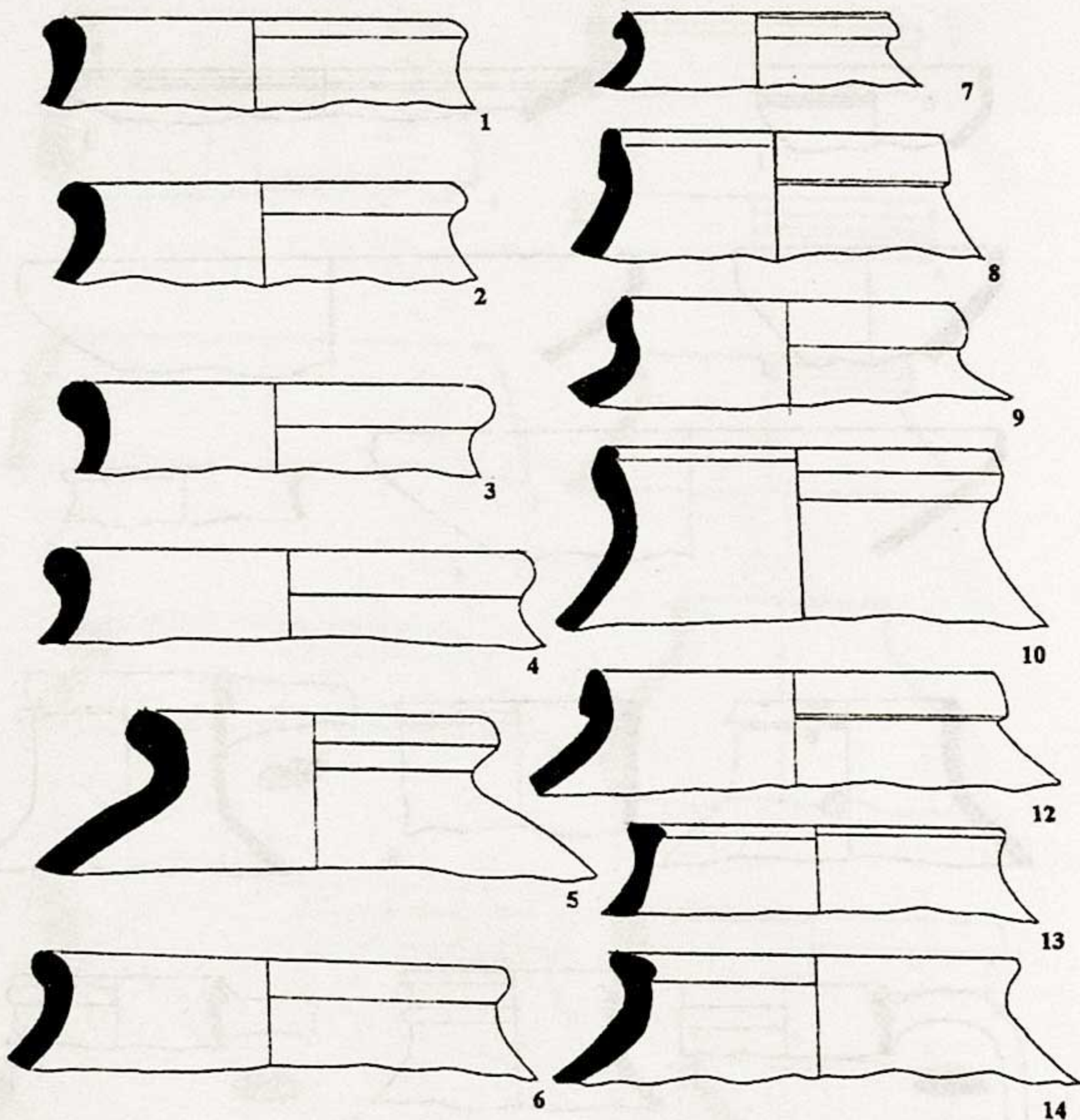

Рис. 5

0 10cm

Рис. 6

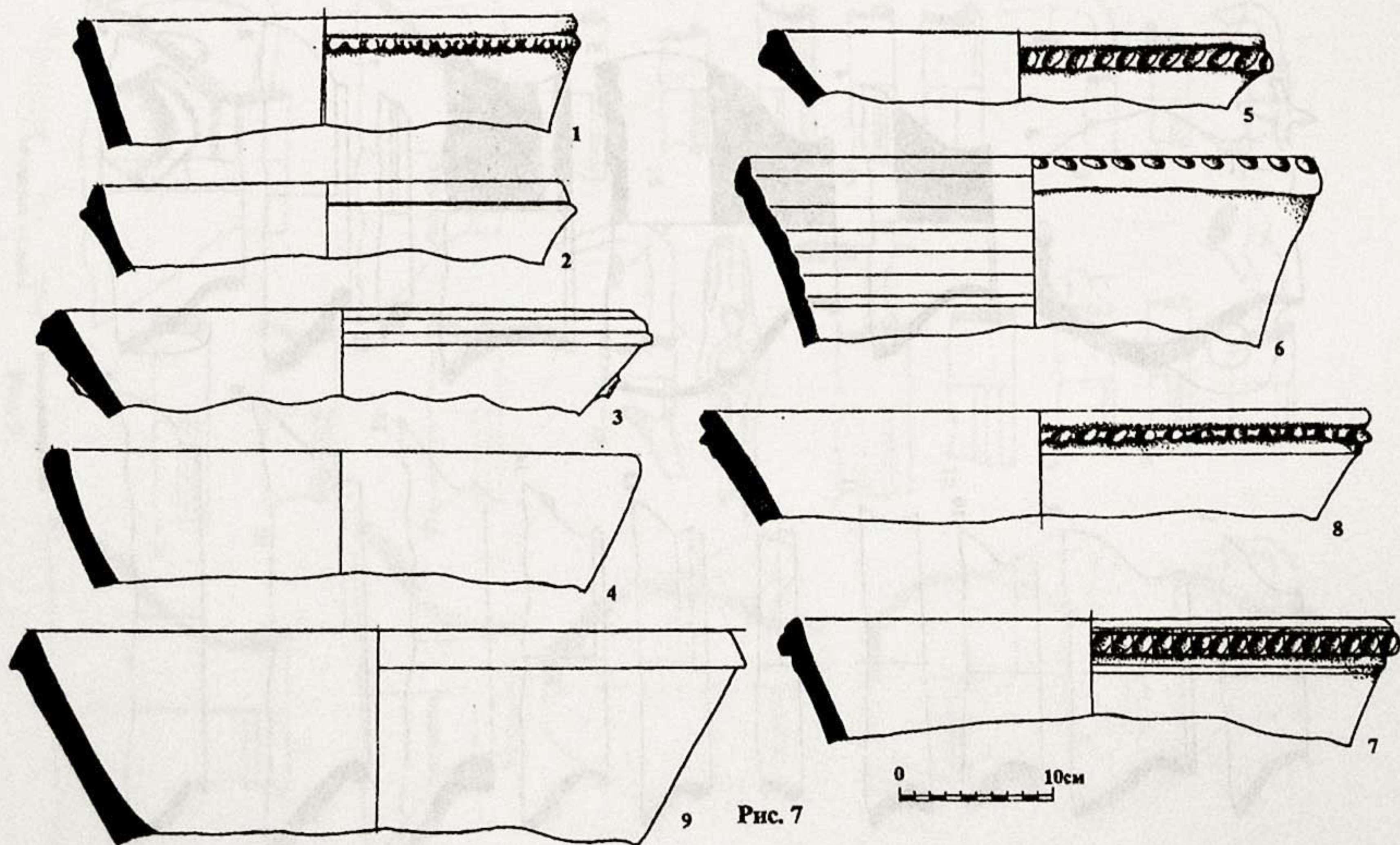

Рис. 7

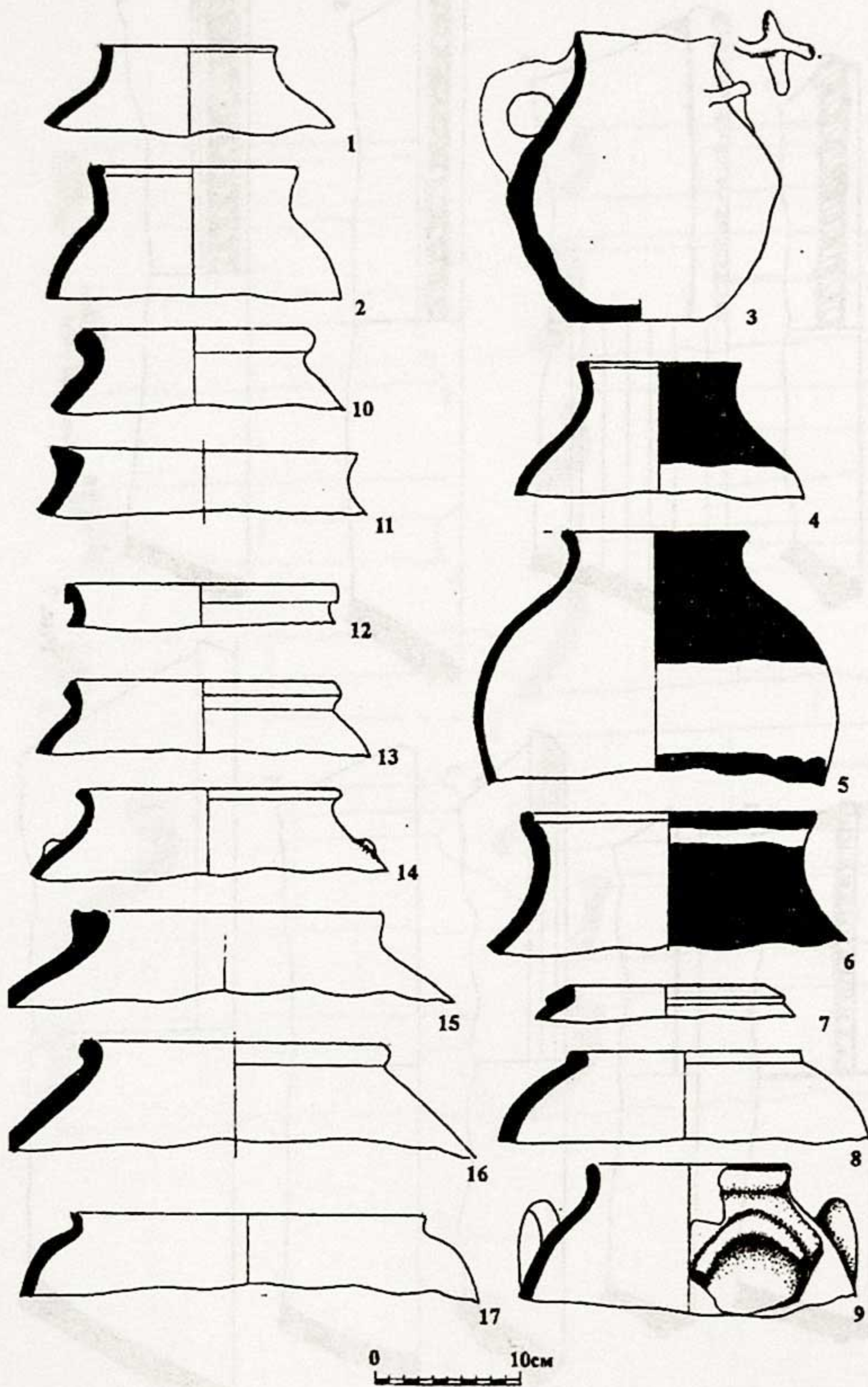

Рис. 8

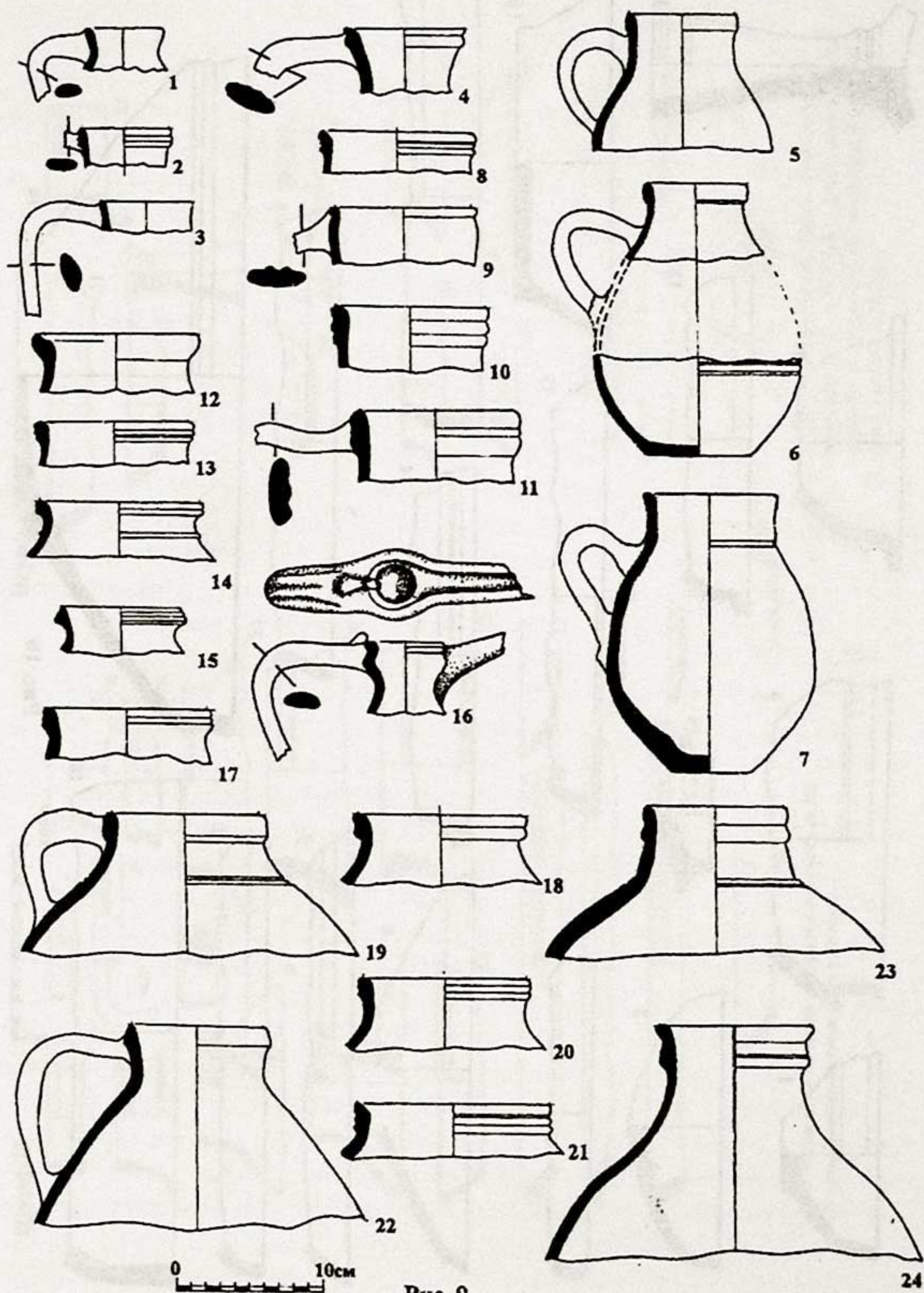

Рис. 9

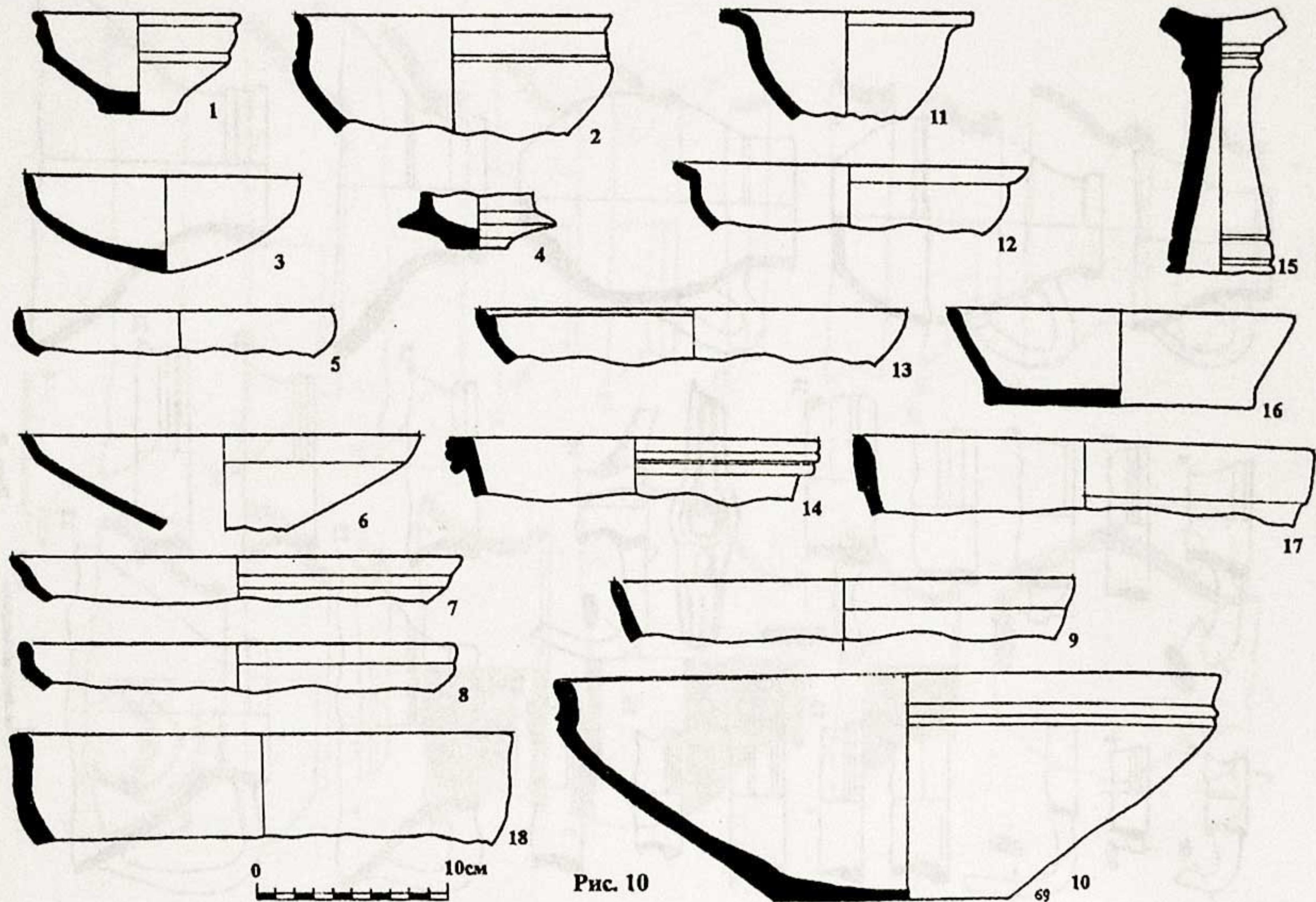
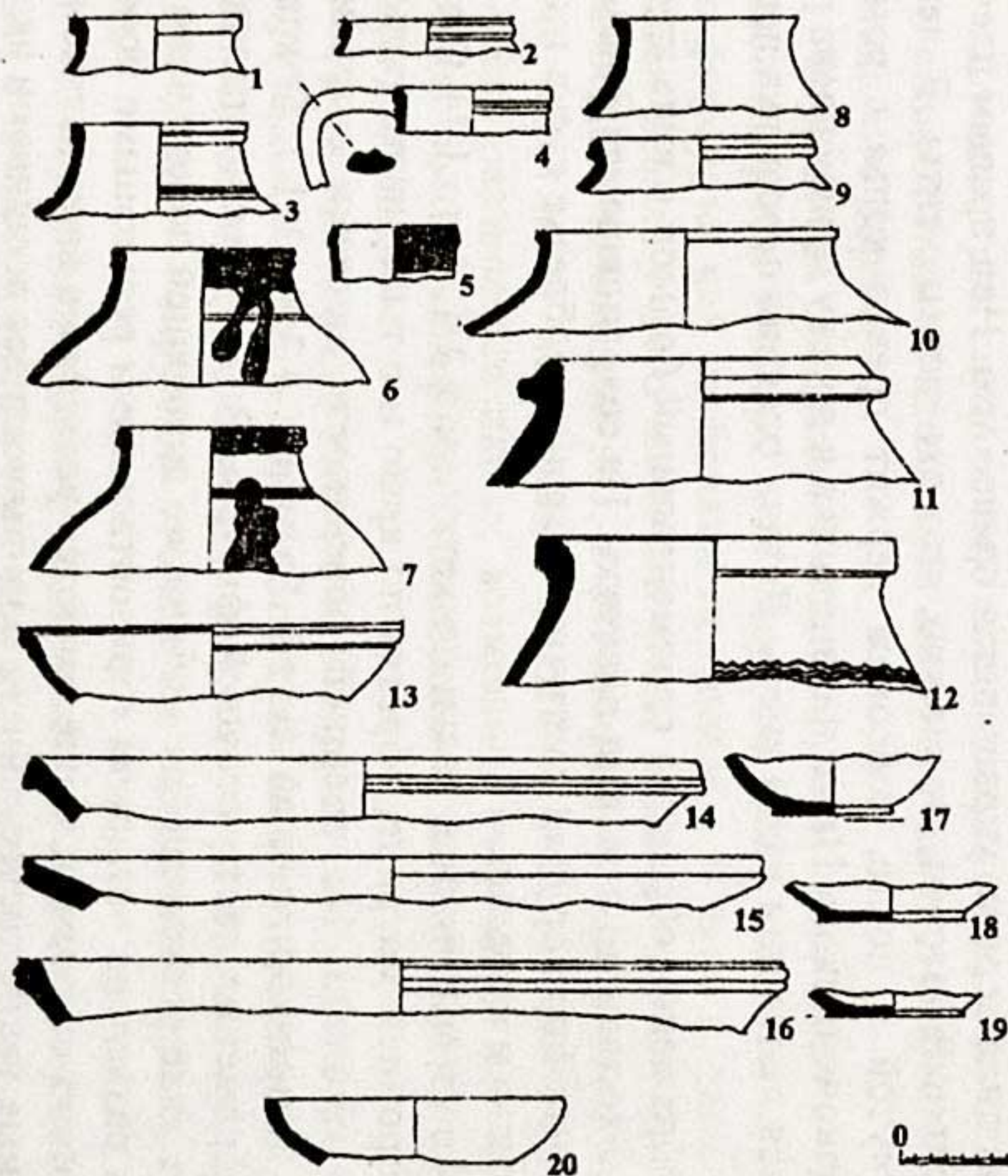

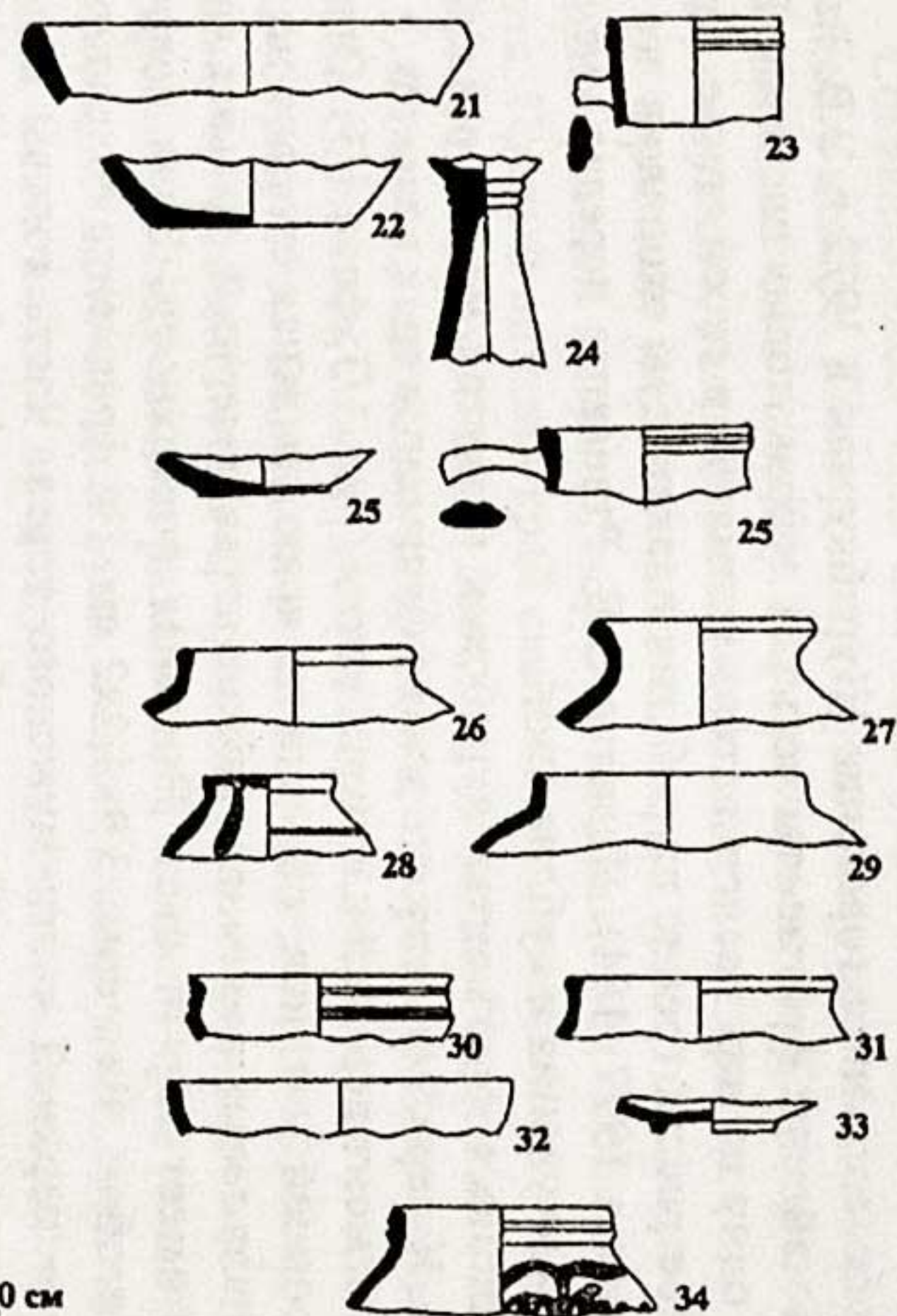
Рис. 10

Шурф-II

1-19 - керамика из слоев на уровне верхнего пола;
20 - керамика с уровня нижнего пола.

Шурф -I

21-29 - керамика из мусорных слоев позднего периода;
30-33 - керамика с уровня полов раннего периода;
34 - керамика из слоев подстилающих полы раннего периода.

Рис. 11

ТЕРРАКОТОВЫЕ ПЛАКЕТКИ С ГОРОДИЩА ШУРОБКУРГАН¹

При обследовании городища Шуробкурбан в 1972 г. Э.В. Ртвеладзе были найдены фрагменты четырех терракотовых плакеток. По-видимому, одну из них исследователь упомянул в своей статье, однако подробное рассмотрение шуробских плакеток не входило в его задачу (Ртвеладзе 1977, 184). Недавно Э.В. Ртвеладзе передал мне эти плакетки для изучения и публикации².

Имеющиеся фрагменты шуробских плакеток можно разделить на два типа. К первому типу относятся фрагменты трех плакеток.

1. Фрагмент верхней части плакетки (рис. 1/3; фото 1/3). Оттиск в односторонней матрице, обрезка по краю; тыльная сторона неровная, вся в пальцевых вмятинах. Обжиг неравномерный, тыльная часть терракоты имеет серый цвет. Внешняя поверхность была покрыта красным ангобом. Размеры: 3,9х4,2х2 см. На фрагменте сохранилось изображение верхней части мужского торса. Часть головы и лицо сбиты; судя по всему, лицо было изображено в фас. Различается крупная шаровидная серьга, украшавшая правое ухо. Над правым плечом подтреугольный выступ, возможно, что это конец ленты. В левой руке, согнутой в локте, персонаж держит древко копья с ромбовидным наконечником. Ниже наконечника к древку прикреплена развешивающаяся лента или узкая кисть. Детали одеяния персонажа неразличимы.

Изображение обрамлял орнаментальный бордюр в виде кругов с точкой, входивший в штамп плакетки. На сохранившемся фрагменте видно, что бордюр был частично срезан при обрезке куска глины после оттиска в матрице.

2. Фрагмент нижней части плакетки (рис. 1/1, фото 1/1). Оттиск в односторонней матрице, обрезка по краю и с тыла; часть тыльной стороны отколота. На внешней поверхности местами сохранился плотный темно-коричневый ангоб. Размеры: 4,3х4, 2х1,2. Сохранилось изображение части стоящей фигуры. Видна нижняя половина одеяния в виде расходящейся «юбки», не достигающей до колен; по подолу она разделена четырьмя горизонтальными рельефными полосами (частично смятыми); выше имеются рельефные вертикально расположенные узкие треугольники, поднимающиеся вершинами иконо-

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung, Германия).

² Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Э.В. Ртвеладзе за любезное предоставление материала для исследования.

графии – ступни на одной линии, носки врозь. Справа от персонажа можно различать часть древка копья, упирающегося в бедро. Слева на уровне «юбки», расположен некий атрибут в виде ветви, отходящей от шаровидного основания.

Сохранившиеся края плакетки украшены рельефными кругами с точкой в центре. Как и в предыдущем случае, орнаментальный бордюр был включен в матрицу. По нижнему краю бордюр состоит всего из двух кружков, расположенных под ногами персонажа.

3. Фрагмент нижней части плакетки (рис. 1/2; фото 1/2). Оттиск в односторонней матрице, обрезка по краю, вся тыльная сторона отколота. Правый нижний край смят. Сколы также на внешней стороне, поверхность которой имеет светлый кремовый оттенок. Размеры: 5х4, 4х1,5. Показана стоящая фигура, полностью аналогичная предыдущей, но сделанная с более редуцированной матрицы и имеющая худшую сохранность. Видны нижняя часть одеяния («юбка»), левая нога, а также почти полностью сохранившаяся стилизованная ветвь слева от персонажа. Над ветвью различается нижний край рельефа, это, по видимому, локоть правой руки. Рельефная отделка одеяния едва различима. Как и на двух предыдущих фрагментах, персонаж заключен в бордюр из кругов с точкой в центре.

Во всех трех случаях при обрезке плакетки после оттиска вместе с лишней глиной вдоль края матрицы была срезана и часть орнаментального бордюра.

Второй тип представлен одним фрагментом³. Оттиск в односторонней матрице. Размеры: 8х6. Верхняя часть плакетки имеет овальную форму, на ней изображен персонаж с копьем в левой руке. Он показан в фас, у него широкое лицо, миндалевидной формы глаза, прямой нос, небольшой рот, в оттопыренных ушах серьги с небольшими округлыми подвесками. Сросшиеся брови напоминают лук; прическа различается плохо, возможно, что пряди волос показаны вертикальными рельефными полосками. Слева от головы изображены концы двух лент.

Персонаж держит копье в левой руке, согнутой в локте; правая рука, насколько можно судить, опущена вниз, и, возможно, упирается в бок. Копье имеет наконечник лавролистной формы. На древке под наконечником – округлое утолщение, ниже которого прикреплена кисть.

На персонаже надет приталенный кафтан, запахнутый слева направо, с правосторонним треугольным отворотом. Борты кафтана выделены узкой рельефной линией. Под локтем левой руки замечен некий рельеф, возможно, это изображение рукояти меча.

³ К сожалению, фрагмент утерян, и мы располагаем только его фотографией и прорисовкой.

Иконография плакеток первого типа имеет прямые параллели с традиционной кушанской иконографией. Такие характеристики, как постановка ног персонажа, копье как атрибут правителя или божества широко представлены на монетах Канишки I, Хувишки и Васудевы I (Göbl 1984, табл. 4-9, 31 157, 166, 167, 171, 172).

Судя по рельефным полосам на «юбке», можно предположить, что на плакетках изображен бронированный пластинами панцирь. Так, среди кушанских правителей в пластинчатый панцирь облачен Васудева I (Göbl 1984, табл. 28-31).

Для интерпретации персонажа на плакетках первого типа данных, на наш взгляд, пока недостаточно. Отметим, тем не менее, что в иконографии образов, представленных в произведениях коропластики Бактрии-Тохаристана позднекушанского и кушано-сасанидского времени прослеживается очевидная связь с изображениями на монетах.

Так, на монетах великокушанских царей Васудевы I (большинство эмиссий) и Канишки II, а также т.н. «Малых» (поздних) кушан - Васишки, Канишки III и Васудевы II копье в левой руке заменяется на трезубец или посох. После завоевания кушанских владений в Бактрии Сасанидами (III-IV вв.), рассматриваемая иконографическая схема (персонаж с трезубцем) продолжала использоваться в кушано-сасанидском чекане, а также в имитирующих последний выпусках кидаритских правителей (Göbl 1984, табл. 62-71). В коропластике указанная смена атрибутов отразилась в появлении плакеток с изображением персонажа с трезубцем (Курган-Тюбе, Южный Таджикистан). Эти плакетки принято датировать III-IV вв. (Денисов 1981, 40-46; Древности Таджикистана 1985, 135, № 360).

Для плакетки второго типа (№ 4), при сохранении общей композиции - правитель с копьем в левой руке - отмечается определенное изменение облика персонажа и деталей его одежды.

Персонаж имеет широкое скуластое лицо, необычный разрез глаз. В его облике можно усмотреть некоторое сходство с изображением правителя на недавно опубликованной гранатовой печати, который в сопровождающей портрет бактрийской надписи назван именем Хингила (Callieri 2002; Sims-Williams 2002). Сходство это заключается как в близости несколько «варваризированного» облика персонажей с широкими лицами и непропорционально большими головами, так и в покрое кафтанов с правосторонним треугольным отворотом и в наличии лент за головой. На основе стилистического и палеографического анализа печать Хингила датирована первой половиной V в. и отнесена к периоду между Кидаритами и безымянными вождями Алхонов (Callieri 2002, 131; Sims-Williams 2002, 146). Это дает определенную хронологическую и, возможно, этно-культурную привязку найденной вне археологического слоя плакетке № 4 с Шуробкурмана.

Недавно нами была предпринята попытка выделить несколько типов тохаристанских терракотовых статуэток, которые, на наш взгляд, по некоторым признакам можно связать с эфталитами (Ильясов 2000; Ilyasov 2001). Одним из таких признаков является кафтан с правым отворотом, подтверждением чему служат три недавно опубликованные монеты очень редкого типа (до последнего времени был известен единственный экземпляр, хранящийся в Государственном историческом музее Узбекистана, см. (Вундцеттель 1927, 229-230; Ртвеладзе 1987, 138-139; Ilyasov 2001, 190, pl. II: 10). На монете рядом с портретом правителя в кафтане с правосторонним отворотом, помещена бактрийская надпись «эб», являющаяся сокращением от «эбодало» - «эфталит» (Alram 2002, 149-153). Не углубляясь здесь в анализ данного вида костюма, требующего специального рассмотрения, отметим, что его наличие на рассматриваемой терракотовой плакетке дает некоторые основания для ее датировки V-VI вв.

Можно сделать некоторые выводы. На плакетках первого типа, мы, по-видимому, имеем дело с дальнейшим развитием традиционного для кушанской иконографии образа. Для кушанского периода терракотовые плакетки с оформлением в виде орнаментированного бордюра не характерны. В то же время, в VI-VII вв. в Тохаристане и Согде широко распространяются плакетки с выделенным в рельефе и орнаментированным бордюром (их генезису и эволюции посвящена специальная работа (Мкртычев, Ильясов 2003). Шуробкурганские плакетки № 1-3, на которых, на наш взгляд, представлен начальный этап формирования плакеток с орнаментальным обрамлением, следует, по-видимому, поместить в хронологический отрезок между кушанами и эфталитами. Таким образом, мы предлагаем предварительно датировать плакетки кушано-сасанидским периодом - III-IV вв. - и видеть в них самые ранние образцы терракотовых плакеток с орнаментированным бордюром.

В свою очередь, шуробкурганская плакетка второго типа (№ 4) демонстрирует развитие популярной иконографической схемы в эфталитский период, когда, при сохранении общей композиции, изменяются реалии, например, костюм.

Персонаж в панцире с копьем в правой руке и мечом на левом боку, представленный на серии терракотовых плакеток, найденных на Дальварзинтепа в Чаганиане и на Сарыктепа в Южном Согде, автор предлагал интерпретировать как авестийского Шахревара (Ильясов 1999, 141; Ильясов 2000, 156-157). Что касается идентификации образов, представленных на плакетках с Шуробкургана, то данных для этого пока недостаточно. Отметим лишь, что в коропластике северо-западных районов Тохаристана посткушанского периода выделяются уже три варианта композиций с персонажем, вооруженным копьем.

Их вариабельность, по-видимому, можно объяснить как хронологическими, так и региональными различиями.

В связи с планируемыми дальнейшими раскопками на городище Шуробкурбан есть надежда, что образцы представленных здесь терракотовых плакеток, имеющие лучшую сохранность, будут найдены в хорошо датированных археологических слоях. Это позволит с большей уверенностью и полнотой продолжить изучение их хронологии и иконографии.

Список литературы

1. Вундцеттель Н.Э. К нумизматике Сасанидов // Сборник, посвященный В.В. Бартольду. Ташкент, 1927. С. 226-230.
2. Денисов Е.П. Терракотовая плитка из Курган-Тюбе // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душанбе, 1981. С. 40-46.
3. Древности Таджикистана. Каталог выставки / Отв. ред. Е.В. Зеймаль. Душанбе, 1985.
4. Ильясов Дж. Я. Шахривар в Чаганиане // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы Международной конференции. С-Пб., 1999. С. 141-142.
5. Ильясов Дж. Я. Терракота раннесредневекового Чаганиана // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. М., 2000. С. 155-158.
6. Мкртычев Т.К., Ильясов Дж. Я. Тохаристанские плакетки // Центральная Азия. Источники, история, культура. Тез. докл. конф., посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. М., 2003. С. 93-96.
7. Ртвеладзе Э.В. К локализации «греческой» переправы на Оксе // ВДИ, 1977, № 4. С. 182-187.
8. Ртвеладзе Э.В. Древние монеты Средней Азии. Ташкент, 1987.
9. Alram M. A Rare Hunnish Coin Type // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 8. Kamakura, 2002. С. 149-153.
10. Callieri P. The Bactrian Seal of Khingila // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 8. Kamakura, 2002. С. 149-153.
11. Göbl R. System und Chronologie der Münzprägung des Kušānreiches. Wien, 1984.
12. Humbach H. The Peroz Hephthalite coins // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1978-1989 гг. М., 1996. С. 209-212.
13. Ilyasov J. Ya. The Hephthalite Terracotta // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 7. 2001. 187-200.
14. Sims-Williams N. The Bactrian inscription on the seal of Khingila // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 8. Kamakura, 2002. 143-148.

1.

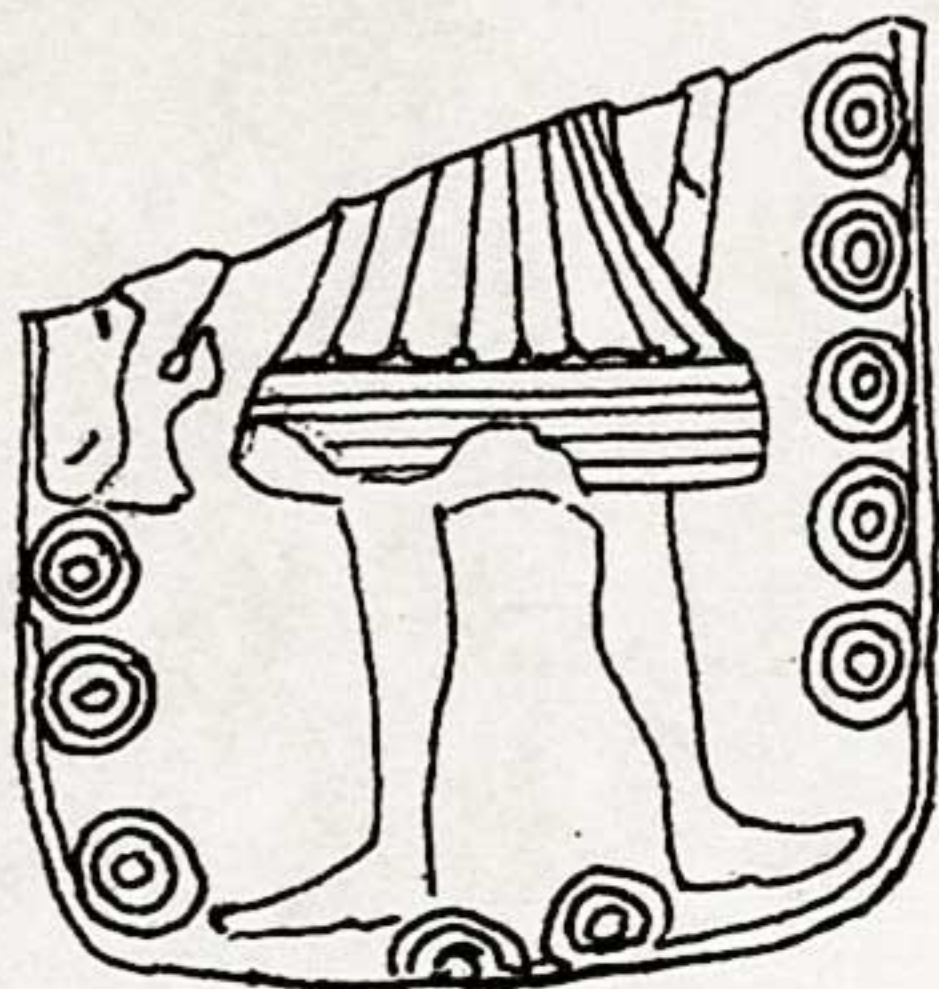

2

3

Фото 1. Шуробкурбан. Фрагменты терракотовых плакеток.

1

2

3

Рис. 1. Шуробкурбан. Фрагменты терракотовых плакеток.

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ С ГОРОДИЩА ШУРОБКУРГАН

За время исследований городища Шуробкурган был собран небольшой монетный комплекс, состоящий из монет, охватывающий длительный период времени от первых веков н. э. и вплоть до начала XX в. включительно. Они были найдены как на поверхности городища, так и при археологических раскопках раннесредневекового жилого дома, и погребальных наусов. Часть из этих монет опубликована (Ртвеладзе, 1985, с. 38-39; 1987, с. 125-126).

Приведем их описание.

Кушаны.

1. Васудева.(?)

Л. ст. Силуэт стоящей фигуры влево.

Об.ст. Стерта.

Случайная находка 1972 г. Бронза. Д. - 2,3 см. В. - 11,9 г.

2. Л. ст. Силуэт стоящей фигуры влево.

Об.ст. Стерта.

Р-1. Жилой дом, I ярус, слой запустения. 1982 г. Бронза. Д. - 2,3 см.

Правители Гуфтана и Термеза.

Жилой дом.

3. Подражания монетам Пероза с краткой бактрийской легендой и надчеканами..

Л. ст. Стилизованный портрет царя вправо в линейном круге. Под ним в поле остатки бактрийской легенды. Над ней в поле тамга, , выше надчекана - голова правителя влево.

Об. ст. Почти стертое изображение алтаря огня в таком же круге. Слева в поле надчекан - голова правителя вправо.

Жилой дом. Р-1. 1982 г. I ярус. Завал. (?)

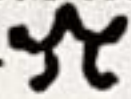
Низкопробное серебро. С края обломана. Д. - 3,0 см.

4. Подражание монетам Пероза. Фрагмент. Сильно деформирован. Жилой дом. Р-1. 1982 г. III ярус, 60 см от дневной поверхности.

Наусы.

5. Подражания монетам Пероза. В рубчатом круге помещен бюст местного правителя в крылатой короне, увенчанном шаром на стержне, по обеим сторонам которого две выпуклые точки. У основания,

корона повязана диадемой из бус, контуры которой видны за головой. За кругом слева две точки внизу и вверху, справа они незаметны.

В монетном поле по обеим сторонам круга два династийных знака-тамги: слева - , справа - , под грудью в монетном поле - надчекан - голова правителя вправо с волнистой прической.

О. ст. Аташдан с двумя фигурами мобедов по сторонам алтаря. Слева в монетном поле неясный надчекан.

1989 г. Наус - 6, камера - 1, на полу. В. - 3,3 г. Д. - 2,9 см. С2/ С2.

6. Тип тот же. Надчекан иной - бюст правителя в низком головном уборе (короне), наложенном на верхнюю часть династийного знака. Об. ст. Тип тот же, стиль изображения аташдана и фигур мобедов иной. 1989 г. Наус - 7, камера - 1, на полу. Часть монеты обломана. Д. - 3,1 см.

7. Тип тот же. Из-за плохой сохранности л. ст. остальные изображения не различимы. 1989 г. Наус - 5, камера - 1, на полу нижнего погребального горизонта.

8. Тип тот же. Детали неразличимы. 1985 г. Наус - 1, камера - 1, на полу.

9. Два фрагмента монеты, по-видимому, того же типа. 1988 г. Наус - 4, камера - 1, на полу.

Династия Тан

10. Обычного типа с четырьмя иероглифами по сторонам квадратного отверстия. Жилой дом. Р - 1. 1982 г. I ярус. Здание.

Ихшиды Согда

11. Шишпир (не раньше 642 г. – не позднее 655 г.)

Л.ст. По сторонам квадратного отверстия и династических знака обычного для данных монет (Смирнова, 1963, с. 62).

Об. ст. Согдийская курсивная надпись в 2 строки, нанесенных над и под квадратным отверстием:

«Государь Шишпир». Шурбуркурбан 2004 г. Жилой комплекс, пом. 1, 2004 г., завал над северной суфой.

Омайядские наместники Хорасана

12. Наср б. Саййар (738 - 748 гг., наместник Хорасана). Город. (?), год.

Легенды на л. ст. и об. ст. стерты. Сохранилась часть круговой легенды на одной из сторон

[Из того, что приказал] амир Наср б. Саййар.

Жилой дом. Р - 1. 1982 г. I ярус.

Фельс. Бронза. Д. - 17 мм. В. - 1,6 г.

Неопределенные

13. Фельс. Остатки арабской легенды. VIII в.

Жилой дом. Р - 1. 1982 г. I ярус, в слое надувного песка. Овальной формы 1,9х1,4 см.

14. Неразличима. Серебро Д.- 1,2 см. Жилой дом. Р - 1. 1982 г. I ярус.

Темуриды

15. Фрагмент. Сохранилась часть легенды «Шахрух Бахадур». Подъемная. Серебро. 1972 г.

Кроме описанных выше монет, местными жителями были показаны мне несколько серебряных таньга чекана Бухары XIX - начала XX в. и фрагмент, возможно, позднекараханидской монеты, найденных на цитадели Шуробкурмана.

Монетное собрание с городища Шуробкурмана, хотя оно и незначительно, дает представление о периодах обживания городища, что подтверждается и археологическими данными, а также о составе монетной массы.

Две кушанские монеты (скорее всего, судя по диаметру, весу и толщине монетного кружка относятся к чекану Васудевы) попали сюда по двум обстоятельствам. Первое - эти монеты свидетельствуют о наличии этапа обживания городища в III в. н. э. На большей части самого городища никаких слоев кушанского времени не зафиксированы, тогда как в северной части при моем первом посещении этого городища выделялся отдельный участок, где была собрана керамика, отличающаяся от остальной керамики и несколько фрагментов терракотовых плиток с изображением фигуры человека, схожей с позой кушанских царей на монетах.

Второе обстоятельство - эти монеты попали сюда случайно, будучи принесенными с другого городища, так как, к примеру, на цитадели Кампыртепа в имеющей датированным II в. н. э. был найден арабский фельс VIII в. н.э. Тем более, что одна из кушанских монет была найдена в последнем слое обживания жилого дома на Шуробкурмане (в этом же слое найден был фельс Наср б. Саййара, и подражание монетам Пероза). Подражания монетам Пероза, найденные в жилом доме и в наусах Шуробкурмана принадлежит к хорошо известному типу, т.н. эмиссии 289, описанному Р. Геблем, Б.И. Вайнберг и мною, (Göbl, 1967, S. 198; Вайнберг, 1972, с. 141-143; Ртвеладзе 1987, с. 125-126) причем локализация их в долине Шерабаддарьи и Термеза, входивших в VII - VIII в. в состав владения Термезшахов и Гуфтан не вызывает сомнения. Подражания Перозу, найденное в жилом доме в слое вместе с омайядными фельсами Наср б. Саййара (738 - 748 гг.), интересны тем, что дают верхнюю хронологическую дату их обращения - середина VIII в. н. э.

Не менее важное обстоятельство связано с их династической и этнической принадлежностью. На подражаниях монет Пероза эм. 288 имеется только одна тамга , на подражаниях эм. 289 появляется еще одна тамга типа (Вайнберг, 1972, с. 125-126; Ртвеладзе, 1987, с. 125). Я уже писал, что аналогичного типа тамги имеется на согдийских и чачских монетах и высказал предположение, что появление ее на монетах Гуфтана связано с какой-то формой зависимости от тюрок (Ртвеладзе, 1987, с. 316-317) походы которых в Тохаристане начались в конце VI в. н.э. этим же временем Б.И. Вайнберг датирует начало чекана эмиссии 289 с аналогичной тамгой (Вайнберг, 1972, с. 143). Сейчас мое предположение можно считать доказанным, поскольку на чачских монетах со спаренными бюстами правителя и правительницы на л. ст. и тамгой в окружении согдийской надписи на об. ст. мне удалось разобрать тюркский титул - , т.е. каган, не оставляющий сомнения в принадлежности этой тамги тюнкам.

Первое проникновение тюрок в Тохаристан по данным письменных источников относится к 589 г. По-видимому, спустя какое-то время в области Термезшахов и владения Гуфтана, охватывающего долину Шерабаддарьи с горными районами, в обращении вводятся подражания монетам Пероза, на которых вместе с прежней тамгой появляется новая тамга. Для этого, на старых штампах для чеканки данных монет наносятся тамга . Поэтому, будет более вероятным датировать возникновение чеканки этих монет началом VII в. н. э.

Таким образом, монетные данные свидетельствуют о том, что на смену прежней эфталитской династии в этих владениях (Термезшахов и Гуфтан) в конце VI - начале VII в. н. э. к власти приходит династия тюркского происхождения, правивший здесь вплоть до первой половины VIII в. н. э.

Список литературы

1. Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV - V вв. (в связи с запусчением Карателе) // Буддийский культовый центр Карателе в Старом Термезе. М., 1972. С. 141 - 143.
2. Ртвеладзе Э.В. К истории денежного обращения в Саганийане VIII - начале XIII в. // ЭВ. вып. XXIII. Л., 1985. С. 38 - 39; Он же. Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем средневековье // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С. 125 - 126.
3. Ртвеладзе Э.В. Новые нумизматические данные к истории взаимоотношений Северного Тохаристана и государств Востока в V - VIII вв. н.э. // AASH. Том XLI(2) 301-308, Budapest, 1987 a. С. 316-317.
4. Göbl K. Documente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Bactrien und Indien Bd. I, S. 198.

НАУСЫ ШУРОБКУРГАНА

На самой западной окраине городища Шуробкурган находится большой некрополь, общей площадью более одного гектара. Он состоит из наземных погребальных сооружений – наусов, устроенных на вершинах небольших, овальных в плане холмов размером 10х15 м., 15х20 м., высотой 0,5-2,5 м. Всего зафиксировано 9 таких сооружений, расположенных двумя группами: пять из них перед рвом, причем самый южный из них находится на краю обрыва террасы Амударьи, другие четыре, за рвом, и та и другая группа вытянуты в «цепочку» с юга на север.

Наус-1.

Самый северный в первой группе. Раскопан в 1984 г. С. А. Савчуком, опубликован в 1989 г. автором настоящей статьи (Ртвеладзе, 1989, с. 60-61).

На вершине естественного холма находится погребальное сооружение, возведенное на пахсовой платформе высотой до 0,8 м. Сооружение, вероятно, состояло из двух камер, первая из них - восточная почти полностью разрушена, от нее сохранились выступы боковых стен и пол, выложенный из прямоугольного сырцового кирпича 52х26х9-10 см.; 54х26х9-10 см. в сочетании с квадратным 25х26х?; 26х26х?; В юго-восточной части камеры зафиксировано зольное пятно. Вторая камера прямоугольная в плане (3,0х1,8 м.), ориентированная по оси северо-восток - юго-запад. Толщина стен 0,8-1,1 м. Они выложены из аналогичного кирпича, так же как и пол камеры.

Вход в наус, вероятно, располагался в севере - восточной части холма, откуда от его подножья ведет в наус невысокий пандус.

Во второй камере обнаружены два скелета: верхний лежит на спине в вытянутом положении, правая рука вдоль туловища, левая рука согнута в локте и прижата к груди.

Под ним находился еще один костяк, кости которого сдвинуты с места при совершении верхнего захоронения. На полу сохранились остатки подстилки из грубой материи. В заполнение камеры обнаружены фрагменты керамики и лепной посуды. В промазке пола первой камеры найдено подражание монетам Пероза плохой сохранности.

Наус 2.

Почти полностью разрушен, так что его раскопки не дали каких-либо результатов.

Наус 3.

Расположен во второй группе, за рвом, на расстоянии 25 м. от него. Это продолговатый холм, вытянутый на 12-13 м., с севера на юг, ши-

рина 6-7 м., высота - 2, 5 м. от дневной поверхности. К СВ от него имеется еще один холм, разделенный от первого небольшой стеной.

На вершине первого холма зачищено прямоугольное в плане сооружение 8,6 м x 6 м, ориентированное по оси северо-восток - юго-запад и состоящие из двух камер.

Стены сооружения выложены из сырцового кирпича 32x26x10 см. зеленого и темно-коричневого цвета с большой примесью крупной соломы.

Толщина стен - 1 м., высота от 20 до 43 см.

Вход в наус располагался в юго-западной стене. Размеры первой камеры 4x3,5 м. Пол в первой камере представляет собой возвышенную поверхность холма со слоем специально насыпанного песка на ней. Поверх песка, видимо, была подстилка из грубой материи, фрагменты которой были обнаружены в разных местах камер. Камеры были заложены рухнувшей кладкой стен.

В центре камеры обнаружена бирюзовая бусинка и несколько мелких фрагментов бронзового зеркала. В заполнении камеры встречены значительное число человеческих костей. Размеры второй камеры 3x1,3 м., вход в нее не обнаружен. Пол камеры из сырцовых кирпичей, поверх которых лежит уплотненный слой глины 10x13 см. толщины. На нем уложены кости и черепа. Всего обнаружено 6 черепов, пять взрослых и один детский, причем количество костей не соответствует количеству черепной, т. е. при пяти черепов найдено четыре бедренные и три берцовых костей, четыре ключицы и всего лишь 20 позвонков.

Следовательно, можно заключить, что погребения были вторичные и при переносе костей в наус часть их уже была утрачена, возможно, когда трупы находились на дахме.

Никаких предметов в наусе не обнаружено. Выяснилось также, что вторая камеры была пристроена к первой позднее, так, что первоначально это был однокамерный наус. Это указывает на зоороастрийский характер совершенных в наусе захоронений.

Наусы 3-7. Вскрыты в 1989-1990 г. отрядом Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР, возглавляемым Д. Абдуллаевым. Однако за исключением весьма общей заметки Д. Абдуллаева о наусах Шуробкурмана, опубликованной в журнале «Природа» (Абдуллаев, 1991, с. 54-57) никаких других подробных публикаций об этих наусах не имеются, так же как не был представлен отчет о их раскопках.

В этих наусах были найдены несколько подражаний монетам Пероза, публикуемых в данном сборнике (смотрите мою статью о монетах Шуробкурмана).

Датировка наусов Шуробкурмана определяется достаточно ясно, благодаря находкам в них подражений монетам Пероза. Все они принадлежат к более позднему типу с портретом местного правителя и двумя тамгами, одна из которых тюркского происхождения. Начало выпуска этого типа подражаний относится, видимо к концу VI - началу - VII в. н. э., а завершение к середине VIII в. н. э., т. к. они найдены в одном слое с омайядским фельсом Наср б. Саийяра (738-748 гг.). В этих временных пределах - VII - середина VIII в. н. э. датируются наусы Шуробкурмана.

Историко-культурная интерпретация наусов Шуробкурмана в общей картине существования других погребальных сооружений Северного Тохаристана дана нами в специальной статье, где также отмечена и их зороастрийская принадлежность. Об этом же писал и Д. Абдуллаев. Отметим также, что некрополь Шуробкурмана остается пока единственным в Северном Тохаристане (Ртвеладзе, 1989, с. 60-61), в котором сохранилась преемственная связь с широко распространенной в Северной Бактрии-Тохаристане в кушанское время традиций возведения наземных погребальных построек.

Список литературы

1. *Абдуллаев Д.* Зороастрийский некрополь на юге Узбекистана // Природа. № 10. М., 1991.
2. *Ртвеладзе Э. Б.* Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане // Античные и средневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент. 1989.

РАСКОПКИ ВТОРОГО ДОМОВЛАДЕНИЯ

Шуробкурбан является одним из самых интересных раннесредневековых памятников Северного Тохаристана. Представляется, что, несмотря на значительные размеры (около 20 га), он был не городом, а крупным поселением. Коллеги обычно принимают за цитадель его первоначальное укрепленное ядро, расположенное в юго-восточной части поселения. Это подтверждается не только стратиграфией, но и необычным соотношением размеров «цитадели» и «шахристана», как 3/17. Обычно же цитадель занимает в структуре раннесредневекового города гораздо меньшую площадь. П.И. Гендельман, проводивший здесь раскопки, отметил это несоответствие, но причину его понять не смог (Гендельман, 2001, с. 91-107). О том, что Шуробкурбан был поселением, свидетельствует и отсутствие фортификации вокруг его поздней части. Это позволяло жителям поселения при строительстве домовладений занимать значительные по площади участки правого берега реки Карасу к северу и северо-западу от первоначального ядра, устраивать обширные дворы.

Домовладение, раскопанное С.Б. Болеловым на останце (Болелов, 1978, с.31-33), не являлось пригородным, оно входило в общую застройку поселения. Все это отличает Шуробкурбан от остальных поселений Северного Тохаристана.

Изучаемый автором жилой комплекс расположен между каналом и автомобильной дорогой. В обресе дорожной бровки, в некоторых местах, хорошо видны раннесредневековые культурные слои – по этой причине здесь в 2002 году был заложен разведочный шурф, превращенный в последующие годы в раскоп, площадь которого в 2004 году достигла 160 кв. метров. В его пределах вскрыта значительная часть двора и четыре помещения. Результаты раскопок позволяют заключить, что история домовладения сложная: оно подвергалось ремонтам и перестройке. Полное ее изучение – дело будущего (рис. 1-3).

Двор находится в восточной части домовладения, вскрытая его площадь равна 75,8 кв. метров. К западу от него располагается помещение 1. Их разделяет стена, сохранившаяся на высоту около 1,5 м, толщина ее равна 0,85 м. Она сложена из прямоугольного сырцового кирпича (25х50х8-9 см) с чередованием ложковых и тычковых рядов. Тычковые ряды местами уложены вразбежку, ширина швов при этом равна 5-9 см. Стена была поставлена на выровненный грунт без фундамента. Так как в грунте в одном месте оказалась полость, стена над ней в древности немного просела. Позже двор был ограничен стеной с южной стороны, уровень ее основания выше на 0,89 м основания за-

падной стены. Она покоится на слое мусора; максимальная высота сохранившейся ее кладки равна 0,5 м, толщину стены установить не удалось, потому что со стороны дороги она разрушена. Стена сложена из прямоугольного сырцового кирпича (25х50х8см).

Частично вскрыта восточная стена двора, это дало возможность определить его ширину – 7,15 м, длина двора более 10 метров. Вдоль западной стены под насыпным грунтом вскрыта суфа шириной 0,65м, высотой 0,3 м, сложенная из сырцового кирпича. Переход от суфы к полу сделан выкружкой из штукатурки. Поверхность верхнего пола двора неровная, понижающаяся к востоку. В юго-восточной части двора расчищены три танура. Два из них расположены непосредственно у восточной стены, один вблизи от нее. Два танура изготовлены лепкой из глины, один из перевернутого вниз горлом хума. Диаметр их равен 40-50 см. Снаружи они охвачены кирпичными кожухами, в одном случае кожух хорошо сохранился, имеет квадратные очертания (1х1м). Пространство между кожухом и тануром забито золой, угольками и фрагментами керамики. Зола и угольки, вынимаемые из тануров, бытовой мусор первоначально высыпались в яму, вырытую у западной стены. Их продолжали оставлять здесь и после того, как яма была уже заполнена. Со временем культурный слой во дворе достиг толщины около 2 м. Новые тануры устраивались непосредственно над старыми. Во дворе найдена керамика, кости животных, большая часть пряслиц, фрагменты трех терракот.

Помещение 1 (фото 1-3) располагается к западу от двора, оно имеет прямоугольную форму (3,6х5,9 м), вытянуто с севера на юг. Вход в него оставлен в северо-восточном углу, ширина его равна 1,05 м. Во время одной из перестроек домовладения, вход заложили поперечной стенкой толщиной в один кирпич. Еще до организации интерьера, помещение подверглось ремонту, вызванному тем, что в нем было очень сыро. Сырость активно проникала со двора, хотя основание восточной стены снаружи предохраняла от нее пахсовая отмостка. Оно отремонтировано сырцовым кирпичем (26х52х8-9 см), поставленным на торец в один ряд, постелью к стене, с небольшим наклоном в ее сторону для устойчивости. Кладка велась на глиняном растворе. Одновременно уровень пола в южной части помещения был поднят подсыпкой, состоящей из строительных остатков, в центральной и северной частях помещения для этого использовали выстилку из сырцовых кирпичей, уложенных в два ряда на глиняном растворе. Поверхность нового пола повышалась к входу, на него были поставлены суфы, образующие П – образную ленту, прерывающуюся у входа в помещение. Ширина их различна: восточной- 0,65м, западной-0,8м, северной-1,3м, высота равна 0,3 м. Суфы сложены из прямоугольного сырцового кирпича и обмазаны глино-саманной штукатуркой; гори-

горизонтальная поверхность восточной суфы была обложена обожженной плиткой. В северной части помещения на равном удалении от суф, сооружен очаг, он имеет прямоугольную форму (0,73x0,86), высота его вместе с бортиком, идущим по краям, равна 0,2 м, высота самого бортика около 0,1 м, ширина 0,08 м. На северной суфе, напротив очага, устроено из сырцового кирпича, поставленного на ребро, хранилище для дров или золы (0,8x0,9 м)

В отличие от восточной стены, разделяющей помещение 1 и двор, кладка южной и западной стен велась неаккуратно: не была соблюдена горизонтальность рядов кирпича, перевязка швов, линия стен неровная. Толщина северной и восточной стен 0,8-0,85 м, южной 1,42 м. Сложены они из сырцового прямоугольного кирпича (25x50x10-11 см) и покрыты слоем глино-саманной штукатурки толщиной до 4 см. На полу вдоль западной стены расчищен сплошной слой сгоревшего дерева, видимо, это - развалившиеся детали перекрытия. Частично слой древесного угля распространяется и вдоль южной стены. Недалеко от юго-западного угла помещения, в завале над полом, найдены медная игла с отломанным ушком и бронзовая пронизь, в завале над северной суфой – медная согдийская монета Шишпира.

Помещение 2 (фото 4) являлось Г-образным вестибюлем помещения 1, огибающим его с западной и северной сторон. Ширина вестибюля равна 2,4 м, длина южного колена – 8,6 м, северного – 4,5 м. Его перекрывал свод, остатки которого удалось расчистить в северном колене, они лежат на натечно-надувном слое, толщиной 5-28 см. Вдоль восточной стены вестибюля идет суфа шириной 0,5 м, напротив входа в вестибюль она сужается и выкруживается. Суфа, идущая вдоль западной и северной стен, имеет ширину 1 м. В северном колене она на небольшом участке сужается до 0,75 м. Напротив входа в помещение 1 суфа становится выше. Сохранившаяся ее высота достигает 0,7 м. Вероятно, в этом месте был ступенчатый подъем на второй этаж или на крышу домовладения. Суфы сложены из прямоугольного сырцового кирпича и обмазаны глино - саманной штукатуркой.

Недалеко от внутреннего угла вестибюля размещался пристенный очажок каминного типа. Ширина его топки равна 0,18 м, длина – 0,4 м. В стену она заглублена на 0,1 м. Стенки и пол очажка сильно прокалены огнем. Напротив его на суфе – хранилище для дров или золы (0,55x0,65 м), аналогичное тому, что вскрыто в помещении 1. Поднимались к нему по ступеньке – кирпичу (27x54x10 см), уложенному плашмя на пол ребром к суфе. В вестибюле была произведена перестройка, во время которой значительная часть его южного колена была перегороджена стенкой толщиной в один кирпич, вследствие чего оно перестало функционировать. Стенка поставлена на слой обломков штукатурки красного цвета. Кирпич, из которого она сложена, - вторичного использования. Стенка-перегородка яв-

ляется продолжением правой щеки входа в вестибюль, имеющего ширину 1 м.

Толщина культурного слоя в помещении - около 0,4 м. Состоит он преимущественно из чистой золы. При расчистке стенки-перегородки был найден фрагмент бронзового перстня с боковым шипом. У входа в помещение 1 лежал фрагмент жернова.

Помещение 3 располагается к югу от помещений 1-2, сохранилась его северная часть. Длина помещения с запада на восток - 4,6 м. Видимо, вдоль всех его стен шла лента суф, прерывающаяся у входа в помещение 4. Ширина суфы, идущей вдоль западной стены, - 0,85 м. Суфа, вытянутая вдоль восточной стены, видимо располагалась в нише, образованной двумя приставными пилонами. Сохранившийся северный пилон выступает внутрь помещения на 0,5 м. Эта суфа имеет ширину 0,86 м, высоту 0,1 м. Все суфы помещения 3 сложены из прямоугольного сырцового кирпича (22х44х9; 25х50х8 см), они покрыты глино-саманной штукатуркой толщиной до 9 см. Штукатуркой в виде выкружки сделан и переход от суф к стенам.

В толщу западной суфы, рядом со щекой входа в помещение 4, была заглублена хумча, горло которой располагается заподлицо с верхней плоскостью суфы. Высота хумчи - 0,5 м, диаметр тулова - 0,4 м, венчика - 0,27. Вход в помещение 4 был оформлен в виде тамбура толщиной в один кирпич. В завале над полом найдено глиняное, лепное, необожженное пряслице.

Помещение 4 располагается к западу от помещения 3. Их разделяет кирпичная стена толщиной 0,8 м, соединяет - вход, ширину которого из-за разрушений, установить не удалось. Раскопан северо-восточный угол помещения, где был устроен танур из хума с отбитым дном, перевернутым вниз горлом, диаметром 0,5 м. Снаружи танур охвачен дугообразным кожухом из сырцовых кирпичей, уложенных на ребро. Между тануром и кожухом образовалась пазуха шириной 10-20 см. Танур и пазуха заполнены золой, фрагментами керамики. Рядом с тануром найден фрагмент жернова, внутри танура - стеклянная бусина. В заполнении входа, ведущего в помещение 3, обнаружено скопление керамики - фрагменты лепных котлов, станковой чаши и кувшинов. Среди находок есть также целый кувшинчик без ручки. Представляется, что помещение 4 было зимней кухней.

Датировка материалов, полученных при раскопках изучаемого автором домовладения, рассматривается вместе с датами, установленными исследователями для материалов из других объектов Шуроб-кургона. Самой ранней из монет, не считая случайно попавших сюда кушанских монет, является серебряная кушано-сасанидская монета, найденная в кладке стены домовладения, раскопанного С.Б. Болеловым. Здесь же найдены подражания монетам Пероза, танская монета

VII в., фельс Насра ибн Саййара и еще один фельс плохой сохранности. Несколько монет, чеканенных в подражание драхмам Пероза, происходят из наусов, раскопанных к западу от поселения. Согдийская монета Шишпира, как отмечалось выше, найдена в приемном зале изучаемого домовладения. (См. статью Э.В. Ртвеладзе в данном сборнике)

Полагаю, что кушано-сасанидская монета не может датировать время постройки домовладения на останце, так как она была явно переотложена. Танская монета могла попасть на Шуробкурбан через значительное время после выпуска. Что же касается монет, чеканенных в подражание драхмам Пероза, то они были в обращении на территории Тохаристана до середины VIII в., поэтому могут дать лишь очень широкую дату для второго периода жизни в домовладении. Надежно датирует последний этап его истории фельс Насра ибн Саййара (738-748 гг.). О том, что он попал в домовладение неслучайно, свидетельствует находка в одном из его помещений второго фельса.

Монета Шишпира (642-655 гг.) найдена не в идеальных условиях, она лишь дает основание полагать, что в середине VII в. второе домовладение уже существовало. Археологические находки, прежде всего керамика, полученные здесь, могут быть датированы второй половиной VII - первой половиной VIII вв. Именно этим временем датируются монетами местного чекана очень похожая керамика из верхних слоев вахшской Кафиркалы и Безымянного городища в Кобадане. Материалов IV-V вв. нет и в ранней части Шуробкурбана, где раскопки вел П.И. Гендельман. Ее фортификационная система возведена из прямоугольного кирпича, что позволяет датировать начало жизни в этом месте не ранее VI в.

Судя по монетным находкам, жизнь на поселении Шуробкурбан прекратилась в 30-40-е годы VIII в. Может быть, это было связано с тем, что переправа через Амударью около него какое-то время не функционировала, и жителям пришлось переселиться в другое место. Вероятной причиной этого могли быть и действия арабской администрации в этом регионе. Какой бы ни была причина, заставившая людей покинуть обжитое место, сделали они это спокойно, забрав с собой годные в быту вещи. Поселение возродилось в IX в. к западу от первоначального ядра.

Архитектура. Несмотря на то, что изучаемое автором домовладение раскопано еще не полностью, некоторые особенности его планировки ясны уже сейчас. Центральным помещением домовладения является приемный зал с Г-образным вестибюлем. Такое сочетание для архитектуры Тохаристана было обычным. Оно встречено здесь на ряде памятников: Балалыктепа (Альбаум, 1960, с. 116, рис.22), Джумалактепа (Нильсен, 1966, с.142, рис.50), Калаи Кафир-

ниган (Литвинский, 1979, с.161, рис.1; Litvinskij, 1981, p. 35-66, Fig.3), вахшской Кафиркалы (Соловьев, 1997, рис.21,22; Литвинский, Соловьев, 1985, с.21, рис.10), Дарбанде (Маслов, 1994, с.190, рис.2). Характерно оно и для памятников Согда (Распопова, 1990, рис.10,14,30; Лунина, 1984, с.8, рис.1)

Интересной деталью домовладения является двор. Его восточная стена давала в первой половине дня защитную тень для женщин, готовивших здесь еду и пекущих хлеб. Они выполняли во дворе и другую домашнюю работу, в частности пряли хлопчатобумажные нити, для изготовления тканей. Во второй половине дня тень отбрасывала западная стена, вдоль нее располагалась суфа, на которой домочадцы отдыхали от дневного зноя. Владельцы домовладения, раскопанного С.Б. Болеловым, добились этого иначе, устроив два двора, расположенных у его восточного и западного фасадов. В западном дворе, где в первой половине дня было относительно прохладно, обнаружены пять тануров. Два из них, как и в домовладении, изучаемом автором, располагались непосредственно у стены. С.Б. Болелов сравнил их с айванами дома № 4 в пригороде Пенджикента (Болелов, 1987, с.31-33). Один из них открыт на запад, другой на юг. Однако эти айваны значительно меньше по площади шуробкурганских дворов и использовались в других целях. Иным был также айван жилого дома в кишлаке Эсиз в Старой Мачте, привлекаемый им в качестве аналогии (Мамоджанова, 1981, с.104, рис.5). Этот айван разделял между собой две половины дома и служил для хозяйственных целей. Дворы, раскопанные в кроющем слое Дальварзинтепа, объединяют несколько жилых домов и напоминают небольшую площадь (Курбанов, 1999, с.44-52, рис. 48)

Полагаю, что включение дворов в структуру шуробкурганских домовладений было связано с высокими дневными температурами региона в весенне-осеннее время и наличием необходимых площадей для них на месте застройки. Они по назначению идентичны внутренним дворам жилищ в странах с сухим жарким климатом (Воронина, 1982, с. 48-69), и не имеют аналогий в других раннесредневековых памятниках Средней Азии.

Анализ строительной техники изучаемого домовладения позволяет предположить, что разбивка его плана на местности и возведение основных стен сделаны опытными мастерами. Второстепенные же стены в помещении I возведены строителями, не имеющими нужного опыта. Стены сохранились на высоту 1,4-0,1 м. Они ориентированы почти точно по сторонам света. Строительным материалом для них служил прямоугольный кирпич, сформованный из плотной красной глины на берегу реки Карасу. Он был и строительным модулем, с помощью которого устанавливали толщину стен, ширину суф и дверных

проемов. Раствор для кладки замешивался из лесса на месте строительства. В отдельных случаях в целях экономии кирпича, тычковые ряды в кладке стен уложены вразбежку. Стены и суфы покрывались глино-саманной штукатуркой. Стены при отделке не белились. Пахса в строительстве не использовалась, она применена лишь для устройства вымостки вдоль восточной стены приемного зала со стороны двора. Однако эта мера не помогла – нижняя часть стены сильно отсырела и начала выкрашиваться еще до использования зала. Способ ее ремонта широко применялся в раннем средневековье в постройках Средней Азии (Нильсен, 1966, с.230). На территории Тохаристана он, кроме Шуробкурмана, отмечен для Аджинатепа (Литвинский, Зеймаль, 1971, с.21), построек кроющего слоя Дальварзинтепа (Русанов, 1997, с.32) Верхняя плоскость суфы, идущей вдоль восточной стены приемного зала, была кроме того, вымощена керамической плиткой – прием, уменьшающий сырость в постройках Тохаристана (Литвинский, Соловьев, 1985, с.59)

Помещение 1 имело плоское перекрытие, вестибюль перекрывал свод, выложенный в технике параллельных отрезков из прямоугольного кирпича, т.е. он был клинчатым. Обычно в архитектуре ранне-средневекового Тохаристана помещения с пролетом 2,3-2,4 м перекрывались сводами, выложенными в технике поперечных наклонных отрезков, а клинчатыми – помещения с пролетом более 3 м (Литвинский, Соловьев, 1985, с.67-72). Суфы в помещениях домовладения сложены из сырцового кирпича, как и стены, они неровные. Суфа в вестибюле дважды сужается. В приемном зале не выделена суфа для хозяина домовладения и почетных гостей. Тамбур в помещении 3 был, видимо, таким же, как в одном из помещений цитадели Дальварзинтепа.

Характеризуя строительную технику изучаемого домовладения, необходимо отметить, что она по своему уровню соответствует строительной технике раннесредневековых провинциальных поселений Тохаристана. Особенно близкие параллели ей дают постройки кроющего слоя на цитадели Дальварзинтепа. Это касается как планировочных решений, так и некоторых деталей, в частности П-образных суф в приемных залах без выделенной главной суфы. Она сравнима и со строительной практикой небольшого городка Калаи Кафирниган (Литвинский, 1979, с.156-187; Литвинский, 1980, с.120-146). Вместе с тем постройки Шуробкурмана имеют четко выраженное функциональное назначение, что роднит их с жилыми постройками столичного тохаристанского города (Соловьев, 1999, с.172-180)

Археологические находки, публикуемые в данной статье, происходят в основном из раскапываемого домовладения, они обнаружены так же при зачистке холма к югу от раскопа и подняты с поверхности поселения.

Терракотовые статуэтки (4 экз.). Одна из них представляет собой плакетку, оттиснутую в односторонней форме. Верхняя ее часть отбита, сохранившаяся высота – 6,5 см, ширина – 4 см, толщина – 0,6 – 11 см. На лицевой стороне плакетки – рельефное изображение мужского персонажа, стоящего во фронтальной позе, с широко развернутыми наружу носками ног. Левой рукой он держит древко копья, в правой полусогнутой руке – кинжал. Тулово персонажа защищено пластинчатым доспехом, стянутым на талии поясом с круглой пряжкой на правом боку. Справа от него – растение на шаровидном основании. По краям плакетки идет цепочка из пуансонных вдавлений с точкой посередине (рис. 4/1).

Эта плакетка по сохранности лучше трех других аналогичных плакеток, поднятых в 1972 г. с поверхности поселения (см. статью Дж. Я. Ильясова в данном сборнике). Условия, в которых найдены плакетки, позволяют отнести их к кроющим слоям Шуробкурмана (первая половина VIII века). Массовое тиражирование плакеток свидетельствует о популярности воинственного персонажа у местных жителей. На мой взгляд, его следует атрибутировать как божественного их защитника в пору арабского завоевания Тохаристана. Такой же персонаж, но в ином варианте, изображен на плакетках, происходящих из верхних слоев цитадели Дальварзинтепа (Ильясов, 2000, с.155 –157; Мкртычев, Ильясов, 2003, с.93-96). Образ божества складывался под влиянием местного (Древности Таджикистана, № 359-360) и гандхарского искусства (Tissot, 1985, pl.XVIII, 10; Fig.268). Гандхарское начало сильнее выражено в облике дальварзинского божества.

Две другие терракоты, как и плакетка, найдены в верхнем слое двора. Они реалистично изображают козлов (рис. 4/3-4). Обе терракоты лепные, фрагментированы. От одной из них сохранилась передняя часть, высота ее равна 8 см. Ноздри и рот животного показаны отпечатками – прорезями, глаза – круглые нашлепки с точкой – вмятиной посередине. Терракота покрыта черным ангобом. От второй терракоты сохранилась лишь голова и левый рог, высота ее равна 5,5 см. Глаза и ноздри животного показаны круглыми вдавлениями, рот – продольным углублением. Четвертая терракота, изображающая лошадку, найдена при зачистке склона холма к югу от изучаемого домовладения. Голова и концы ног у нее отбиты. Длина фигурки 7 см, высота около 4 см. Для передачи некоторой экспрессии хвост животного повернут вправо. Терракота была покрыта белым ангобом (рис. 4/2).

Набор описанных зооморфных статуэток небольшой, но характерный для раннесредневековых памятников Тохаристана, в частности для кроющих слоев Дальварзинтепа (Ильясов, 1997, с. 43-48; с 84, рис.22; Ильясов, 1998, с.17-18; с. 103, рис. 25; Tanabe, Hori et al.1999, p.142; Tanabe, Yamauchi et al., 20000, p 139), вахшской Кафиркалы и Безымянного поселения в Кобадiane (Соловьев, 1997, рис. 67).

Пряслица и пуговицы (рис. 5) Пряслица 13 экз. изготовлены на гончарном круге и лепкой. Станковые пряслица более или менее стандартны. Они имеют округло-биконическую форму, орнаментированы двумя, реже тремя концентрическими полосками. Размеры: диаметр 2 – 2,5 см, высота 1,3-2,0 см. Лепные пряслица (рис. 5/1, 11-12) по форме подражали станковым. Одно из них (рис. 5/1) необожженное, диаметр его равен 2,3 см, высота 2,5 см; в глиняном тесте, из которого оно сделано, есть примесь толченой извести. Как станковые, так и лепные, пряслица являются характерными для раннесредневекового Тохаристана. Они найдены в основном во дворе и предназначались для кручения хлопчатобумажных нитей.

Пуговицы (рис. 5/ 13-18) изготовлены из стенок керамических сосудов (13-15, 18), обожженной глины (16) и камня (17). Соответственно они имеют разный диаметр (1,8-3,0 см) и толщину (0,4-1,1 см). Пуговицы снабжены одним центральным отверстием диаметром 0,3-0,7 см.

Металлические изделия (рис. 6) представлены пятью находками. Одной из них является медная игла с отломанным ушком. Длина ее равна 8 см, максимальный диаметр 3,5 мм (рис. 6/1). Найдена она была в помещении 1. Из него же происходит шестилучевая бронзовая пронизь диаметром 1,2 см (рис. 6/2). Точно также пронизи найдены в склепах 3 и 5 могильника Биттена в Чаганиане (Ртвеладзе, 1986, рис. 3\6а; с. 201. 30\13). Находки аналогичных пронизей известны в Пенджикенте, здесь они называются “шестиногими” подвесками (Распопова, 1999, с. 30; рис. 30/13). В кладке стенки-перегородки в помещении 2 найден фрагмент бронзового перстня (рис. 6\5). Диаметр его шинки был равен 1,9 см, щиток имеет овальную форму диаметром 1,0 см, у одного из краев щитка – круглый шип.

Перстни этого типа вошли в моду на территории Тохаристана в кушано-сасанидский период. Золотой перстень с лазуритовой вставкой и фрагмент еще одного перстня найдены в слоях этого времени на Чакалактепа в Северном Афганистане (Mizuno, 1970, Fig. 58; Pl. 52/2). Более поздними по времени (V-VI в.) являются перстни из захоронений могильника Джулсай (Литвинский, Седов, 1984, с. 101-102). Широкое распространение они получили в стране во второй половине VII – первой половине VIII в. Об этом свидетельствуют как археологические находки, так и иконографические материалы живописи Балалыктепа (Литвинский, Гулямова, Зеймаль, 1959, с. 134, рис. 3/2; Соловьев, 1997, рис. 13/42-43; Ртвеладзе, 1986, с. 195, рис. 1/3; с. 201, рис. 5/10; с. 204, рис. 7/29; Альбаум, 1960, рис. 100, 107). В это же время они были популярны и в соседнем Согде (Распопова, 1980, с. 115, рис. 76).

У основания останца, на котором располагается домовладение, раскопанное С.Б. Болеловым, найдена бронзовая калачиковая серьга, диаметр ее равен 2,5-3 см, в сечении она круглая – 0,9 см (рис. 6/3).

Находки серег этого типа на территории Тохаристана еще редки. Одна из них, но не столь массивная, найдена автором в одном из захоронений могильника Харкуш (V в.) (Соловьев, 1991, с. 146; с. 145, рис. 7/20). Аналогичная по форме золотая серьга вдета в мочку левого уха одной из женщин, изображенных в настенной живописи Тавки (Рахмонов, 2001, с. 45, рис. 40; с. 47, фото 6). Бронзовая серьга этого типа найдена в Пенджикенте (Распопова, 1980, с. 112, рис. 75/6).

Пятая находка – фрагмент венчика бронзовой чаши диаметром 12 см (рис. 6/4). Судя по находке такого целого сосуда на Аджинатепе (Зеймаль, Ртвеладзе, 1999, табл. 88/24), чаши имели круглое дно и были похожи своей формой на керамические чаши-фиалы. На территории Тохаристана их находки довольно редки (Аннаев, 1958, табл. XIX/12), в соседнем Согде они встречаются при раскопках чаще, форма их более разнообразна (Распопова, 1980, с. 125-126; с. 121, рис. 80/3; Ахунбабаев, 1999, табл. XW/3-4).

Бусы (5 экз.) Бусина, найденная в помещении 4 домовладения, имеет биконическую пирамидальную форму, диаметр – 8 мм, длина – около 10 мм. Стекло синего цвета, полупрозрачное (рис. 6/6). Вторая бусина найдена во дворе, она имеет продолговатую форму, граненая, диаметр – 7 мм, длина – 8 мм. Стекло сине-зеленого цвета (рис. 6/7). Третья бусина сердоликовая, дисковидной формы, диаметр 9 мм, толщина 3 мм (рис. 6/8). Две бусины найдены при зачистке холма к югу от домовладения. Одна из них стеклянная, неправильно-удлиненной формы, диаметр 8 мм, длина 9 мм (рис. 6/9). Вторая бусина – раковина каури со снятой спинкой, длина 15 мм, ширина 7 мм. Отверстие для нанизывания на нить сделано в ее узкой части (рис. 6/10).

Каменные изделия (7 экз.) представлены фрагментами двух жерновов, трех оселков, лощилом и подпятником. Жернова были изготовлены из крупнозернистого песчаника серого цвета. От одного из жерновов сохранилась половинка диаметром 36 см, толщиной 7 см, диаметр центрального отверстия 4,5 см. От второго жернова сохранился лишь фрагмент (13×20) толщиной 3-5 см. Диаметр этой половинки около 40 см, отверстия для вращения – около 4 см. Судя по размерам, жернова были ручными. Оселки – как крупные, «стационарные», так и небольшие, которые носились у пояса. Изготовлены они из кремневого сланца. Самый крупный оселок найден во дворе, около одного из очагов. Он сработан слабо, один конец у него отбит. Длина 11,8 см, ширина 4,5-5,0 см, толщина 1,5-2,0 см (рис. 7/1). Вторым оселком найден во дворе у суфы. Он фрагментирован, длина 8,5 см, ширина 3 см, толщина 1,2-1,8 см. Его рабочие грани сработаны слабо (рис. 7/2). Фрагмент оселка, подвешиваемого к поясу, найден в насыпном грунте; сохранилась его верхняя часть длиной 3,5 см, шириной 3,5 см, толщиной 0,4 см, диаметр отверстия для подвешивания -

0,5 см. Обе рабочие грани оселка сильно сработаны (рис. 7/4). Лощило найдено во дворе, изготовлено из белого, с коричневатыми разводами камня. Оно имеет полукруглую форму. В верхней части лошила просверлено отверстие для ношения. Изделие тщательно заполировано. Длина 5 см, высота 3 см, ширина рабочей части 1,5 см (рис. 7/3). В насыпном грунте найден дверной подпятник, изготовленный из мягкого камня зеленовато-серого цвета. Он имеет форму округлого, уплощенного сверху и снизу диска. Углубление, в которое входила дверная стойка, сделано точно в центре подпятника. Все его детали заполированы. Диаметр 11-13,5 см, высота 6,6 см, диаметр углубления 6,0 см, глубина 1,5 см (рис. 7/5).

Керамика (рис. 8-22) является наиболее массовым материалом в коллекции находок. Она представлена преимущественно фрагментами столовых, кухонных и тарных сосудов, курильниц, светильниками.

Столовая посуда формована на гончарном круге, имеет качественный обжиг. Одним из самых распространенных ее видов были круглодонные чаши - фиалы. Они имеют полусферическую форму резервуара, в некоторых случаях стенки под венчиком у них слегка вогнуты. Диаметр венчиков 13-17 см, лишь в одном случае - 22 см. Сосуды покрыты с двух сторон плотным коричневым и красным ангобом. Судя по моим наблюдениям, чаши-фиалы в Северном Тохаристане были в употреблении во второй половине VII- первой половине VIII в. В частности, они найдены в слоях этого времени на Хосияттепа (Аннаев, 1988, табл. IX), Абыдабадтепа, на вахшской Кафиркале (Соловьев, 1996, с. 54; рис. 20/8-10).

Горшочки также относятся к характерным для Шуробкургона видам столовой керамики. Форма их довольно стандартна, отличаются они лишь размерами и некоторыми деталями: у более крупных сосудов стенки и венчики профилированы концентрическими желобками. Диаметр венчиков равен 7-10 см, тулова 10,2-14 см, дна 4,8-5,7 см, высота- 7,2-8,5 см. Венчик снаружи у горшочков, как правило, покрыт полоской красного ангоба, местами стекающего вниз.

К столовой керамике, видимо, относятся небольшие станковые тагора без ручек (диаметр венчиков 25-30 см). В некоторых случаях они, вероятно, заменяли в быту тарелки на кольцевом поддоне, которые являлись одной из ведущих форм в керамике соседних тохаристанских владениях - Кобадiane и Вахше. В керамическом материале из Шуробкургона есть лишь два фрагмента тарелок, найденных на поверхности поселения. Гончары при формовке их кольцевого поддона скашивали его внутреннюю грань, поэтому он имеет приостренную форму и не выделяется столь четко, как у тарелок из двух других упомянутых владений. Небольшие тагора по форме не отличаются от больших (диаметр венчиков до 42 см).

Тагора - одна из самых древних форм керамики региона, в котором располагается Шуробкурбан. Судя по находкам ее образцов из гончарной мастерской соседнего Кампыртепа, гончары начали их изготавливать здесь в греко – бактрийское время (Болелов, 2001, с. 27, рис.2/9-10; с. 30, рис. 15/14; Ртвеладзе, Болелов, 2000, рис. 2/11). С некоторыми вариациями тагора изготавливались в течение всего раннего средневековья. Объясняется это практичностью использования сосуда в быту. Одной из отличительных особенностей поздних тагора, найденных на Шуробкурбане (первая половина VIII в.), являются декоративные валики с пальцевыми вдавлениями, расположенные под венчиком с внешней стороны тулова. Их можно считать надежным датированным признаком для сосудов этого типа Северного Тохаристана. Они, например, датируют керамику крепости Тавки (Рахмонов, 2001, с. 66, рис. 59/19, с. 67, рис. 60/11).

Кувшины были крупными - для переноски воды и небольшими - столовыми. Водоносные кувшины имеют одну пластинчатую ручку, крепившуюся концами к венчику и плечу сосудов. Диаметр венчиков равен 10-11 см. Столовые кувшины ручек не имеют. Формовались сосуды на круге, верхняя их часть покрывалась мазками ангоба, стекающего вниз потеками. Данный способ декора отличает шуробкурбанские кувшины от кувшинов этого времени из других регионов Северного Тохаристана (Соловьев, 1996, с. 56-57; рис. 25, 31). К довольно редким формам столовой керамики Шуробкурбана относятся ойнохоевидные кувшины и поильники.

Кухонная керамика представлена преимущественно фрагментами котлов и горшков. Котлы были изготовлены частично на круге, диаметр их венчиков – 18-22 см, с внутренней стороны они имеют концентрический уступ для крышки. Найден фрагмент одной из них, диаметром 20 см, изготовлена она на гончарном круге. В глиняном тесте котлов - значительная примесь дресвы и толченой извести, игравших роль огнеупора. Морфология шуробкурбанских котлов восстанавливается благодаря находке археологически целых сосудов этого типа в кроющих слоях Дальварзинтепа¹. Они имеют шаровидную форму тулова, круглое дно и две горизонтальных ручки на плечах (Восковский, 1999, с. 19-20; рис. 16). Аналогичные котлы выделялись в соседнем Кобадiane (Соловьев, 1996, с. 57-58; рис. 28/8-15).

Горшки изготавливались лепкой в домашних условиях. Они имеют слабо выпуклое, вытянутое тулово, плоское или округлое дно. По размерам различаются небольшие (диаметр венчика около 10 см) и крупные (диаметр венчика 16-25) сосуды. В некоторых случаях они снабжены ручками, крепящимися в верхней части тулова. В нижней

¹ Сосуды этого типа, найденные на Дальварзинтепа, именуются горшками.

части тулова формировался концентрический уступ для того, чтобы они были устойчивее на очаге. Одновременное использование в хозяйстве станковых котлов и лепных горшков характерно не только для Шуробкурмана, но и для некоторых других памятников Северного Тохаристана.

Тарная керамика разнообразна по форме и размерам, она включала хумы, хумчи, широкогорлые сосуды. Диаметр венчиков хумов равен 30-44 см. Верхняя часть одного из них украшена орнаментом, располагающимся в три яруса: венчик украшают пальцевые вдавления, на горле - поясok из продолговатых оттисков, собранных в обоймы, на плечике - комбинация из волнистых линий. Эти орнаментальные мотивы в разных вариациях получили широкое применение в декоре тарной керамики эпохи развитого средневековья. Переход от дна к тулову у хумов оформлялся в виде концентрического уступа, декорированного пальцевыми вдавлениями; тулово хумов в верхней части ангобировалось темным ангобом, стекающим вниз длинными потеками. Хумчи были примерно наполовину меньше хумов, их горловина иногда закрывалась крышкой. Широкогорлые сосуды имели диаметр венчиков см. Свечильники - плошки со смятым краешком - сливом изготовлены на гончарном круге, диаметр их резервуара равен 7,5-8,5 см, донца - 3,5-4,8 см. Среди керамических находок есть два фрагмента курильниц.

Шуробкурманская керамика является типично тохаристанской керамикой второй половины VII - первой половины VIII в.² Морфологически наиболее близка ей керамика этого времени из соседнего Кобадияна. Некоторые ее орнаментальные мотивы, как отмечено выше, использовались в более позднее время.

Список литературы

1. Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
2. Ахун-Бабаев Х.Г. Дворец ишхидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999.
3. Болелов С.Б. Раннесредневековый жилой дом на юге Узбекистана // Архитектура и строительство Узбекистана, 1987, № 6.
4. Болелов С.Б. Гончарная мастерская III-II вв. до н.э. на Кампыртепа (к вопросу о керамическом производстве в Северной Бактрии эпохи эллинизма) // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 2. Ташкент, 2001.

² Аналогичный керамический материал, полученный С.Б. Болеловым во время раскопок им в 1982 г. усадьбы на Шуробкурмане, достаточно надежно датируется этим временем монетами (Болелов, 2001а, с. 64-68).

5. Болелов С.Б. Комплекс керамики VII-VIII веков из Северного Тохаристана // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001а.

6. Большаков О.Г., Негматов Н.Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // МИА, № 66. М.-Л., 1958.

7. Воронина В.Л. Архитектура древнего Пенджикента / МИА, № 66. М.-Л., 1958.

8. Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

9. Восковский А.А. Комплекс керамической посуды последнего периода обживания цитадели городища Дальварзинтепа (раскоп ДТЦ - 4) // Материалы полевых исследований Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИСКЭ). Вып. 5. Ташкент, 1999.

10. Древности Таджикистана каталог выставки. Душанбе, 1985.

11. Зеймаль Т.И., Ртвеладзе Э.В. Северный Тохаристан. Средняя Азия в эпоху средневековья // Археология, М., 1999.

12. Ильясов Дж. Мелкая пластика // Материалы полевых исследований Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИСКЭ). Вып. 1. Ташкент, 1997.

13. Ильясов Дж. Предметы художественной культуры // Материалы полевых исследований Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИСКЭ). Вып. 2. Ташкент, 1998.

14. Ильясов Дж. Терракота раннесредневекового Чаганиана // Средняя Азия. Археология, история, культура. М., 2000.

15. Курбанов С.А. Археологическое изучение раннесредневековых слоев в восточной части цитадели городища Дальварзинтепа // Материалы полевых исследований Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИСКЭ). Вып. 3. Ташкент, 1999.

16. Литвинский Б.А. Калаи Кафирниган (раскопки 1974 г.) // АРТ, вып. XIV (1974 год). Душанбе, 1979.

17. Литвинский Б.А. Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.) // АРТ, вып. XV (1975 г.). Душанбе, 1980.

18. Литвинский Б.А., Гулямова Э.Г., Зеймаль Т.И. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956) – АРТ в 1956. Вып. IV. Сталинабад, 1959.

19. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина – тепа. М., 1971.

20. Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.

21. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.

22. Лунина С.Б. Жилые дома сельского поселения // Архитектура и строительство Узбекистана, 1984, № 2.

23. Мамаджанова С. Некоторые принципы и приемы организации жилой архитектуры Верхнего Зеравшана // Материалы по истории культуры Таджикистана. Душанбе, 1981.

24. Маслов И.А. О работе Рогунского археологического отряда в 1985 г. // АРТ, вып. XXV (1985 г.). Душанбе, 1994.

25. Мкртычев Т.К., Ильясов Дж. Я. Тохаристанские плакетки // Центральная Азия. Источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Елене А. Давидович и Б.А. Литвинскому. М., 2003.

26. Распопова В.И. Жилища Пенджикента. Л., 1990.

27. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.

28. Распопова В.И. Металлические изделия из Пенджикента. СПб., 1999.

29. Рахмонов Ш.А. Тавка (к истории древних таможенных сооружений Узбекистана). Ташкент, 2001.

30. Ртвеладзе Э.В. Средневековый могильник Бит – тепа в Чаганиане // СА, 1986, № 4.

31. Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б. Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыртепа в Северной Бактрии // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 2000.

32. Русанов Д.В. Архитектура, строительные конструкции и материалы раннесредневекового Дальварзинтепа // Материалы полевых исследований Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УЗИСКЭ), вып. 1. Ташкент, 1997.

33. Русанов Д.В. Итоги раскопок на объекте ДТС – 4 // Материалы полевых исследований Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УЗИСКЭ). Вып. 4. Ташкент, 2000.

34. Соловьев В.С. Могильник Харкуш // Природа и древности Ширкента. Душанбе, 1991.

35. Соловьев В.С. Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец, 1996.

36. Соловьев В.С. Раннесредневековый город Тохаристана по материалам раскопок Кафыркалы // РА, 1999, № 2.

37. Соловьев В.С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997.

38. Litvinsky B.A. Kalai – Kafirnigan. Problems in the religion and art of early mediaeval Tokharistan // EW, 1981, vol. 31.

39. Mizuno S. Chaqalaq Tepe. Fortified village in north Afghanistan excavated in 1964 – 1967. Ed by S. Mizuno. Kyoto, 1970.

40. Tanabe K., Hori A. et al. Excavation at Dal'versin Tepe. Uzbekistan, 1999 // Bulletin of the Ancient Orient Museum, vol. XX. Tokyo, 1999.

41. Tanabe K., Yamauchi K. et al. Excavation at Dal'versin Tepe. Uzbekistan, 2000 // Bulletin of the Ancient Orient Museum, vol. XXI. Tokyo, 2000.

42. Tissot F. Gandhâra. Paris, 1985.

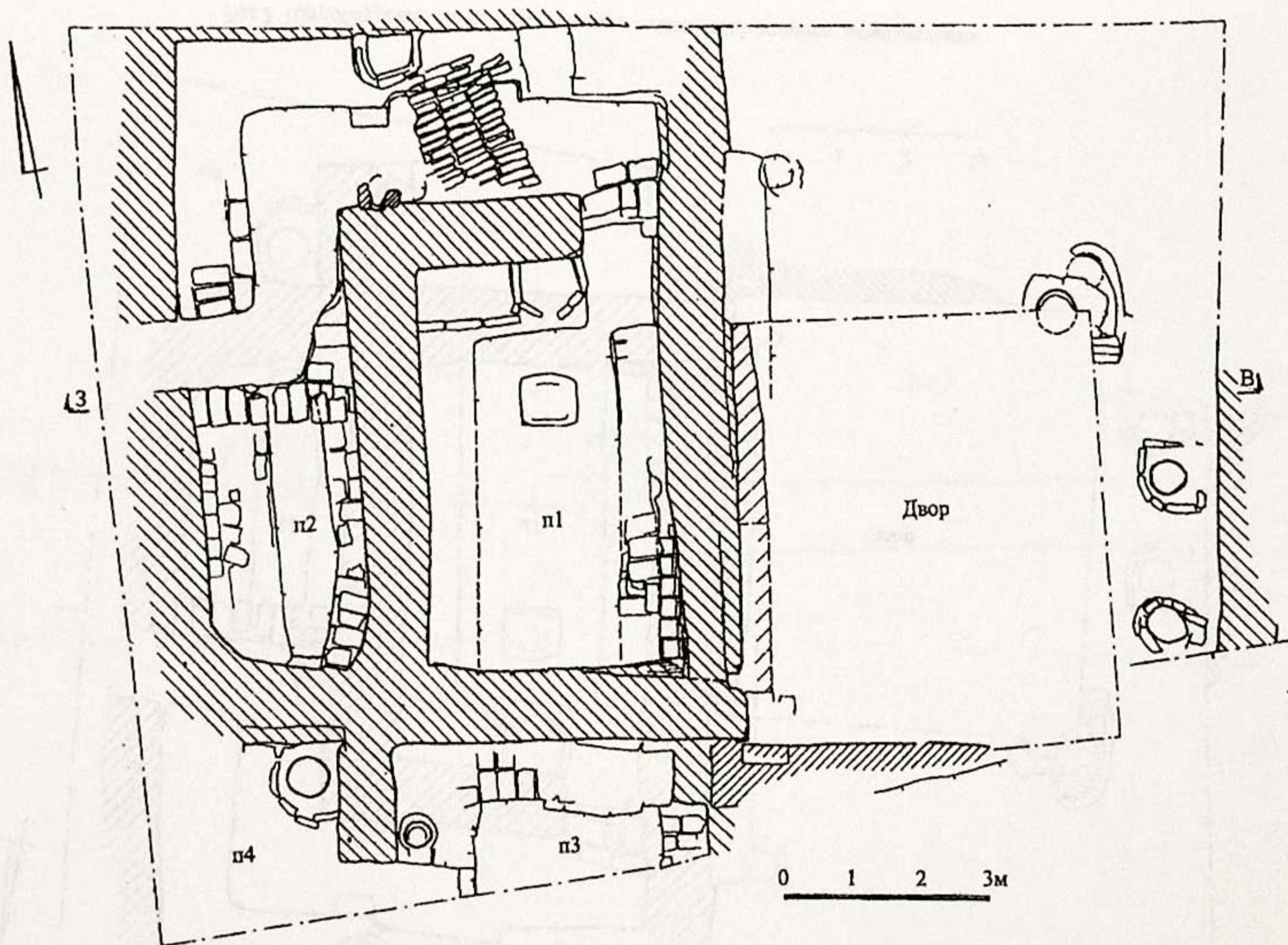

Рис.1 Шуробкурған. План второго домовладения с архитектурными остатками

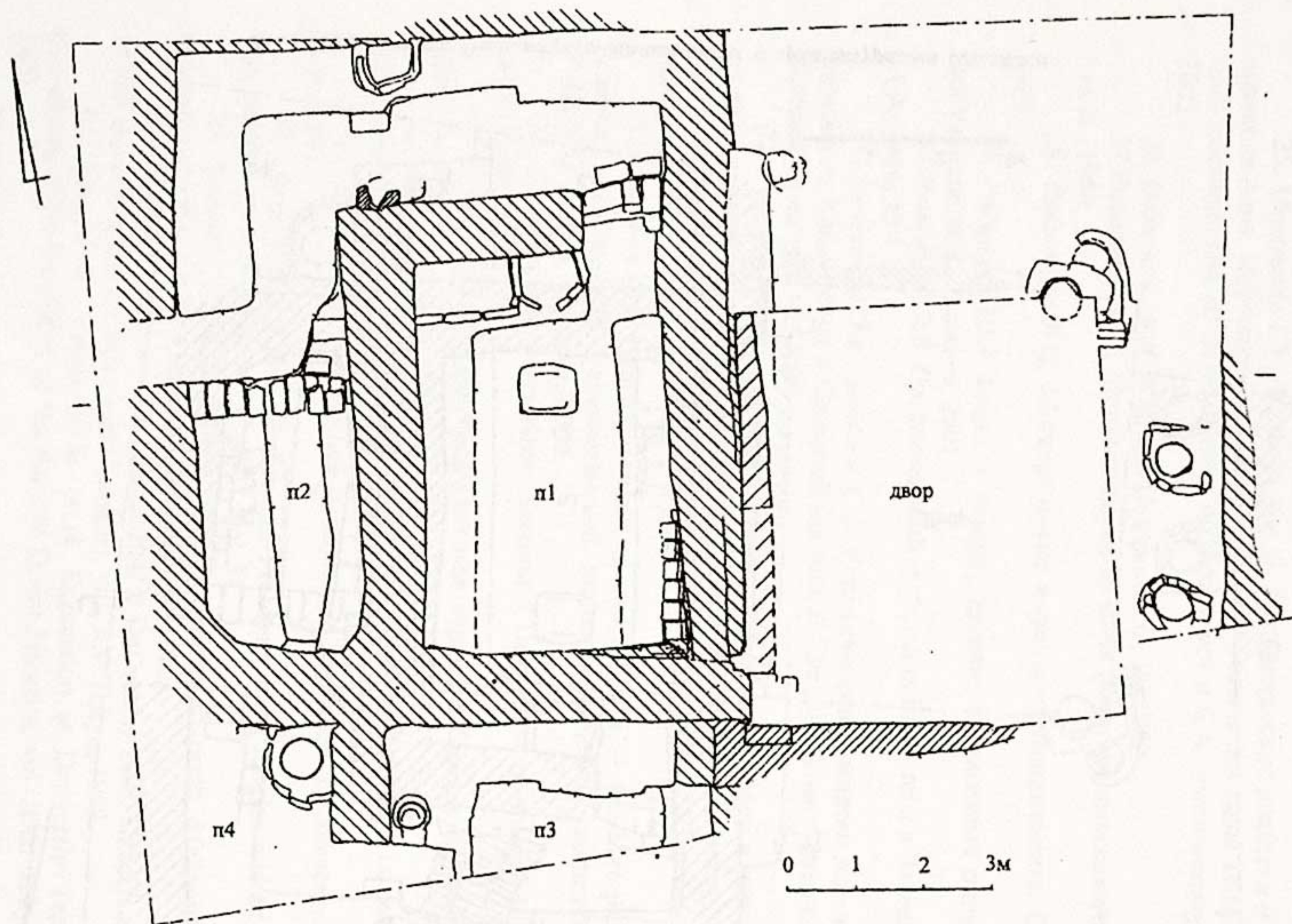

Рис 2 Шуробкурган. План раскопанных помещений второго домовладения

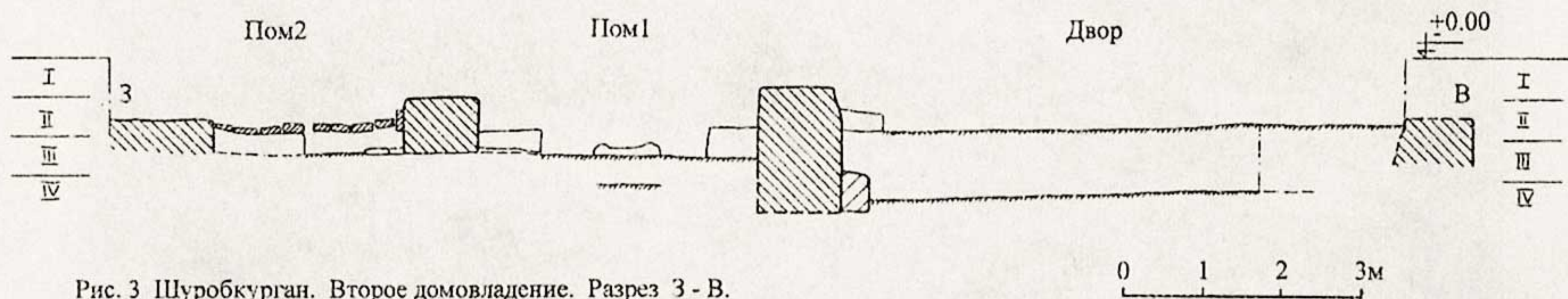

Рис. 3 Шуробкуртан. Второе домовладение. Разрез 3 - В.

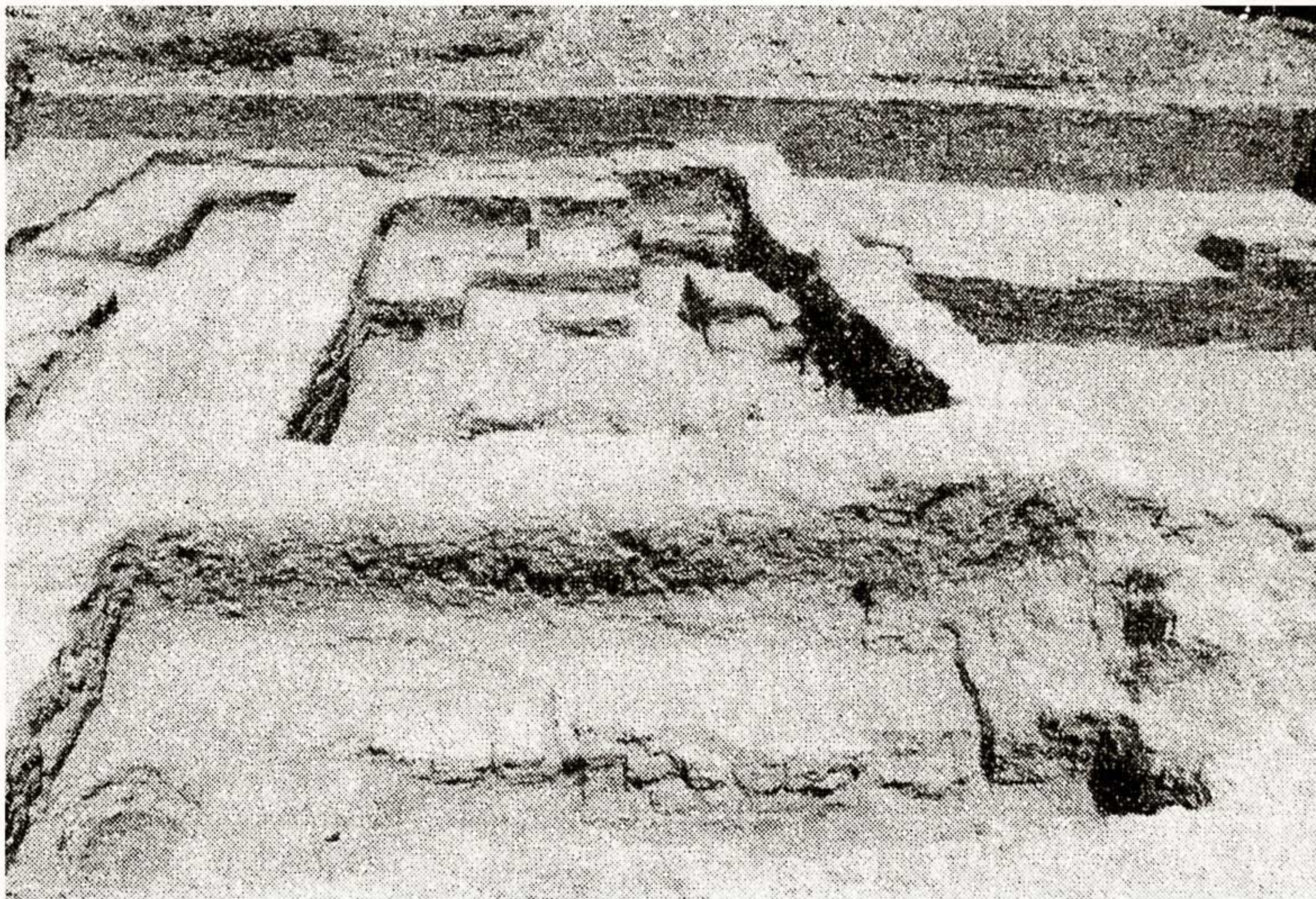

Фото 1. Второе домовладение. Общий вид.

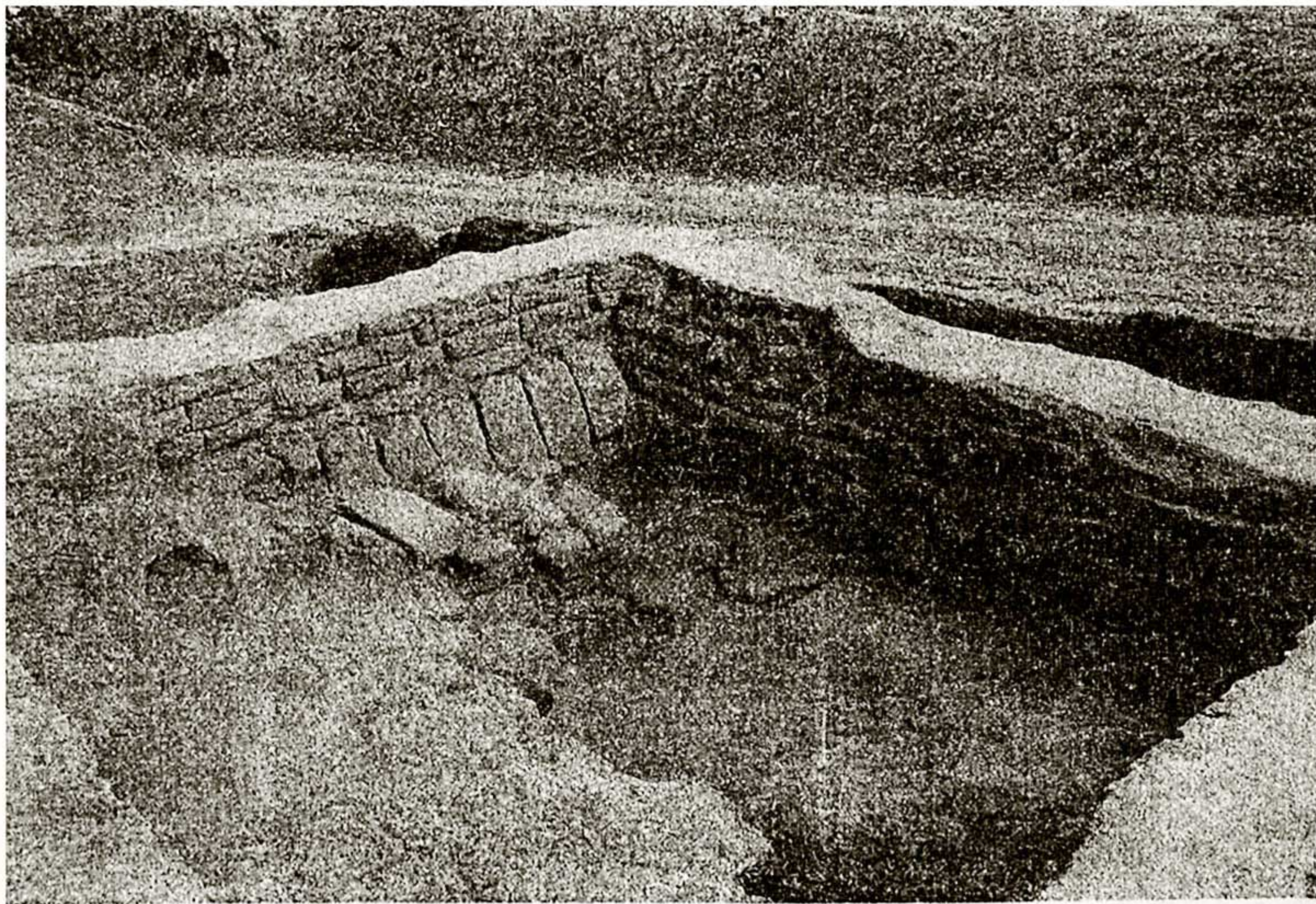

Фото 2. Второе домовладение, пом. 1, юго-восточный угол.

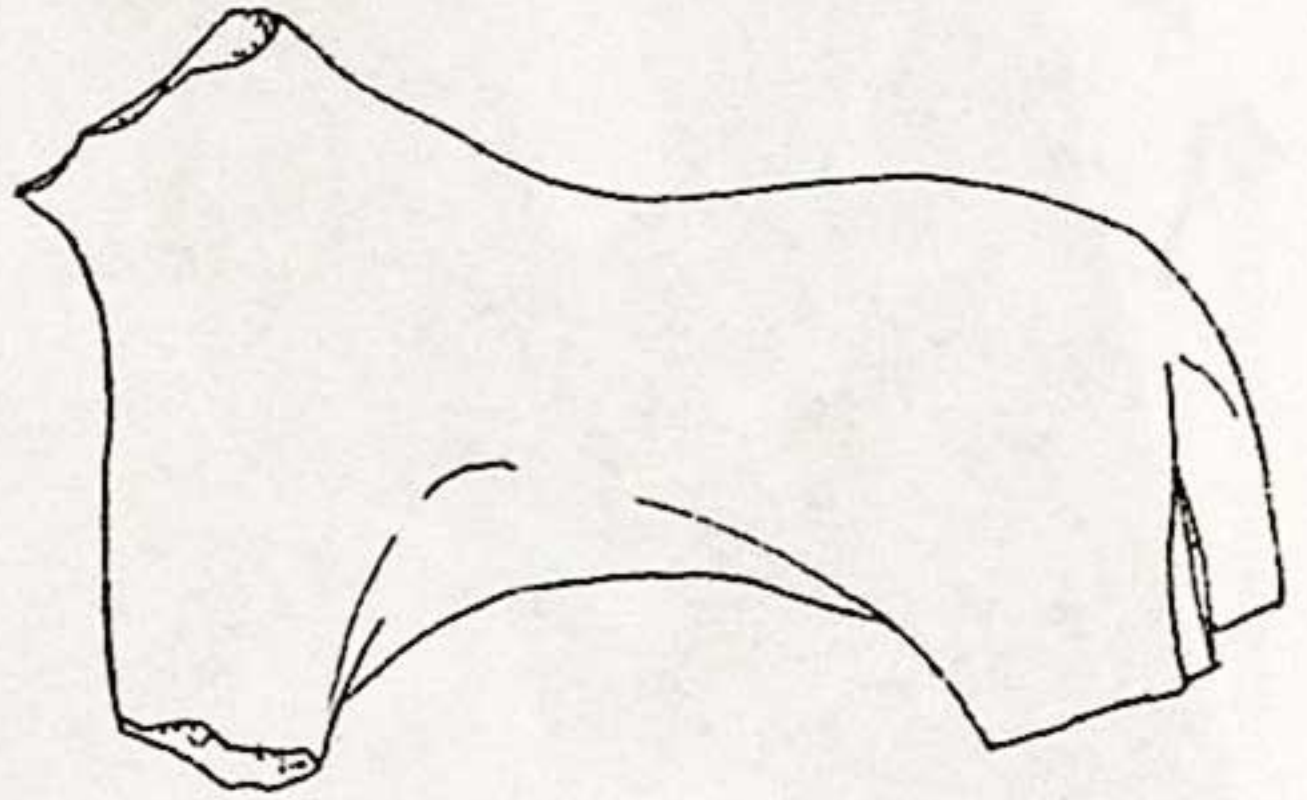
Фото 3. Второе домовладение, пом. 1, северная половина.

Фото 4. Второе домовладение, пом. 2, северный отрезок.

1

2

3

4

Рис.4 Шуробкурбан. Второе домовладение.
Терракота

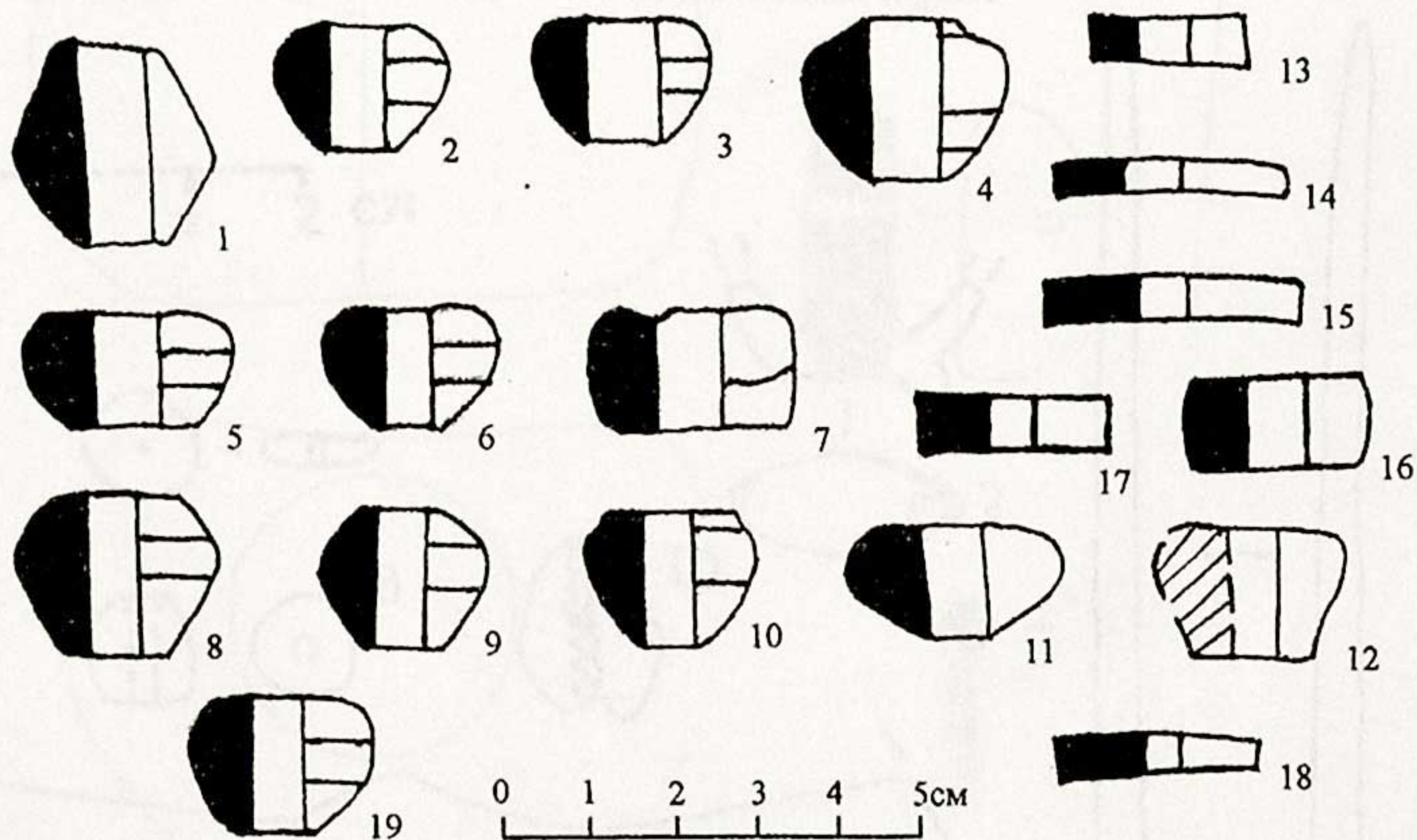

Рис. 5 Шуробкурбан. Второе домовладение. Пряслица и пуговицы

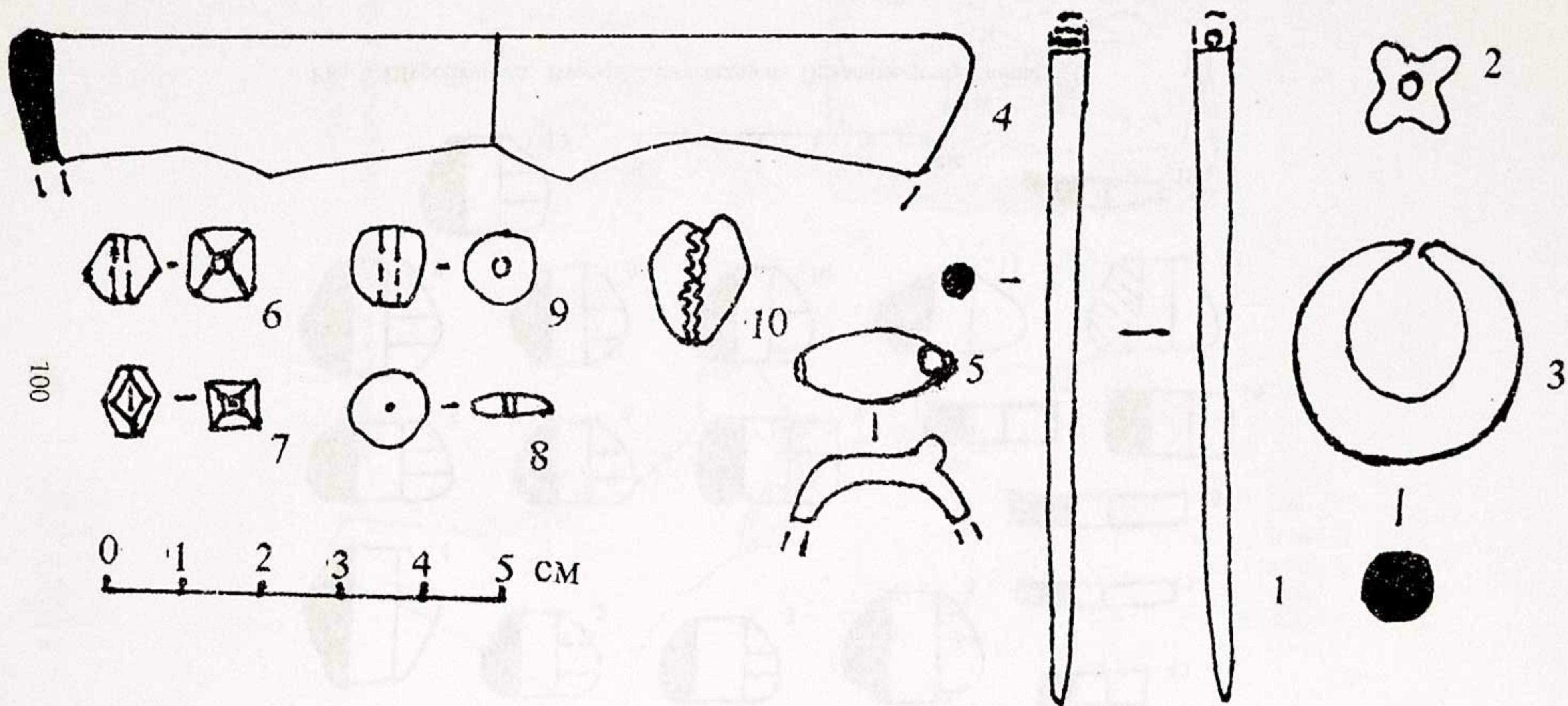
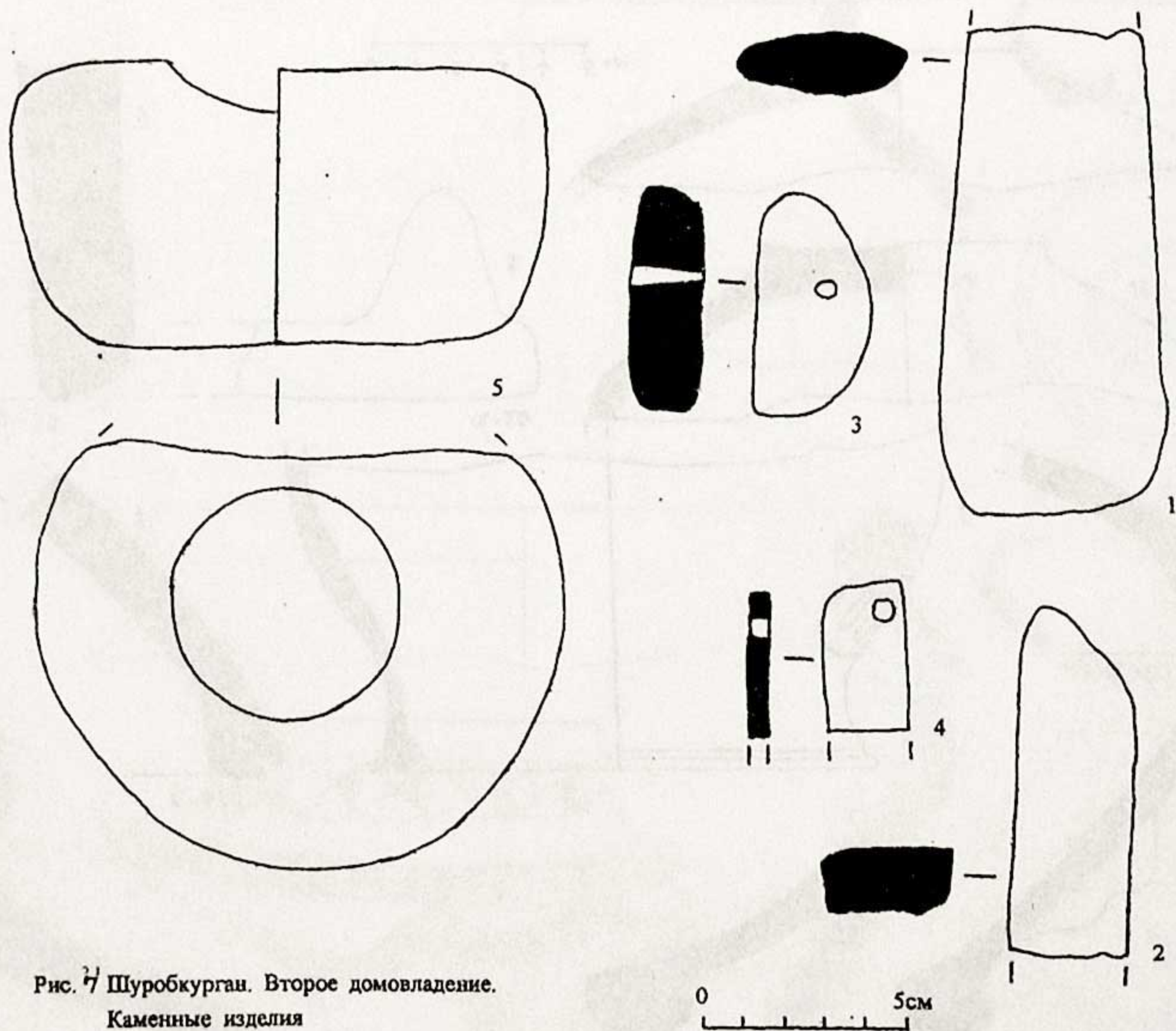

Рис. 6. Металлические изделия и бусы.

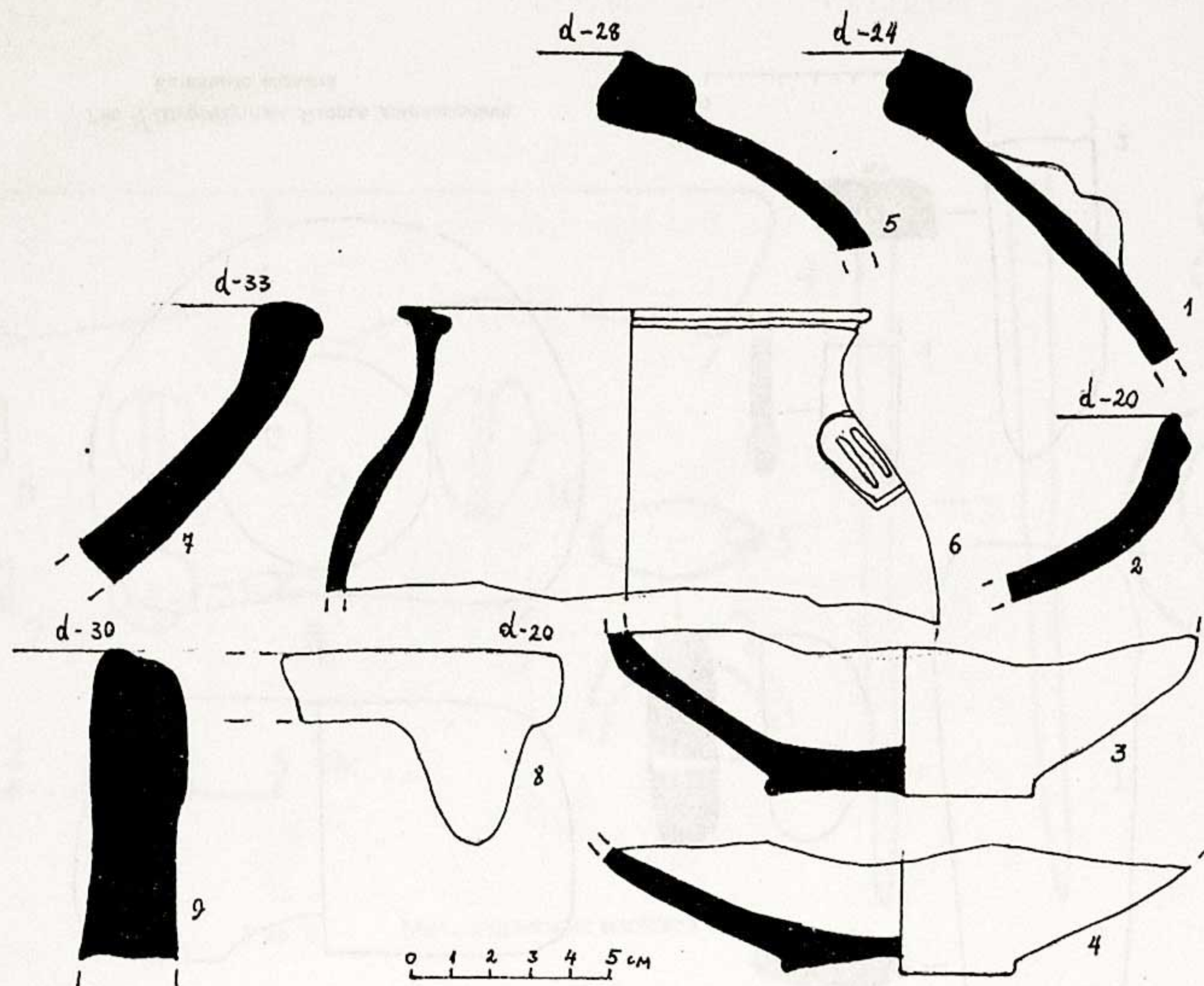

Рис. 8. Второе домовладение, пом. 1. Керамика.

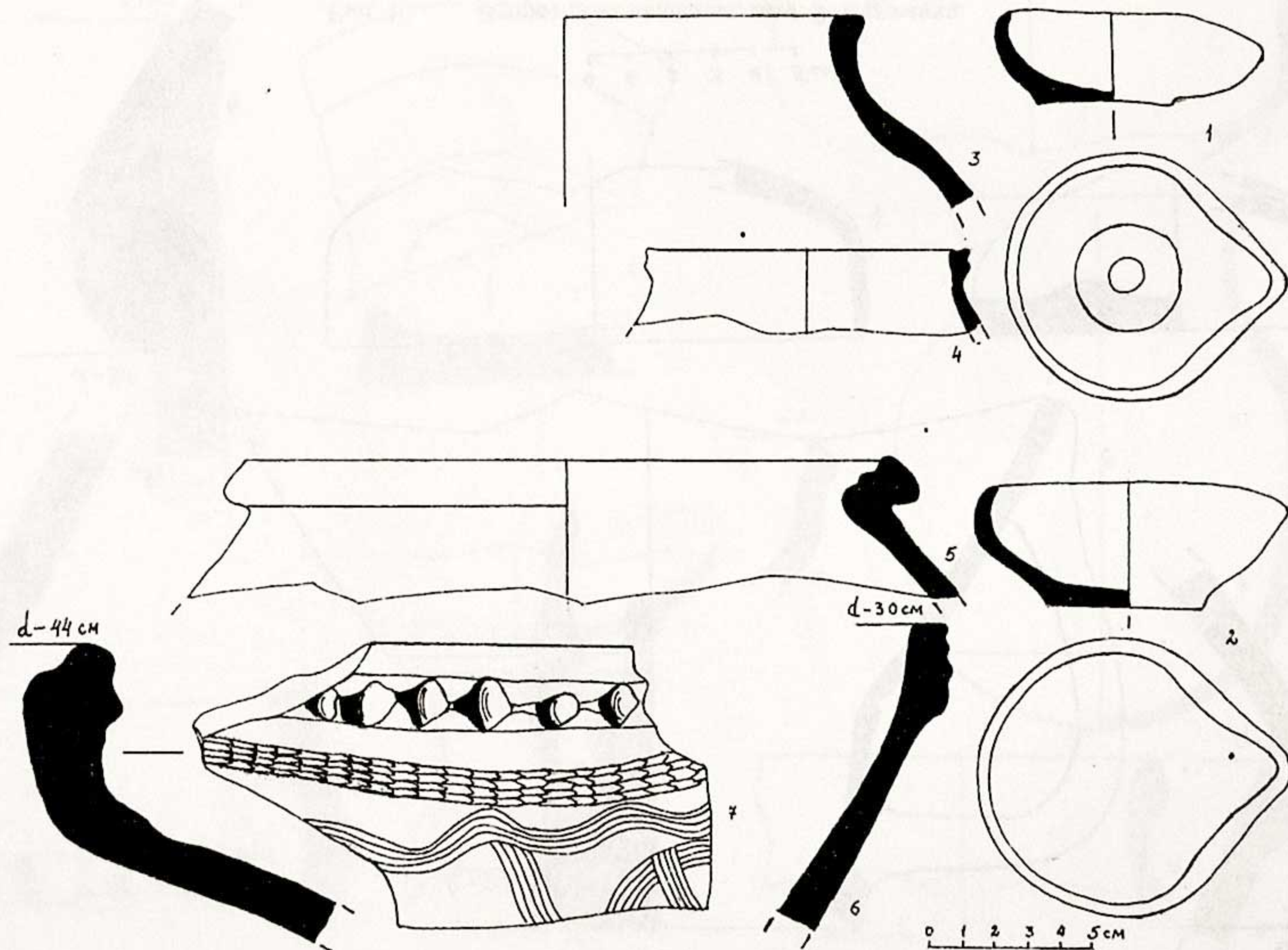

Рис. 9. Второе домовладение, пом. 1. Керамика.

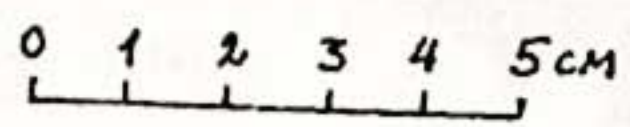
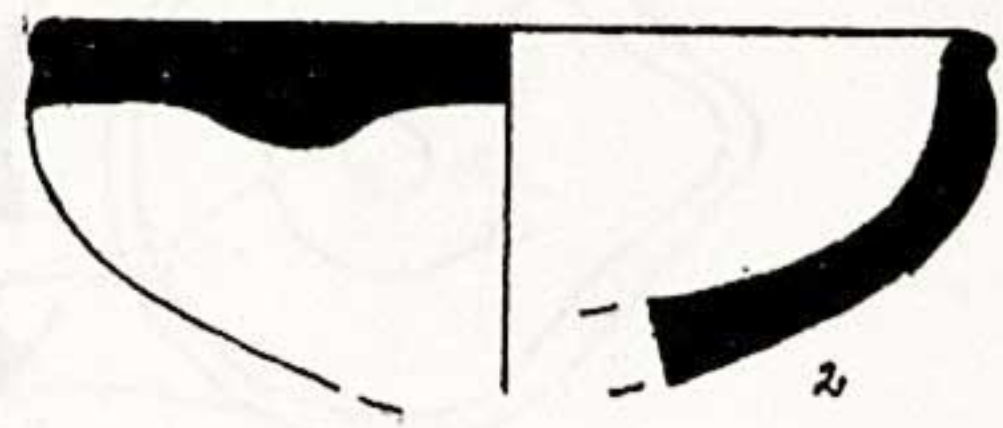
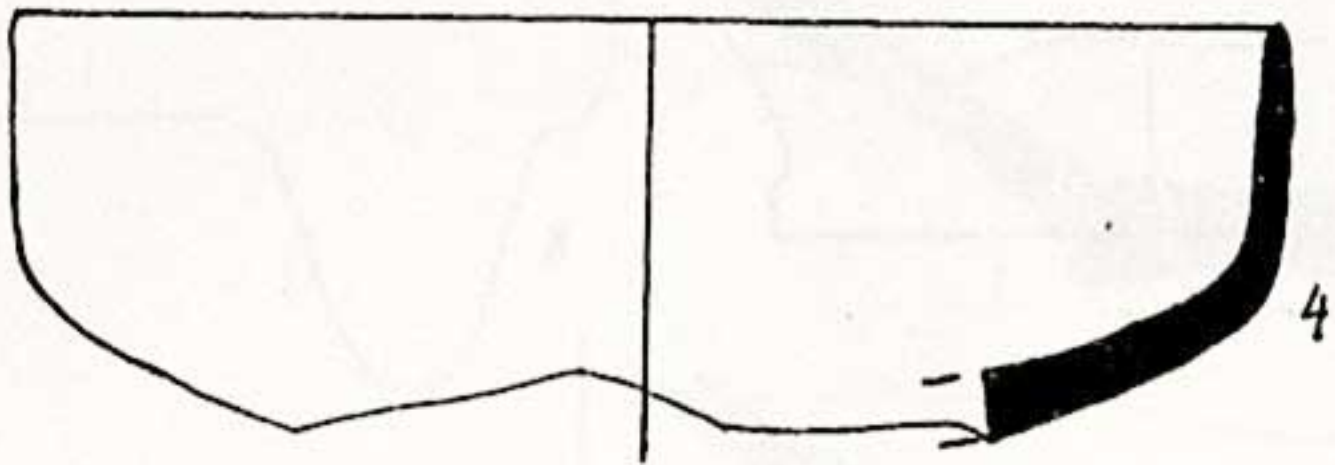
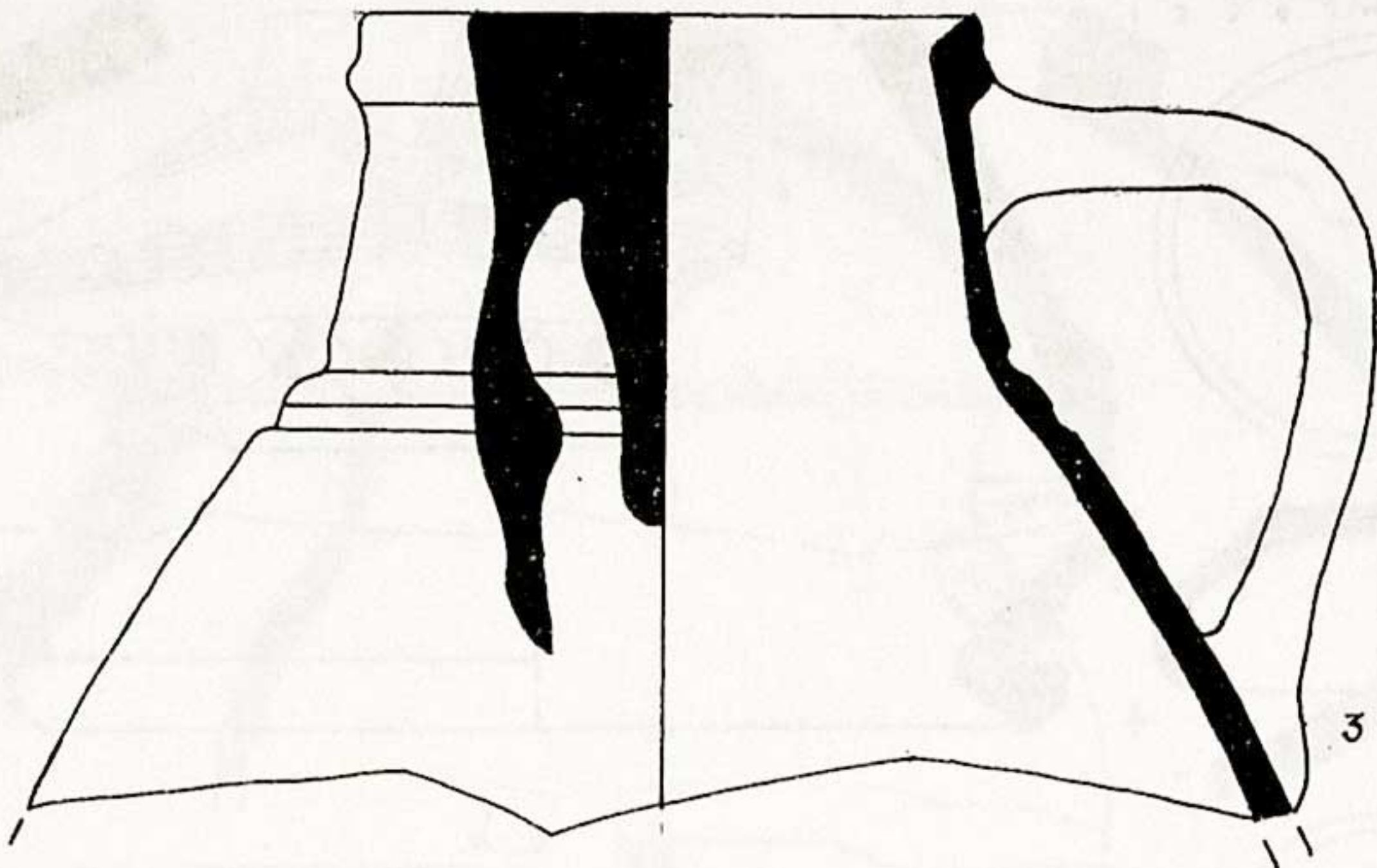
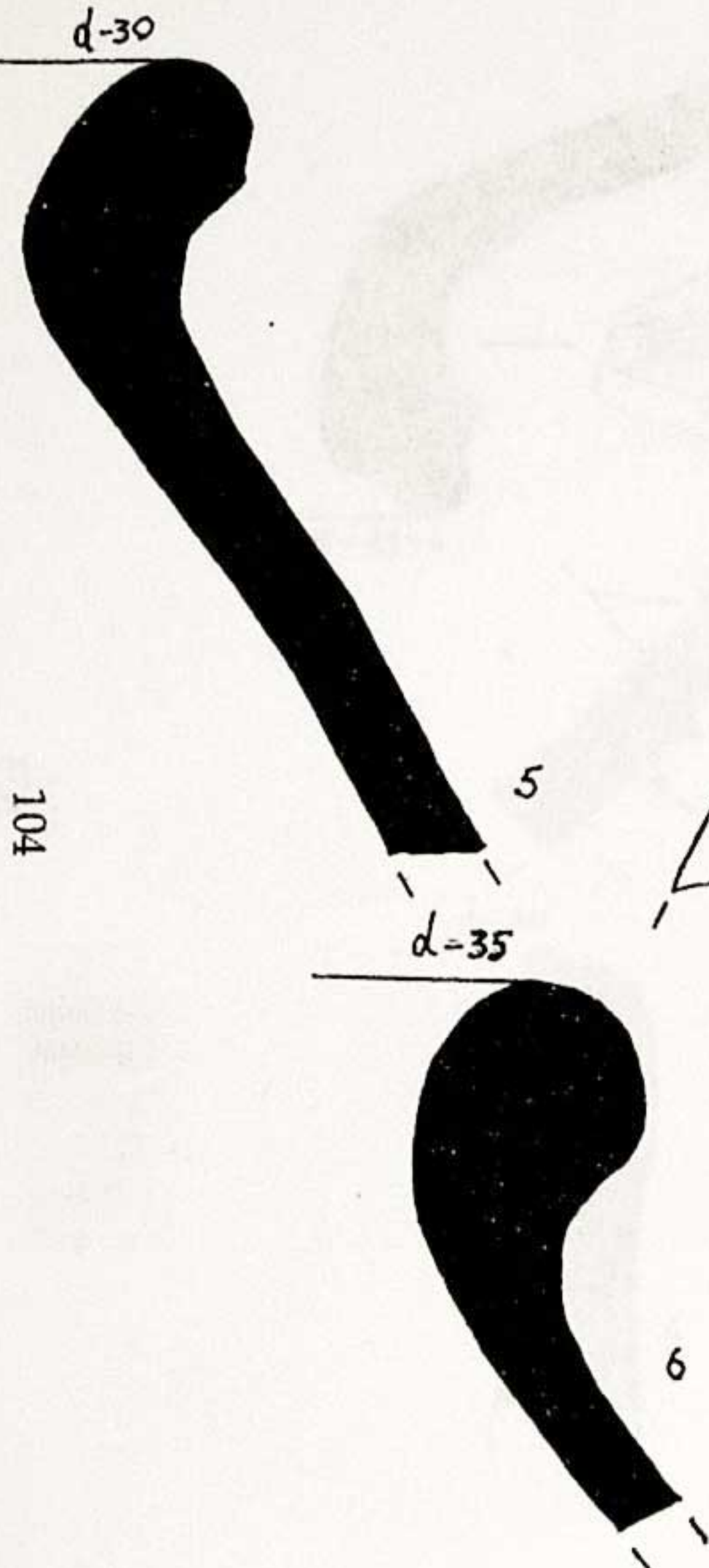

Рис. 10. Второе домовладение, пом. 2. Керамика.

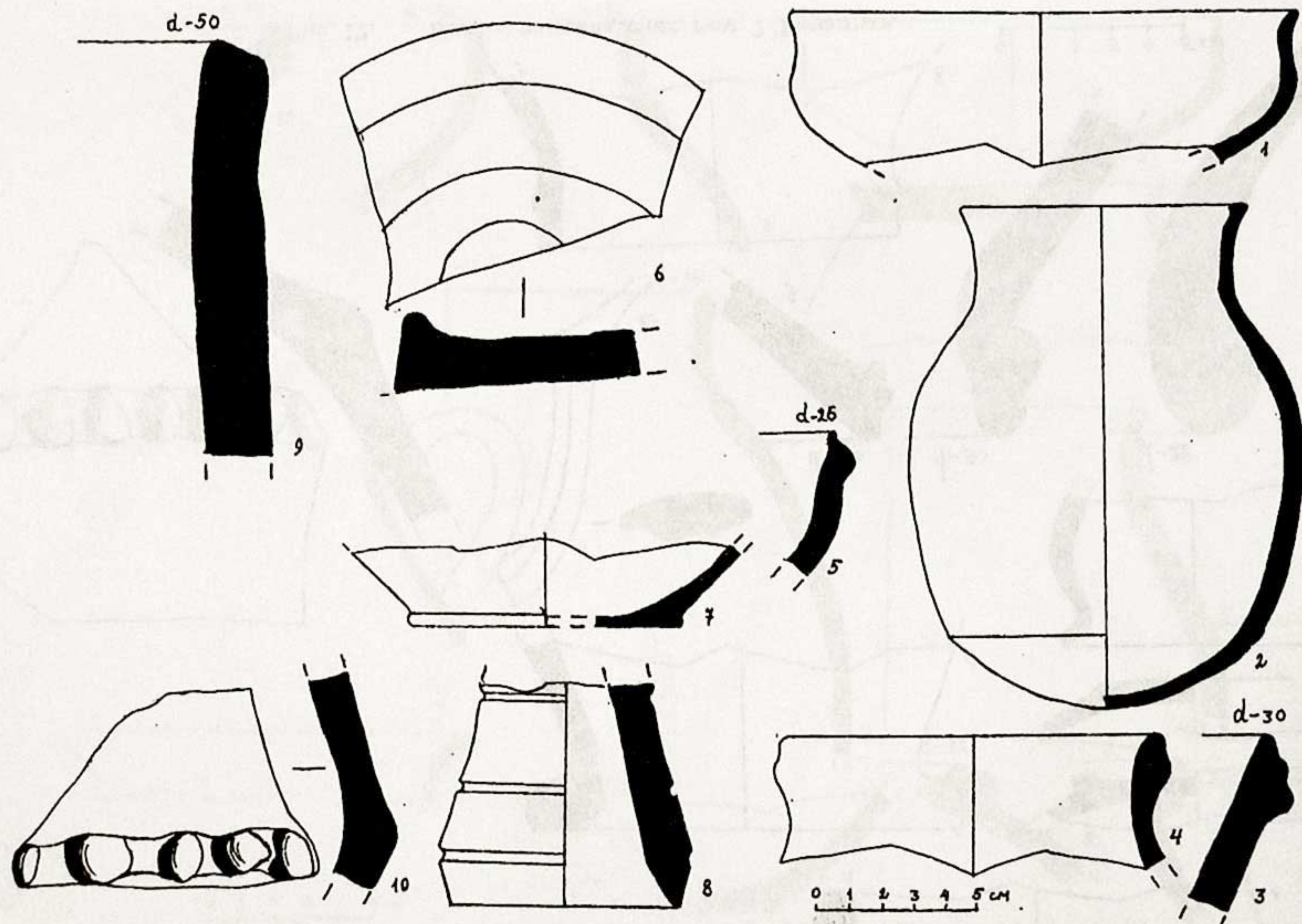

Рис. 11. Второе домовладение, пом. 2. Керамика.

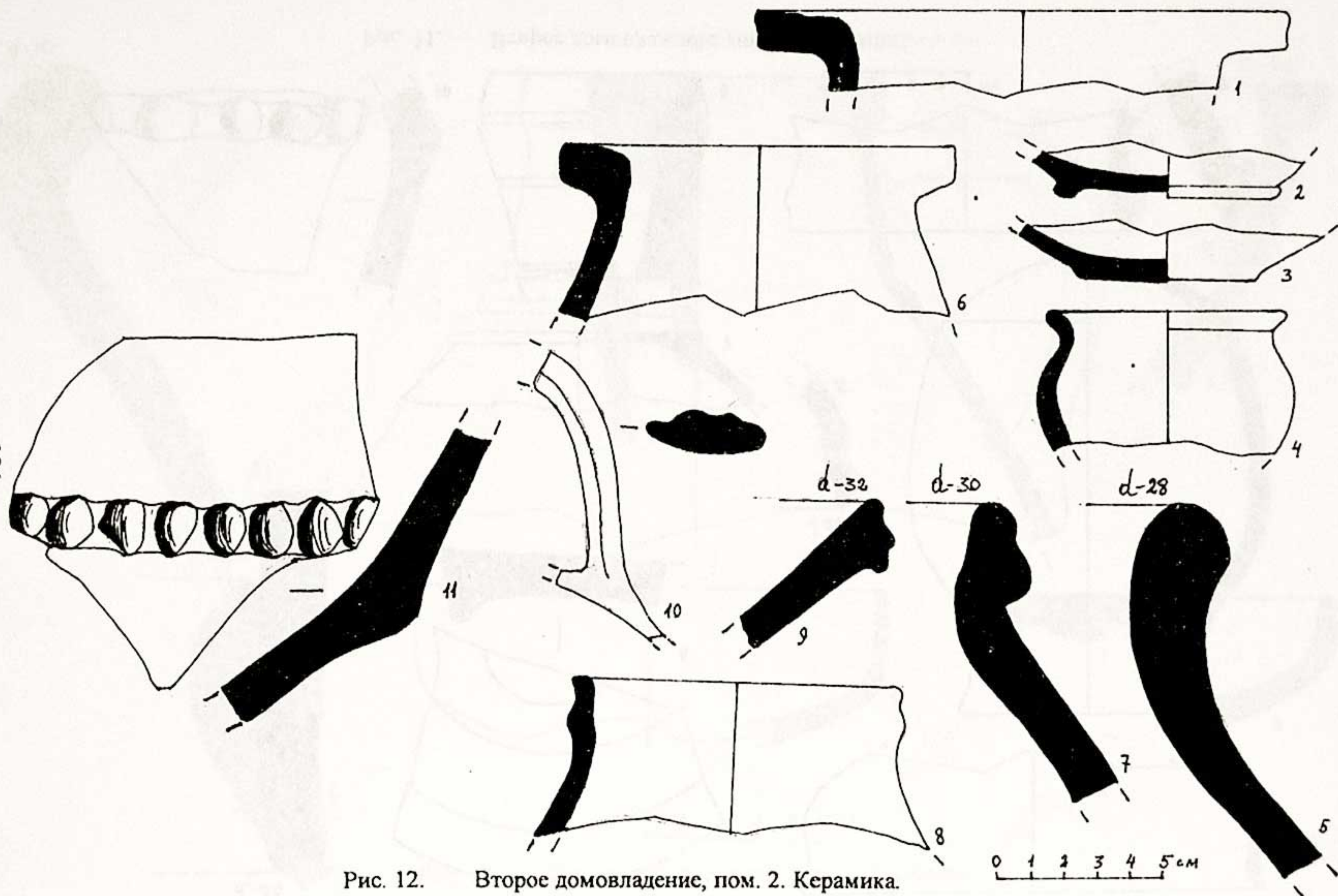

Рис. 12. Второе домовладение, пом. 2. Керамика.

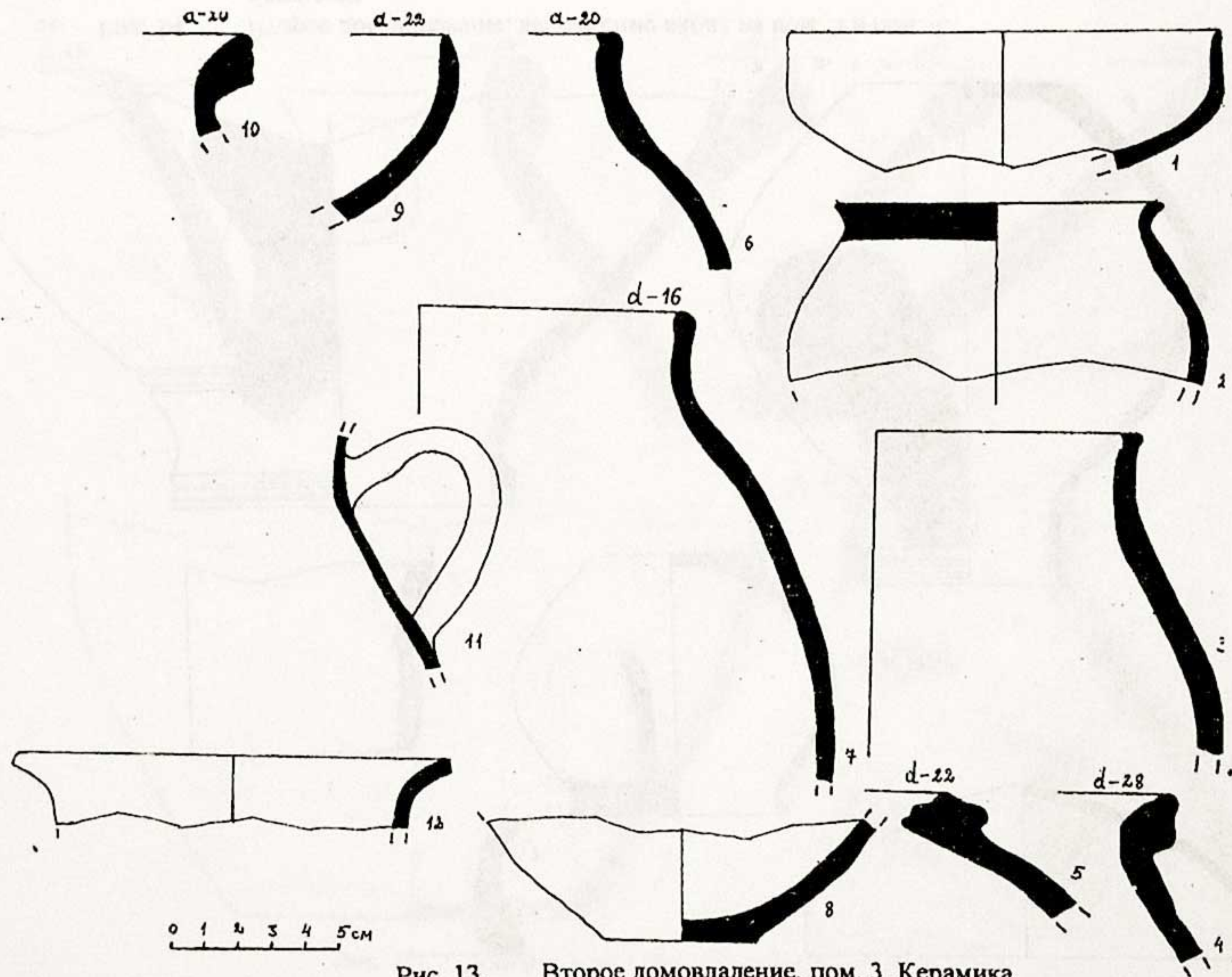

Рис. 13. Второе домовладение, пом. 3. Керамика.

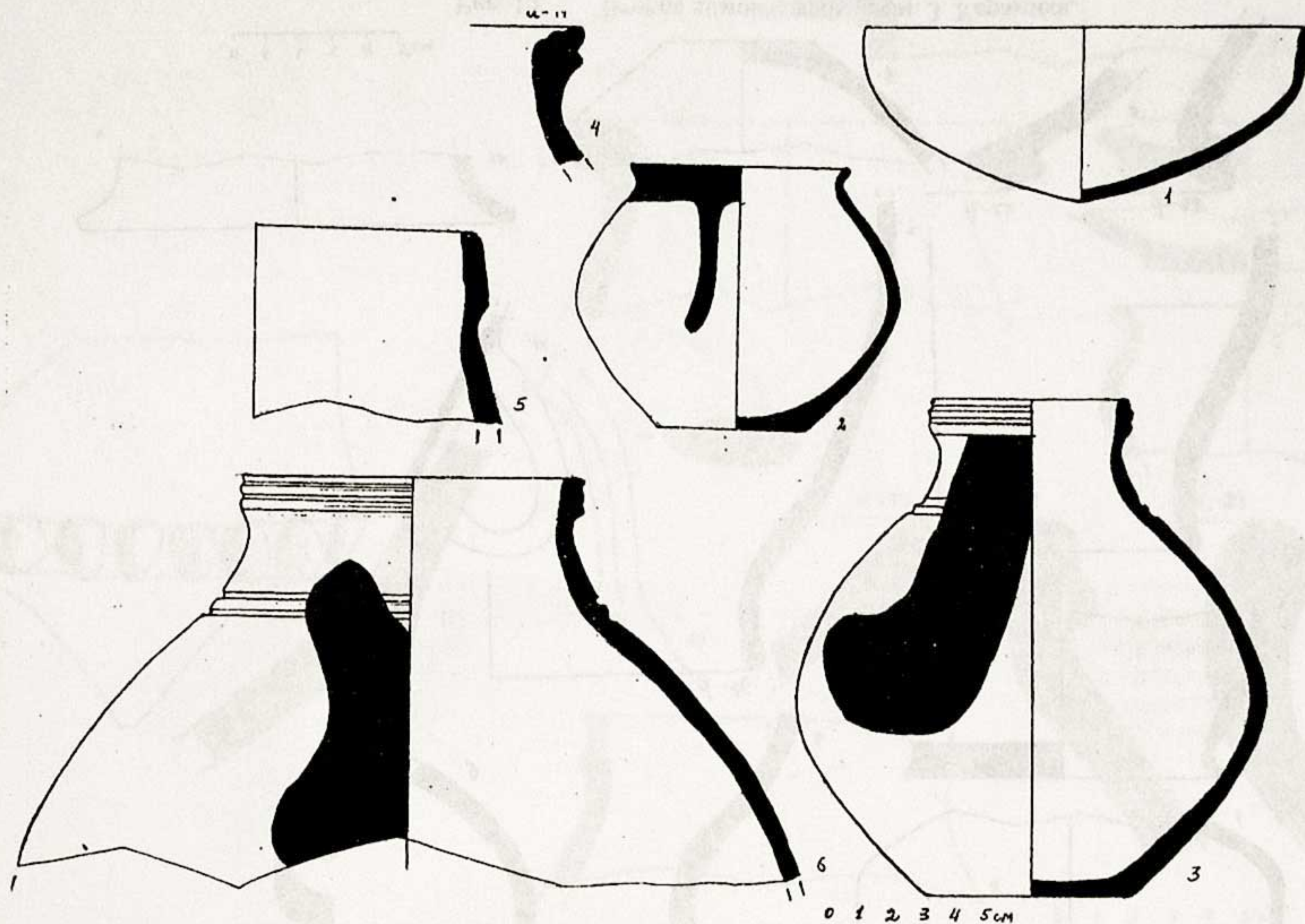

Рис. 14. Второе домовладение, заполнение входа из пом. 3 в пом. 4.
Керамика.

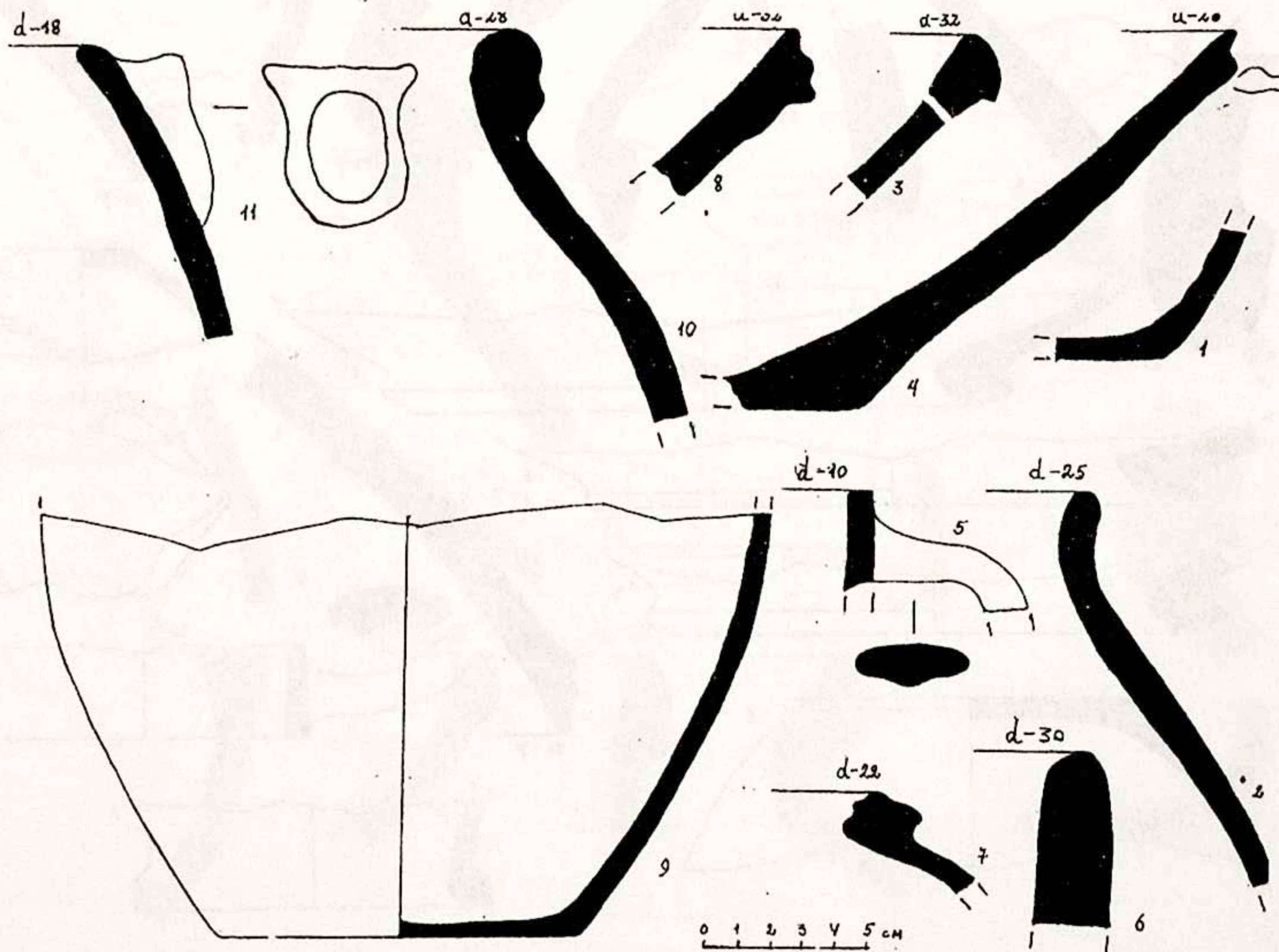

Рис. 15. Второе домовладение, пом. 4. Керамика.

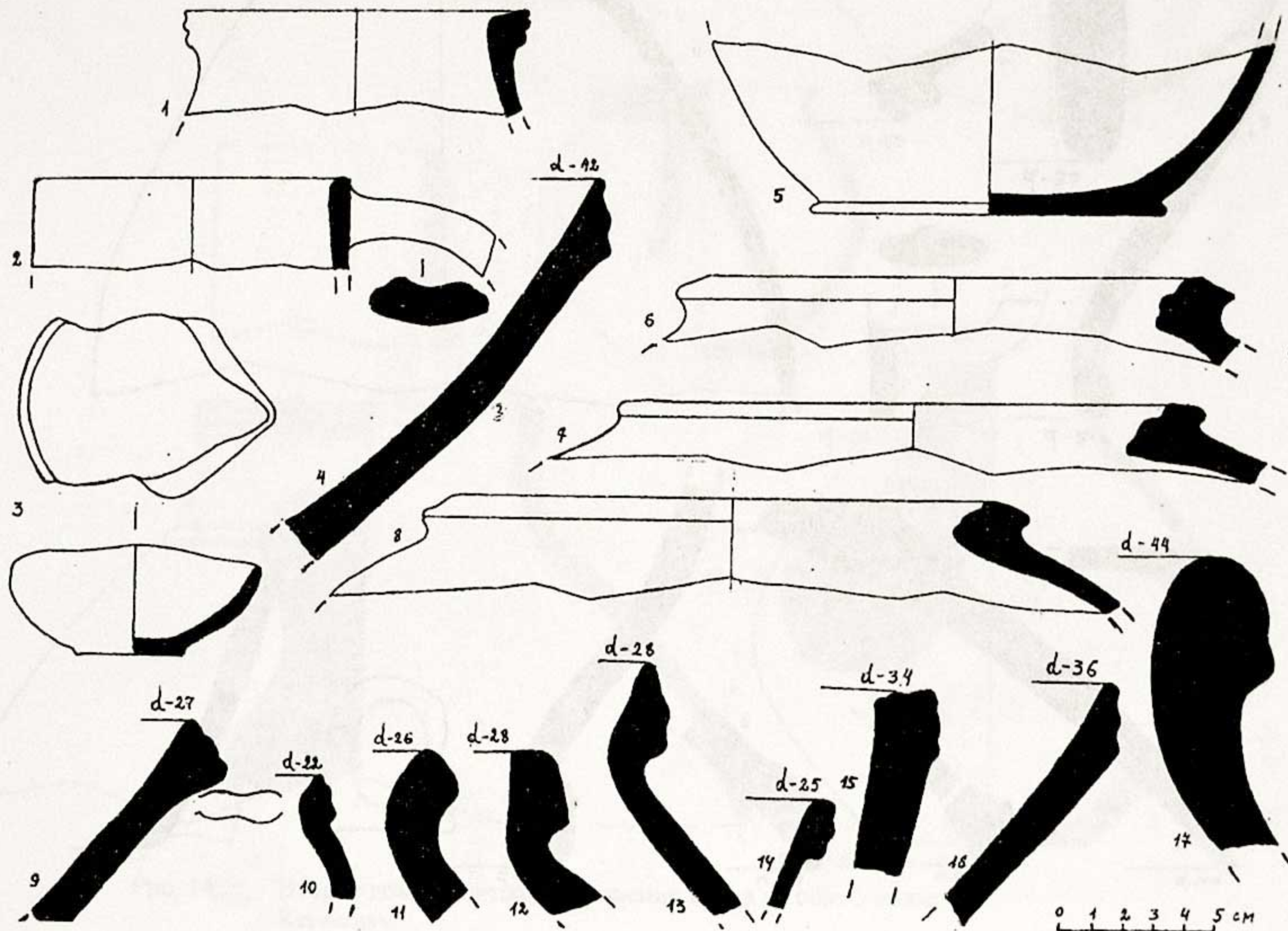

Рис. 16. Второе домовладение, двор. Керамика.

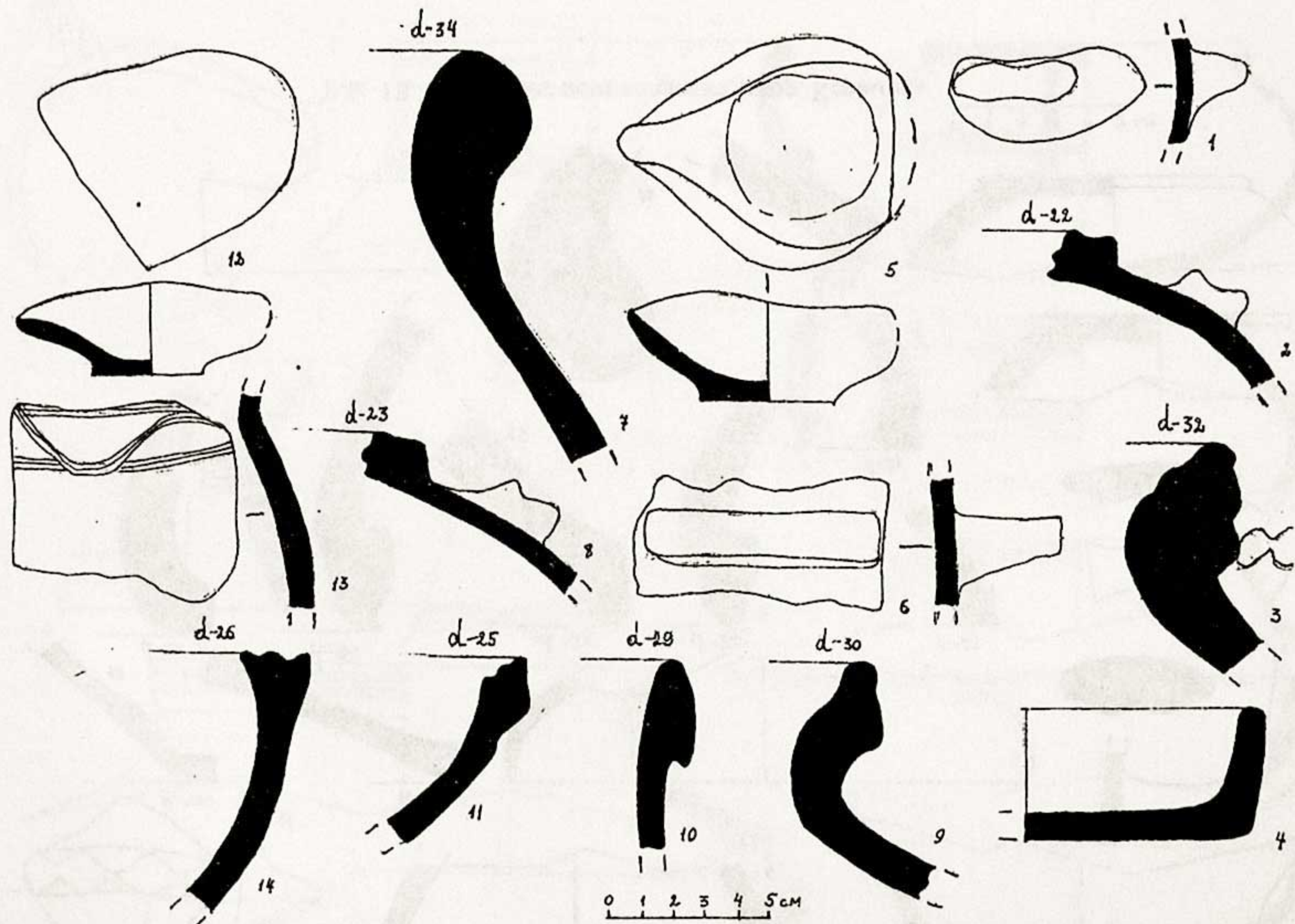

Рис. 17. Второе домовладение, двор. Керамика.

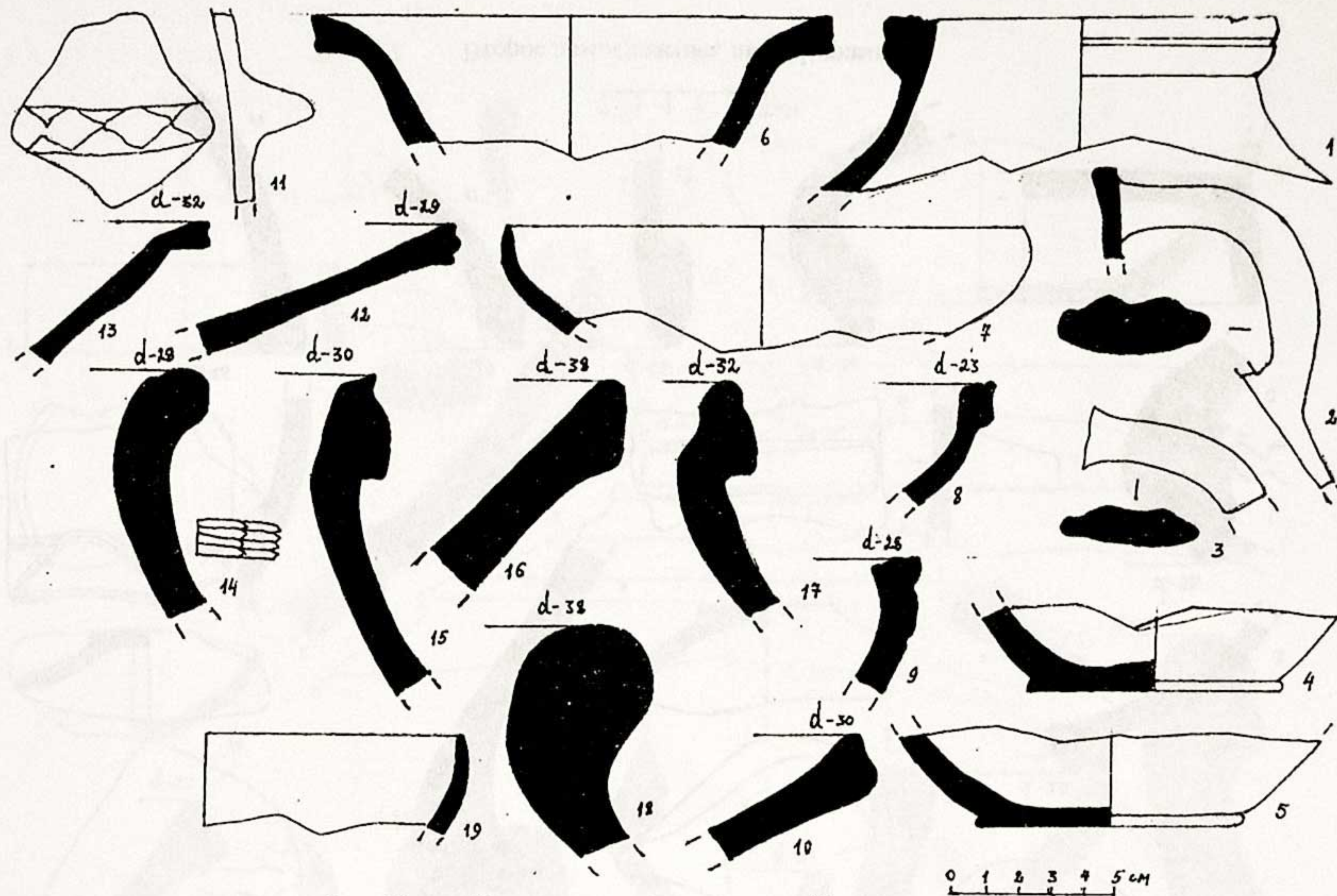

Рис. 18. Второе домовладение, двор. Керамика.

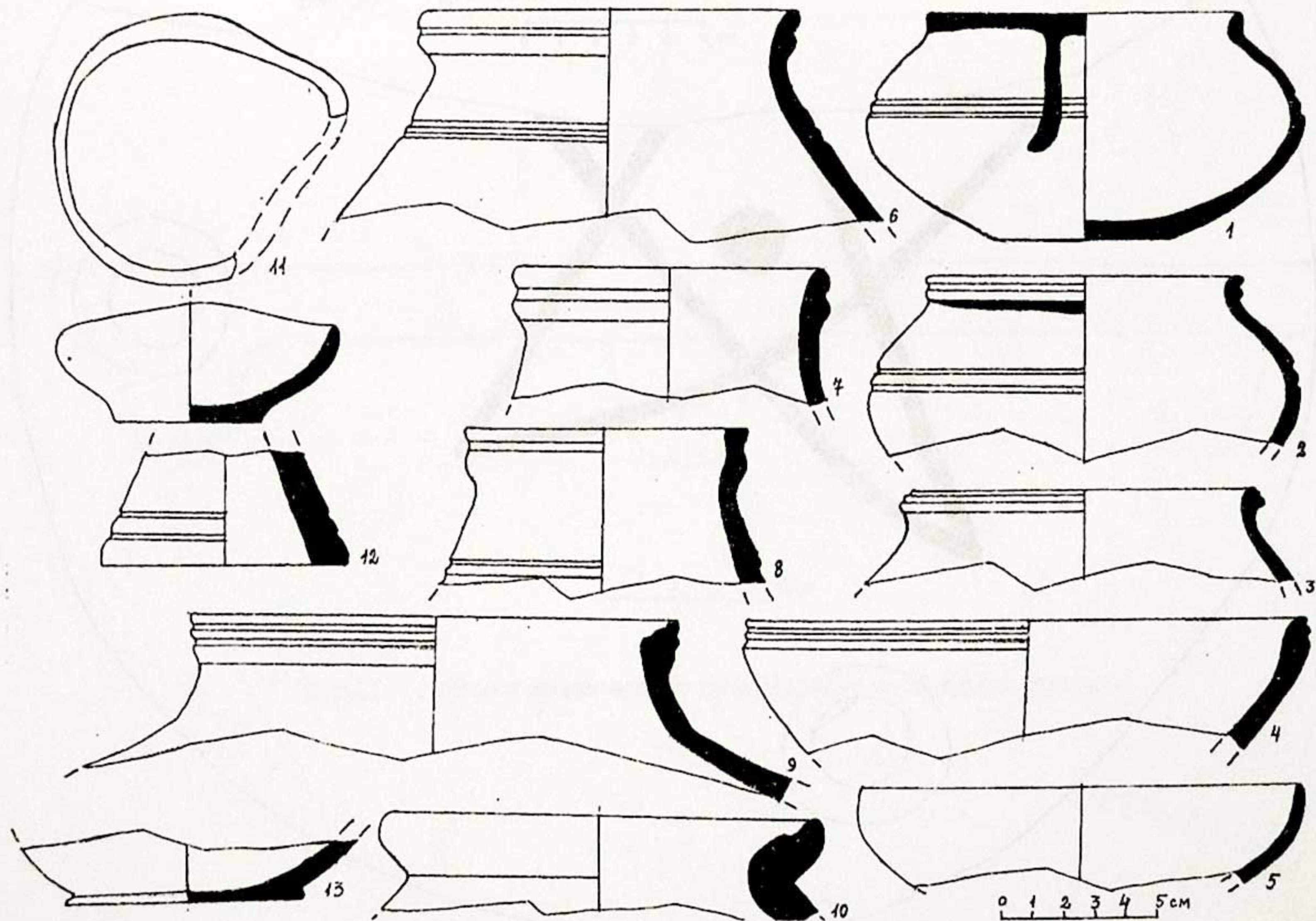

Рис. 19. Второе домовладение, двор. Керамика.

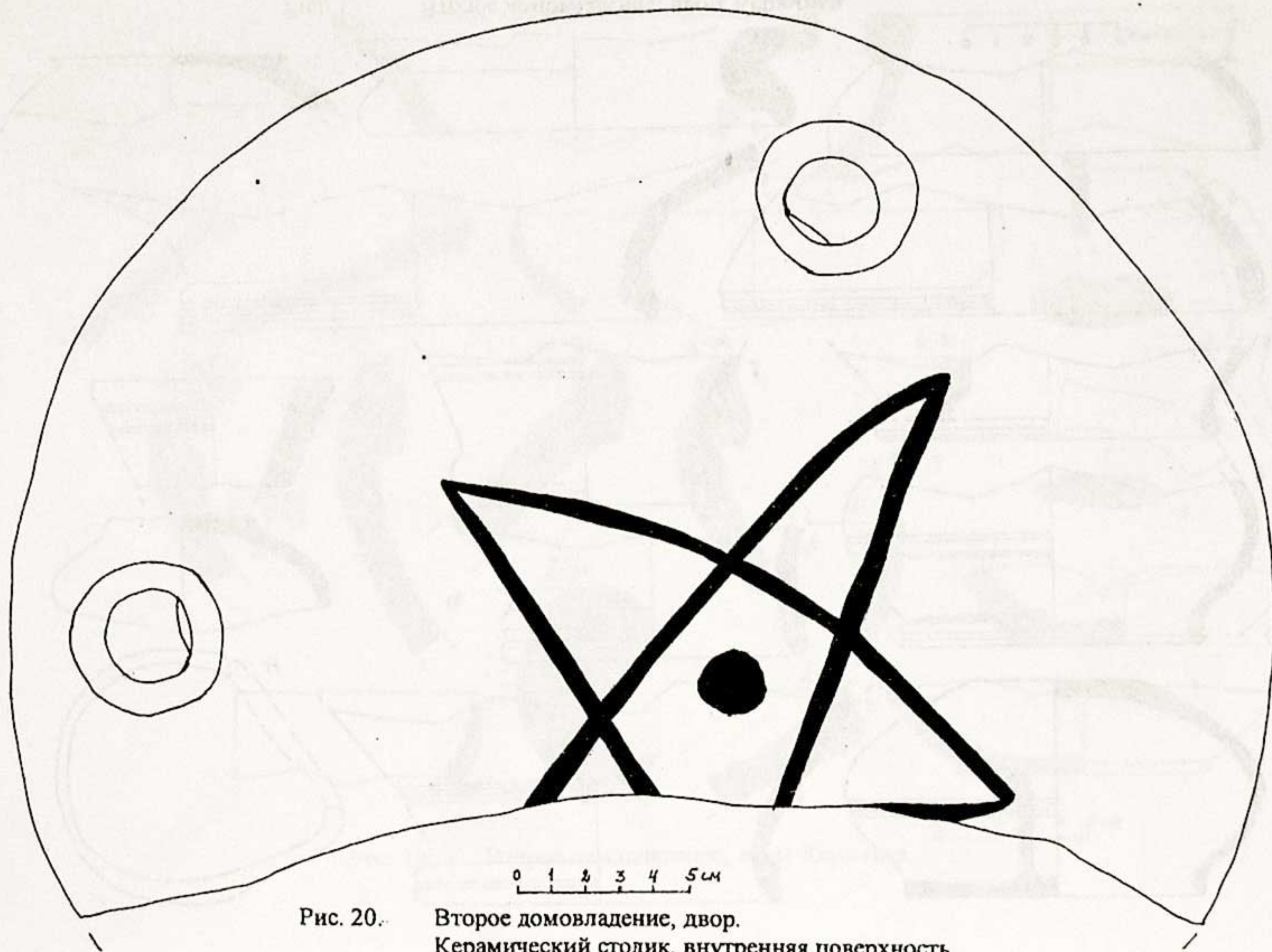

Рис. 20.

Второе домовладение, двор.
Керамический столик, внутренняя поверхность.

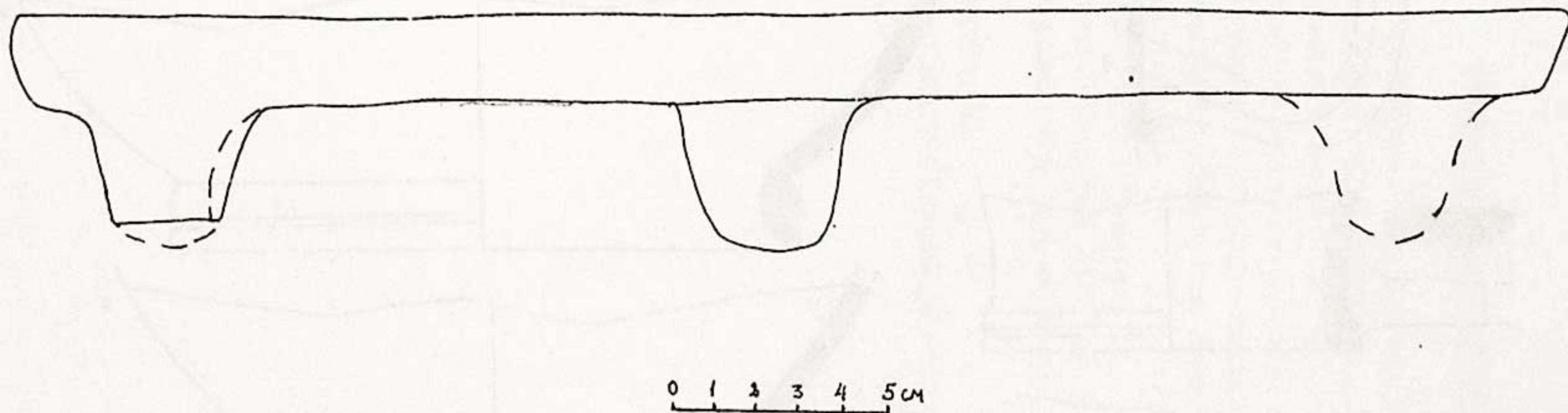

Рис. 21. Второе домовладение, двор. Керамический столик, профиль.

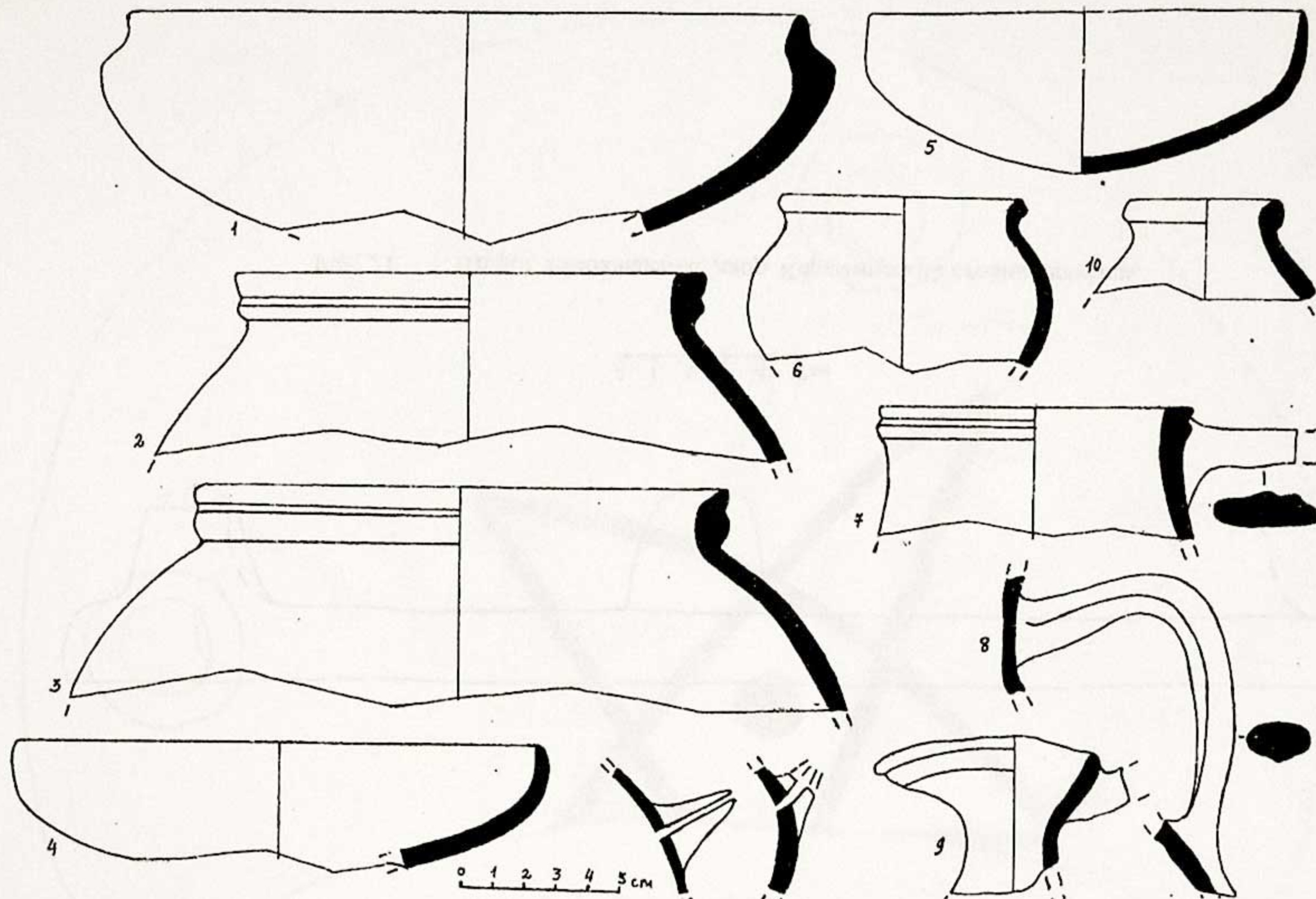

Рис. 22. Шуробкурбан. Зачистка холма к югу от второго домовладения.
Керамика.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АРТ – Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
АСУ – Архитектура и строительство Узбекистана. Ташкент.
ВДИ – Востник древней истории. М.
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
МИА -- Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
ОНУ - Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
СА – Советская археология. М.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР. М/
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Аш-хабат-Москва.
ЭВ – Эпиграфика Востока. М.
BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London Institution (University of London).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Ртвеладзе Э. В.</i> Городище Шуробкурбан.....	5
<i>Болелов С. Б.</i> Археологические исследования на городище Шуробкурбане в 1982 году (к истории материальной культуры Северного Тохаристана в эпоху раннего средневековья).....	10
<i>Ильясов Дж. Я.</i> Терракотовые плакетки с городища Шуробкурбан	62
<i>Ртвеладзе Э. В.</i> Монетные находки с городища Шуробкурбан.....	69
<i>Ртвеладзе Э. В.</i> Наусы Шуробкурбана.....	73
<i>Соловьев В. С.</i> Раскопки второго домовладения.....	76
Список сокращений.....	117
Содержание.....	118

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ
ТОХАРИСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск 4

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ШУРОБКУРГАНА**

*Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. Н. Бутов
Переплет и обложка выполнены
в МУП "Типография" г. Ельца*

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.

Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.
Усл.-печ.л. 7,4. Уч.-изд.л. 7,6 .
Тираж 500 экз. (1-й завод 1-100 экз.). Заказ 93

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28.